

ТОМ
225

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

МОСКВА
№ 5 (225)
2020

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 Г.

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

МОСКВА
№ 5/2020

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS

OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED TWENTY FIFTH

MOSCOW
№ 5/2020

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

225 том Научных трудов Вольного экономического общества России – совместное издание Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «the Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Volume 225 of the Scientific works of the Free Economic Society of Russia is a joint publication of the VEO of Russia and the International Union of Economists.

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

УДК 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2020
© The Free economic society of Russia, 2020

ISBN 978-5-94160-214-8
ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов Вольного экономического общества России

**БОДРУНОВ Сергей
Дмитриевич**

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов Вольного экономического общества России

**ГЕОРГИЕВ Румен
Младенов**

Вице-президент Международного Союза экономистов, профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

**ГЛАЗЬЕВ Сергей
Юрьевич**

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕАК), член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ГРИНБЕРГ Руслан
Семенович**

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ГРОМЫКО Алексей
Анатольевич**

Член Президиума ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д.п.н. (г. Москва, Россия)

**ДАВЫДОВ Владимир
Михайлович**

Член Правления ВЭО России, член Координационного совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей ибероамериканского мира, заместитель Председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ДЫНКИН
Александр
Александрович**

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ЛЕМЕЩЕНКО Петр
Сергеевич**

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель председателя комиссии по технологическому развитию Союзного государства, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

ПЕТРИКОВ
Александр
Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ Борис
Николаевич

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

САМЕДЗАДЕ Зияд
Алиаббас оглы

Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета по экономической политике, промышленности и предпринимательства Милли Меджлиса Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

СИЛИН Яков
Петрович

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

СОРОКИН Дмитрий
Евгеньевич

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, руководитель департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ**Михаил
Абдурахманович**

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Юрий**Васильевич**

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ Джеймс

Член Международного комитета ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

НОЛАН ПИТЕР

Член Международного комитета ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Центра развития Кембриджского университета, профессор (Великобритания)

Редакционная коллегия Научных трудов Вольного экономического общества России

**АЛЕКСЕЕВ Аркадий
Васильевич**

Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)

**БОБИНА Анна
Вячеславовна**

Член Правления ВЭО России, заместитель директора – руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н.
(г. Москва, Россия)

**БАРСУКОВ Игорь
Евгеньевич**

Член Правления ВЭО России, директор Института развития образования ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к.э.н. (г. Москва, Россия)

**ВЕРЕНИКИН
Алексей Олегович**

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор
(г. Москва, Россия)

**ГОЛОВ Роман
Сергеевич**

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ДЗАРАСОВ Руслан
Солтанович**

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ
Александр
Анатолевич

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

МАНЮШИС
Альгирдас Юозович

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РАТНИКОВА
Маргарита
Анатолевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

Editor-in-Chief of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Sergey
D. BODRUNOV**

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of Transactions of the Free Economic Society of Russia

**Rumen
M. GUEORGUIEV**

Vice President of the International Union of Economists, Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

**Sergey Yu.
GLAZIEV**

Vice President of the VEO of Russia, Minister for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Ruslan
S. GRINBERG**

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Aleksey
A. GROMYKO**

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Member of the IUE Coordination Council, Director of the RAS Institute of Europe, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia)

**Vladimir
M. DAVYDOV**

Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Alexander
A. DYNKIN**

Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Petr
S. LEMESHCHENKO**

Vice-President of the International Union of Economists, Deputy Chairman of the Commission for Technological Development of the Union State, Head of the Department of Theoretical and Institutional Economics of the Belarusian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus).

**Alexander
V. PETRIKOV**

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russia Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Boris
N. PORFIRIYEV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Scientific Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Ziyad Aliabbas
ogly SAMEDZADE**

Vice President of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Full member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Yakov P. SILIN

Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Dmitry E. SOROKIN Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Head of the Department of Economic Theory at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Michael A. ESKINDAROV Vice President of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yuri V. YAKUTIN Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the “*Ekonomicheskaya Gazeta*” Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

James Kenneth GALBRAITH Member of the International Council at the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Professor in the Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas at Austin (USA)

Peter NOLAN Member of the International Council at the VEO of Russia, Member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Professor, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University (United Kingdom)

Editorial Board of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Arkady
V. ALEXEYEV**

Member of the Board of the VEO of Russia,
Editorial Director at Mir Peremen International
Academic and Social Journal, Candidate
of Economics (Moscow, Russia)

Anna V. BOBINA

Member of the Board of the VEO of Russia,
Deputy Director, Head of the Department
for Academic Conferences and Nationwide
Projects at the VEO of Russia, Candidate
of Technical (Moscow, Russia)

Igor E. BARSUKOV

Member of the Board of the VEO of Russia,
Director of the Institute for the Development
of Education at the Academy of Public
Administration, Associate Professor of the
Department of Management of the Academy
of Public Administration, Academic Secretary
of the Expert Council for Independent
Valuation of Economic Education Quality
at the VEO of Russia, Candidate of Economics
(Moscow, Russia)

**Aleksey
O. VERENIKIN**

Member of the Board of the VEO of Russia,
Director for Postgraduate Education
at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow
State University, Doctor of Economics, Professor
(Moscow, Russia)

Roman S. GOLOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Ruslan
S. DZARASOV**

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Alexander
A. ZOLOTAREV**

Vice President of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg Regional Public Organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Candidate of Economics (Saint Petersburg, Russia)

**Algirdas Yu.
MANYUSHIS**

Member of the Board of the VEO of Russia, Rector at the International University in Moscow, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Margarita
A. RATNIKOVA**

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)

Содержание

- 23 НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**
Экспертная сессия ВЭО России и Международного Союза экономистов
Внимание, перезагрузка: как настроить нацпроекты заново
- 26 ***С.Ю. Глазьев***
 Пандемический кризис помог укрепиться новому технологическому укладу
- 36 ***В.В. Гутенев***
 Научно-технические заделы — основа эффективной реализации национальных проектов
- 43 ***Б.Н. Порфирьев***
 Корректировка национальных проектов: риски и мультипликативный эффект
- 49 ***А.Г. Аганбегян***
 Перезапуск национальных проектов как условие экономического роста
- 65 ***Г.Б. Клейнер***
 Экономическая доктрина России: узловые компоненты и национальные проекты
- 79 ***Е.Б. Ленчук***
 Национальные проекты в системе целеполагания социально-экономического развития России
- 91 ***В.В. Иванов***
 Наука как фундамент национальных проектов
- 104 ***М.В. Ершов, А.С. Танасова***
 О некоторых механизмах стимулирования кредитования

115 МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИУМ

Теория конвергенции и современные тенденции развития цивилизации

116 *С.Д. Бодрунов*

Георгий Николаевич Цаголов: человек, гражданин, ученый
(к 80-летию со дня рождения)

126 *А.В. Бузгалин, А.И. Колганов*

Интегральное общество: противоречия и перспективы
(памяти Г.Н. Цаголова)

138 *Джеймс К. Гэлбрейт*

Теория конвергенции и современные тренды:
комментарий Джеймса К. Гэлбрейта

143 *Радика Десаи*

Новое индустриальное государство и конвергенция:
поиск предпосылок в теории Маркса

158 *А.Ю. Манюшиц*

Теория конвергенции: новое прочтение
(научное наследие Г.Н. Цаголова)

169 *Г.Б. Клейнер*

Интегральное общество, интегральная экономика,
интегральный ученый (памяти Г.Н. Цаголова)

181 АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

- 182 ***С.Н. Рябухин, М.А. Минченков, В.В. Водянова, М.П. Заплетин***
 Двухконтурная валютно-финансовая система как инструмент
 развития национальной экономики Российской Федерации
 и обеспечения ее суверенитета
- 201 ***И.В. Данилин***
 Влияние кризиса на инновационно-технологическое развитие:
 провал, прорыв, возможность?
- 239 ***Н.И. Масленников***
 Мировая экономика: к повестке «долгого» восстановления
- 264 ***С.В. Кочетков, О.В. Кочеткова***
 Инновационное развитие России — через регулирование
 к новому качеству экономического роста
- 276 ***Ю.И. Бушенева***
 Проблемы применения методологии прогнозирования
 и планирования экономики в современной России
- 293 ***Т.Н. Роденкова, Д.А. Покаместов***
 Партиципативная модель проектного финансирования вузов
 в условиях цифровой трансформации образования

Contents

23 SCIENTIFIC DISCUSSION

Expert session of the VEO of Russia and the International Union of Economists

Attention, restart: how to set up national projects again

26 **S.Yu. Glaziev**

The pandemic crisis has helped to strengthen the new technological order

36 **V.V. Gutenev**

Scientific and technical achievements — the basis for effective implementation of national projects

43 **B.N. Porfiriev**

Adjustment of national projects: risks and multiplier effect

49 **A.G. Aganbegyan**

Restarting national projects as a condition for economic growth

65 **G.B. Kleiner**

Economic doctrine of Russia: nodal components and national projects

79 **E.B. Lenchuk**

National projects in the goal-setting system of social and economic development of Russia

91 **V.V. Ivanov**

Science as the foundation of national projects

104 **M.V. Ershov**

A.S. Tanasova

About some mechanisms of stimulating credit growth

115 INTERNATIONAL MEMORIAL

**Convergence theory and current trends
in the development of civilization**

116 ***S.D. Bodrunov***

Georgy Nikolaevich Tsagolov: man, citizen, scientist
(on the occasion of the 80th birthday)

126 ***A.V. Buzgalin***

A.I. Kolganov

Integral society: contradictions and perspectives
(in the memory of G.N. Tsagolov)

138 ***J.K. Galbraith***

Convergence theory and contemporary trends:
a comment by James K. Galbraith

143 ***R. Desai***

The new industrial state and convergence: antecedents in Marx

158 ***A.J. Maniushis***

Convergence theory: a new reading
(scientific heritage of G.N. Tsagolov)

169 ***G.B. Kleiner***

Integral society, integral economics, integral scientist
(in memory of G.N. Tsagolov)

181 ANALYTICAL ARTICLES

- 182** *S.N. Ryabukhin*
M.A. Minchenkov
V.V. Vodyanova
M.P. Zapletin
Dual-circuit monetary and financial system as a tool for developing the national economy of the Russian Federation and ensuring its sovereignty
- 201** *I.V. Danilin*
Impact of the crisis on innovation and technological development: failure, breakthrough, opportunity?
- 239** *N.I. Maslennikov*
Global economy: towards a «long» recovery agendae
- 264** *S.V. Kochetkov*
O.V. Kochetkova
Innovative development of Russia: through regulation to a new quality of economic growth
- 276** *Y.I. Busheneva*
Problems of application of the methodology for forecasting and planning of economy in modern Russia)
- 293** *T.N. Rodenkova*
D.A. Pokamestov
Participative model of project finance of universities in the conditions of the digital transformation of educationg

ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ ВЭО РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ

Внимание, перезагрузка: как настроить нацпроекты заново

23 сентября 2020 года в Доме экономиста в совмещенном онлайн- и офлайн-формате состоялась экспертная сессия Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов на тему: «Внимание, перезагрузка: как настроить нацпроекты заново».

Модератор — Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор.

По итогам сессии разработаны экспертные предложения, которые направлены в профильные органы государственного управления.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров экспертной сессии.

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-26-35

ПАНДЕМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПОМОГ УКРЕПИТЬСЯ НОВОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ

THE PANDEMIC CRISIS HAS HELPED TO STRENGTHEN THE NEW TECHNOLOGICAL ORDER

ГЛАЗЬЕВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ

Вице-президент ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), академик РАН, д.э.н., профессор

SERGEY YU. GLAZIEV

Vice President of the VEO of Russia, Member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Minister for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

В материале содержится краткий анализ падения мировой экономики на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции, что негативно сказывается на внешнеторговых связях России и государств ЕАЭС. С другой стороны, эта ситуация предопределяет переориентацию торгово-экономической и инвестиционной активности на внутренний рынок. В совокупности с возможностями, предоставляемыми новым технологическим и мирохозяйственным укладом, нынешний кризис может стать окном возможностей для стран и регионов, нацеленных на рывок в экономическом развитии. Для этого должны быть решены застарелые экономические проблемы как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

ABSTRACT

The article contains a brief analysis of the fall of the world economy against the background of the new coronavirus pandemic, which negatively affects the foreign trade relations of Russia and the EAEU States. On the other hand, this situation determines the reorientation of trade, economic and investment activity to the domestic market. Together with the opportunities offered by new technological and global economic structures, the current crisis can become a window of opportunity for countries and regions that are aiming for a breakthrough in economic development. To do this, long-standing economic problems must be resolved both at the national and supranational levels.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Долгосрочные структурные изменения, технологический уклад, мирохозяйственный уклад, стратегическое и индикативное планирование.

KEYWORDS

Long-term structural changes, technological structure, world economic structure, strategic and indicative planning.

Материал, который я представлю, несколько выходит за рамки заявленной тематики, поскольку касается не только России, но и Евразийского экономического союза в целом. Тем не менее эти рекомендации в полной мере актуальны для российской экономической политики. Россия является локомотивом всей экономической интеграции, на нее приходится около 80% валового продукта Союза, так что можно сказать, что весь Евразийский экономический союз с точки зрения динамики макроэкономических показателей в первую очередь зависит от поведения российской экономики.

В настоящее время общее падение экономической активности составляет 5%. Трехлетний прогноз для государств Евразийского экономического союза пока вписывается в тот же общемировой средний сценарий, то есть глубина падения до 6% с последующим выходом на позитивные цифры. Это означает, что если мы будем двигаться по инерции, то будем топтаться на уровне конца советского периода еще ближайшие пять лет. Думаю, что это мало кого устроит.

В первую очередь я хотел бы обратить внимание на то, что сегодня все макроэкономические рассуждения в масштабах мировой экономики — это нечто вроде средней температуры по больнице. И международные финансовые организации, и экспертное сообщество рассуждают в терминах экономики мира в целом, стран ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), в то время как мы явно видим дифференциацию.

В Китае, например, кризисное падение уже фактически преодолено, и уже во втором квартале китайская экономика вышла в плюс к 2019 году. Совершенно очевидно, что страны ядра нового мирохозяйственного уклада — это прежде

всего Китай, Индия, страны Индокитая — будут выходить из кризиса гораздо лучше, гораздо быстрее, и их положение в мировой экономике в результате этих структурных изменений улучшится. Тем самым одним из результатов кризиса станет ускорение перемещения ядра мировой экономики в Юго-Восточную Азию и ускорение формирования нового мирохозяйственного уклада.

Нынешний имперский мирохозяйственный уклад завершает свой жизненный цикл. Эпохе либеральной глобализации с господством западных транснациональных корпораций приходит конец. Им на смену приходят новые типы организации экономической активности — гибкие сетевые компании, которые, так же как и западные ТНК, связаны с центрами эмиссии мировых валют, но при этом ведут политику более взвешенно, ориентируются на совместные инвестиции, уважают страну пребывания и стараются искать синергетический эффект.

В Евразийском экономическом союзе ситуация в целом негативная по экономической активности, за исключением сельского хозяйства. Во всех пяти государствах отмечается рост в сельском хозяйстве, что, очевидно, связано с тем, что крестьяне не самоизолировались, а провели посевную кампанию. Наиболее болезненно самоизоляция сказалась на пассажирообороте — падение составило 50%. Если брать обрабатывающую промышленность, явный лидер здесь — фармацевтика, производство медицинских препаратов и медицинская промышленность. Ошеломляющий рост в Киргизии — 140%, неплохой в России — 16%. Примыкает к ним производство бумаги и производство товаров химической промышленности. Вслед за сельским хозяйством производство продуктов питания выросло на 5%.

В общем, в экономике тоже происходит дифференциация. Замечу, дифференциация идет в соответствии с нашим видением долгосрочных структурных изменений в технико-экономической сфере.

Пандемический кризис помог укрепиться новому технологическому укладу, ядром которого являются информационно-коммуникационные технологии, которыми мы сами прямо сейчас пользуемся. Вы хорошо знаете, что и компания Zoom, и многие другие работающие в IT-сфере компании существенно подняли свою капитализацию и нарастили объемы производства. Соответственно, на информационно-коммуникационные технологии кризис оказал, несомненно, стимулирующее действие.

Также он оказал огромное стимулирующее действие на биоинженерные компании. А биоинженерия — это еще один ключевой элемент ядра нового технологического уклада. Комплекс производств ядра нового технологического уклада по-прежнему растет с темпом 25–30% в год, и кризис только усилил эти структурные изменения в пользу создания производств нового технологического уклада, свертывания устаревших производств в обрабатывающей промышленности и в сырьевом комплексе.

Выход из кризиса для Евразийского экономического союза — прежде всего в расширении взаимной торговли. Во всех странах Евразийского экономического союза сократилась внешняя торговля, но при этом доля взаимной торговли во внешнеторговом обороте растет. Наша задача заключается в том, чтобы дальше стимулировать расширение взаимной торговли, а также наращивать сотрудничество с нашим самым перспективным сегодня партнером — Китаем, сопрягая Евразийский экономический союз с проектом «Один пояс — один путь».

Мы отмечаем необходимость стабилизации макроэкономической ситуации, так как все государства Евразийского экономического союза сегодня вышли за пределы финансовой устойчивости. Но это менее важно, чем создание условий для дальнейшего развития.

Если говорить о мерах государственной поддержки, то внешне они кажутся существенными, но в сравнении с другими странами наши меры государственной поддержки достаточно скромны. Они меньше, чем в развитых странах и в Европе, и в основном носят характер выживания, а не стимулирования роста.

Если посмотреть меры поддержки в части денежно-кредитной политики — а именно в этом ключ к переходу к политике развития и стимулирования инвестиционной активности, — то мы видим, что формально практически все денежные власти отреагировали снижением процентной ставки, кроме Казахстана и Киргизии, все без исключения расширили предоставление ликвидности коммерческим банкам, скорректировали нормы резервирования, произошла реструктуризация кредитов, чтобы сократить рост банкротств, смягчить последствия падения экономической активности и смягчить неплатежеспособность по тем отраслям экономики, которые больше всех пострадали. Но если сравнивать с другими странами, эти меры носят очень скромный характер. Обратите внимание, у нас нигде не произошло снижение ключевой процентной ставки ниже 4%. А если брать ставки по рынку, то сегодня даже вполне платежеспособные предприятия в России не могут получить кредит по ставке ниже, чем 12%. Если взять малый и средний бизнес, то ситуация еще хуже. При том что ключевые ставки были снижены центральными банками, никаких целевых инструментов рефинансирова-

ния, которые были бы особенно важны в условиях кризиса, мы не заметили.

Более того, наши попытки обратить внимание центральных банков на необходимость создания и расширения специальных инструментов рефинансирования, поддержки малого и среднего бизнеса натолкнулись на их нежелание этим заниматься. А ведь именно целевые инструменты, которые прямо связывают кредитную эмиссию с расширением производства, с ростом инвестиций, являются, как мне кажется, ключом к эффективной антикризисной политике. Снижение ключевой ставки, даже до уровня 4%, не снимает проблемы carry trade, не снимает проблемы раздувания спекулятивных пузырей, как у нас уже произошло в конце марта — в начале апреля, когда Центральный банк России выдал немалые льготные кредиты, но все эти кредиты оказались сразу же на валютном рынке.

То есть стремление использовать дешевые кредитные ресурсы для того, чтобы манипулировать валютным рынком, курсом национальной валюты, по-прежнему доминирует, в том числе со стороны крупных государственных банков. И в 2008–2009 годах так было, и затем в 2014–2015 годах, и вряд ли есть основания думать, что их поведение изменится. Как только денежные власти начинают расширять кредит — тут же начинаются прогнозы про падение курса национальной валюты и другие алармические заявления. И потом валюта действительно рушится, потому что банки направляют полученные кредитные ресурсы не на расширение производства и поддержание экономической инвестиционной активности, а на валютные спекуляции.

Без валютного регулирования, точнее, без введения валютных ограничений, расширить кредитование экономики

мы не можем в общем случае, но мы можем использовать целевые инструменты рефинансирования. Если мы используем целевые инструменты рефинансирования, привязывая их к специнвестконтрактам, к многосторонним инвестиционным соглашениям, у нас появляется механизм контроля за использованием этих льготных целевых кредитов, и именно этим нужно было бы заниматься.

Если мы этим не занимаемся, то у нас надежда только на бюджетную поддержку. Бюджетную поддержку могут себе позволить в серьезных размерах — конечно же, ограниченную — только Россия и Казахстан, у которых есть большие резервы и у которых относительно низкий уровень государственного долга. Все остальные государства Евразийского союза всерьез рассчитывать на бюджет не могут. Бюджета надолго не хватит даже России и Казахстану, нужны меры по расширению кредитной активности.

В целом могу сказать, что, хотя внешне размер фискальной поддержки экономики у нас примерно такой же, как и в других странах, особенно в Казахстане и в России, и существенный он потому, что в этих государствах есть резервы, но при опоре только на бюджет мы ни на что серьезное рассчитывать не можем.

Вот прогнозы, которые нам дают наши правительства и центральные банки. Мы видим, что везде 2020 год в негативе. 2021 год у России — 3,2%, 2022 год — 2,9%. И это якобы оптимистичный прогноз. Это означает, что темпы развития и России, и Евразийского экономического союза будут по-прежнему ниже даже среднемировых. Это не выход из кризиса.

Поэтому то, что мы сегодня видим в наработках официальных органов, это скорее приспособление к падению

экономической активности, вызванной мерами по борьбе с пандемией. И фактически у нас рассматриваются на официальном уровне только два сценария. Первый сценарий — позитивный, рецессия, то есть падение в этом году и затем выход на вялотекущее восстановление экономической активности с темпами ниже, чем в среднем в мире, и намного ниже, чем в Китае и в Индии. Второй — негативный, депрессия, это если будет вторая пандемическая волна, с такими же мерами по самоизоляции или еще хуже.

Сценарий глубокой реструктуризации мировой экономики официальными органами не рассматривается. Между тем она на самом деле происходит. Как я уже сказал, Индия и Китай растут и будут расти опережающими темпами и дальше, при этом Европа и США будут находиться в состоянии нарастающего хаоса, и у них выход из кризиса будет гораздо более тяжелым, если они вообще вытянут экономическую активность до предкризисного уровня в течение пяти лет.

Они не хотят видеть, что мир трансформируется, формируется новое ядро глобальной экономической активности, новый технологический уклад. Поэтому у нас все прогнозы оказываются негативными с точки зрения доли Евразийского экономического союза в мире и Шанхайской организации сотрудничества.

Для того чтобы Россия не теряла вес в этих организациях, мы сегодня работаем над реализацией альтернативного сценария — так называемого «самостоятельного центра силы». Он предполагает в первую очередь реализацию нашей стратегии развития интеграции до 2025 года, которая уже одобрена в целом главами государств Евразийского экономического союза и включает в себя введение институтов стратегического планирования, разработку целевых программ инвестици-

онной и инновационной поддержки. За счет уже имеющегося у нас производственного потенциала возможно активизировать экономический рост с темпом в 2–2,5 раза выше того, что заложено в базовом сценарии, по которому сегодня идет планирование экономической политики.

Контактная информация / Contact information

Евразийская экономическая комиссия, 115114, г. Москва, ул. Летниковская, д. 2, стр. 1, 2

Eurasian Economic Commission, 2 Letnikovskaya St., bld. 1/2, Moscow 115114
info@ecommission.org

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-36-42

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ
ЗАДЕЛЫ – ОСНОВА
ЭФФЕКТИВНОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРОЕКТОВ**

**SCIENTIFIC AND TECHNICAL
ACHIEVEMENTS –
THE BASIS FOR EFFECTIVE
IMPLEMENTATION
OF NATIONAL PROJECTS**

ГУТЕНЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Председатель Комиссии Государственной Думы по правовому обеспечению развития организаций оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, Первый вице-президент Союза машиностроителей России

VLADIMIR V. GUTENEV

Chairman of the Commission of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on legal support for the development of organizations in the military-industrial complex of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation for Economic Policy, Industry, Innovative Development and Entrepreneurship, First Vice-President of the Russian Engineering Union

АННОТАЦИЯ

В статье показана необходимость значительной корректировки национальных проектов, отражены некоторые примеры слабых мест при определении критериев и индикаторов оценки их эффективности. Отмечена ключевая роль научно-технических заделов в повышении конкурентоспособности отечественной экономики, достижении целей развития в целом. Значительное внимание в статье уделено вопросам функционирования научно-образовательных центров мирового уровня, формируемых в рамках нацпроекта «Наука».

ABSTRACT

The article discloses the need for significant adjustment of national projects. It shows the weak points in determining criteria and indicators for assessing the effectiveness of these projects. The key role of scientific and technical achievements in improving the competitiveness of the domestic economy and achieving development goals in general is noted. Considerable attention is paid to functioning of world level scientific and educational centers being formed within the framework of the National Project "Science".

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальные проекты, научно-технические заделы, научно-образовательные центры мирового уровня, экономика, эффективность, критерии оценки, индикаторы, корректировка, конкурентоспособность.

KEYWORD

National projects, scientific and technical achievements, world level research and educational centers, economy, efficiency, evaluation criteria, indicators, adjustment, competitiveness.

В настоящее время является очевидным, что нацпроекты требуют серьезной перезагрузки. Это ясно понимает президент России Владимир Владимирович Путин, который своим июльским указом сдвинул сроки их исполнения до 2030 года и поставил задачу Правительству РФ о внесении до конца октября изменений в целевые показатели. Тот стресс-тест, который в нынешнем году проходит наша экономика, с одной стороны, показывает ее достаточно высокую устойчивость и адаптивность к новым вызовам, с другой — не позволяет дать объективную оценку, насколько эффективно шла работа в рамках выполнения национальных проектов.

В сентябре в стенах Государственной Думы прошло рассмотрение закона об исполнении федерального бюджета за 2019 год. Проведен достаточно глубокий анализ его итогов. Результаты оценки необходимы, в том числе для определения содержания корректировки нацпроектов. Хочу констатировать, что депутаты стали свидетелями довольно жесткой полемики между докладчиками — министром финансов Антоном Германовичем Силуановым и председателем Счетной палаты Алексеем Леонидовичем Кудриным. Им остро оппонировал председатель Комитета Госдумы по бюджету и налогам Андрей Михайлович Макаров.

Напомню, что в прошлом году валовый продукт у нас составил свыше 110 триллионов рублей. При профиците бюджета в два триллиона рублей, около одного триллиона рублей не было использовано. Полемика заключалась в том, что Минфин России всячески настаивал, что такая ситуация — это благо, поскольку были использованы жесткие принципы достижения намеченных ориентиров. Вместе с тем в противовес приводились весьма весомые аргументы, которые говорят о недостаточном качестве планирования, особенно если принять во внимание критерии и индикаторы, по которым оценивалась эффективность реализации тех или иных нацпроектов.

Приведу только один характерный пример. В рамках одного из нацпроектов рассматриваются взаимоотношения с Всемирной торговой организацией, и используются два индикатора. Один из них определяет вновь выявленные санкционные и иные дискриминационные меры по отношению к России. То есть получается, чем больше будет определено негативных моментов в ходе оценки, тем лучше. На мой взгляд, вполне логичнее было бы оценивать не число выявленных проблем, а количество устраненных — с использованием юридических, экономических и иных механизмов. Второй индикатор касается количества встреч с представителями Всемирной торговой организации. Такой подход только поощряет «чиновничий туризм» и, конечно, не решает основную задачу.

Одной из основных целей развития, на достижение которых направлены нацпроекты, является повышение темпов роста национальной экономики как минимум до среднемировых, а в последующем и выше. Напомню, по итогам прошлого года рост национальной экономики составил 1,3 процента, при том что среднемировой находился в районе 3 процентов.

Конечно, вопросы техперевооружения влияют на рост производства и должны постоянно находиться в фокусе нашего внимания. Однако, на мой взгляд, сегодня гораздо важнее повышение конкурентоспособности отечественной продукции, выпускаемой на существующих производственных мощностях.

И в этом вопросе одной из ключевых составляющих являются научно-технические заделы, которые к настоящему времени, к сожалению, значительно истончились. Мы это видим и в гражданском секторе промышленности, и в оборонно-промышленном комплексе. Надо честно сказать, что даже те сверхуспешные новые виды вооружений, которые у нас регулярно появляются, разрабатывались десятилетия назад. И только лишь выход на новые материалы, на новую электронно-компонентную базу дал возможность реализовать ранее задуманное. Поэтому сегодня создание современных научно-технических заделов являются критически важным вопросом.

В этой связи хотел бы затронуть такую важную составляющую национального проекта «Наука», как формирование научно-образовательных центров мирового уровня. В соответствии с указом президента России Правительством РФ было принято решение сформировать в течение трех лет 15 таких центров в виде кооперации вузов, научных учреждений, включая НИИ Российской академии наук, и промышленных партнеров, тех предприятий реальной экономики, которые должны воспринимать инновации и в виде высокотехнологичной, высокомаржинальной продукции выводить на внешний и внутренний рынки.

В августе прошлого года был утвержден состав Совета научно-образовательных центров мирового уровня. Являясь членом этого органа и принимая участие в заслушивании в феврале пяти губернаторов, на территории которых были

созданы первые НОЦ, хочу высказать некоторые соображения по данному вопросу.

Одной из важнейших задач является, чтобы показатели их деятельности были конкретны, измеряемы и достижимы, с одной стороны, с другой — крайне необходима персональная ответственность за достигнутые результаты. Причем эти результаты нужно рассматривать не за горизонтом 2030 года. Такая дальняя перспектива важна с точки зрения определения векторов движения, а также рубежей, к которым мы должны прийти. Для повышения же эффективности в реализации намеченных планов нам надо сделать обязательным ежегодный срез того, что уже сделано, и в каком направлении осуществляются дальнейшие шаги.

В рамках создания НОЦ новое руководство Минобрнауки России вышло с инициативой, которая получила достаточно широкую поддержку. Предполагается пересмотр индикаторов достижения целей и формирование такой кооперации научно-образовательных структур, которая бы мотивировала промышленных партнеров обеспечить пятнадцатикратное финансовое плечо. То есть бюджетом предусматривается выделить на 15 НОЦ около восьми миллиардов рублей, но необходимы дополнительные вложения в районе 130 миллиардов рублей со стороны промышленных партнеров. Они возможны только лишь в том случае, когда будут видны реальные перспективы весомых научно-технических заделов, без которых не может быть высокой конкурентоспособности нашей экономики.

Мной выше были приведены примеры тех индикаторов, которые применяются по отношению к ВТО. К сожалению, схожие моменты имели место и в рамках нацпроекта «Наука» в части создания научно-образовательных центров

мирового уровня, когда в основе их оценки находится количество патентов, а не объем роялти с них. Вызывает вопрос и то, что одним из критериев оценки деятельности вузов и научных организаций, их сотрудников является число публикаций в иностранных журналах, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus, многие из которых являются мусорными. При этом не учитывается, что при определенной финансовой мотивации все это превращается в фикцию, или, что еще хуже, демонстрируется «информационный стриптиз» в чувствительных отраслях. Теряет бюджет, проигрывает российская наука, и, конечно, намеченные цели в этой сфере не достигаются.

Подводя итог, надо констатировать, что нацпроекты, безусловно, нуждаются в кардинальной корректировке. Изменения должны коснуться каждого из них, а в ряде случаев необходимо формировать новые и, возможно, сокращать потерявшие актуальность существующие проекты. Полагаю, что Правительство РФ под руководством Мишустина Михаила Владимировича обратит свое внимание на наиболее «узкие места» и предпримет меры по их устранению при выполнении задачи, поставленной главой государства по данному вопросу.

Контактная информация / Contact information

Общероссийская общественная организация

«Союз машиностроителей России»

г. Москва, ул. Покровка, д. 22/1, стр. 1.

All-Russian Public Organization "Union of Russian Engineering"

22/2-1, Pokrovka Street, Moscow, Russia.

Пресс-служба / press office: +7 (499) 677-24-34 доб. 257, 260,

press@soyuzmash.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-43-48

КОРРЕКТИРОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ: РИСКИ И МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ

ADJUSTMENT OF NATIONAL PROJECTS: RISKS AND MULTIPLIER EFFECT

ПОРФИРЬЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, член Президиума ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор

BORIS N. PORFIRIEV

Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the VEO of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проблема корректировки национальных проектов в контексте системных изменений в социально-экономической ситуации в мире и в России в конце 2019 г. и в текущем 2020 г.

ABSTRACT

The problem of adjusting national projects in the context of systemic changes in the socio-economic situation in the world and in Russia at the end of 2019 and in the current 2020 is considered.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальный проект, федеральные проекты, корректировка, мультипликативный эффект, здравоохранение, экология.

KEYWORDS

National project, federal project, improvement, multiplier effect, healthcare, ecology.

Когда речь идет об изменениях, о корректировке национальных проектов, принципиально подчеркнуть, что эти проекты должны остаться несущей конструкцией, векторами развития в среднесрочной и, судя по всему, долгосрочной перспективе. Это необходимо, потому что, так или иначе, национальные проекты отражают национальные приоритеты и национальные интересы в области социально-экономического развития.

В то же время, действительно, учитывая серьезные перемены в геополитической и геоэкономической обстановке, а также противоречивые процессы в экономике и экономической политике внутри страны последнего времени и прогнозируемые в ближайшем будущем, нужны корректировки, о которых ярко сказал в своем выступлении академик А.Г. Аганбегян. Возникает вопрос, что конкретно и как нужно сделать.

Представляется, что есть национальные проекты, которые доказали свою не только жизнеспособность, но и необходимость усиления внимания к ним и в том числе увеличения их

финансирования. Речь в первую очередь о нацпроекте «Здравоохранение», особую актуальность которого все ощутили, что называется, на себе в связи с коронавирусной пандемией. В целом финансирование этого национального проекта было на достойном уровне, в том числе федерального проекта «Онкология», на который в этом году предусмотрено 271 млрд руб., почти на треть больше, чем в 2019 г. Тем не менее этого недостаточно: если пересчитать указанную сумму в расчете на соответствующего пациента, получим величину порядка 120–130 тыс. руб., что в общем является в лучшем случае стартовой величиной, которую необходимо увеличивать, как и финансирование всего нацпроекта по здоровью.

Решая проблему, как это сделать, нужно придерживаться взвешенного подхода, учитывающего специфику каждого федерального проекта и мероприятий внутри него. А.Г. Аганбегян упомянул, что необходимо увеличивать долю частного капитала, частного финансирования. Наверное, с этим можно согласиться. Но делать это нужно вместе с тем очень аккуратно. Анализ реализации того же федерального проекта «Онкология» выявляет тенденцию существенного усиления активности и влияния на принятие решений по государственному, прежде всего бюджетному, финансированию со стороны частной медицины. При этом на единичные примеры эффективного решения, например, в отношении известного центра протонной медицины МИБС (Медицинский институт Березина Сергея) в пгт Песчаное под Санкт-Петербургом, приходятся десятки других «претендентов», которые способны в лучшем случае оказать лишь ограниченный набор услуг в области диагностики и лечения онкозаболеваний, не решающих проблемы здоровья пациента,

но при этом изымая важную часть ресурсов у государственных клиник полного профиля, выполняющих весь комплекс мер — от профилактики, диагностики, скрининга до операций и постоперационного сопровождения пациента. Для онкологии как одной из наиболее сложных, междисциплинарных сфер медицины это имеет принципиальное, без преувеличения — жизненно важное, значение. Но и в реализации других федеральных проектов в области здравоохранения, а также национальных проектов вне этой сферы, прослеживаются аналогичные цепочки взаимосвязей и взаимозависимостей, поэтому, когда речь идет, например, об увеличении того же частного финансирования, нужно об этом помнить и быть очень аккуратным.

В частности, необходимо учитывать цепочки взаимосвязей внутри самих национальных проектов, между национальными проектами и между национальными проектами и другими государственными программами текущего финансирования. В качестве примера приведем тот же национальный проект «Здравоохранение», в рамках которого нужно активно задействовать связи между всеми входящими в него федеральными проектами, что позволит максимально использовать мультипликативный эффект и конкретное целевое финансирование превратить в многоцелевое. Согласно последнему докладу Всемирной организации здравоохранения (лето 2020 г.), на неинфекционные заболевания, включая рак, сегодня приходится более 80% смертности. Задачу снижения уровня смертности от этих заболеваний невозможно решить, не учитывая цепочки взаимосвязей между неинфекционными заболеваниями между собой, которые включают в себя прежде всего сердечно-сосудистые заболевания, онкологические заболевания и диабет,

главные смертельные удары по нашему здоровью, а также с другими заболеваниями (не говоря уже о социальной среде и образе жизни). Поэтому, очевидно, учет этих взаимосвязей мог бы действительно оптимизировать соответствующее распределение ресурсов.

Не менее важны цепочки взаимосвязей, прямых и обратных связей, между самими национальными проектами. Сошлюсь, продолжая пример «Здравоохранения», на взаимосвязь этого национального проекта с национальным проектом «Экология». В нашей стране, по оценкам, от 15 до 20% качества жизни и здоровья человека связано с состоянием окружающей среды. Однако, как известно, реализация, в том числе исполнение бюджета по национальному проекту «Экология», далеко от желаемого. Больше того, из бюджетных проектировок, которые сейчас озвучиваются, по всей видимости, этот нацпроект станет одним из тех, где следует ожидать частичного секвестирования. С учетом упомянутых взаимосвязей этого нацпроекта и национального проекта «Здравоохранение», очевидно, нужны какие-то компенсационные механизмы, позволяющие сохранить и обеспечить достижение тех целей, которые были поставлены руководством страны. Сокращение финансирования в одном месте неизбежно подорвет реалистичность исполнения целей других национальных проектов, актуальность или даже приоритетность которых считается неоспоримой.

Наконец, о связи между самими национальными проектами и другими программами развития. Возвращусь к предложению академика А.Г. Аганбегяна о пополнении национальных проектов, в том числе проектом по технологическому перевооружению и модернизации основных фондов нашей экономики. Если обратимся к национально-

му проекту «Экология», на который предусмотрено порядка 4 трлн руб. до 2024 г., то в нем больше половины средств приходится на развитие и использование наилучших доступных технологий (НДТ). По сути дела, речь идет о том самом технологическом перевооружении, учитывая, что НДТ — это не только и даже не столько более экологичные технологии, но, прежде всего, более производительные, эффективные и конкурентоспособные технологии. Если эту составляющую нацпроекта «Экология» превратить в несущую конструкцию предлагаемого нового национального проекта по технологическому перевооружению, то можно сохранить и укрепить финансирование НДТ, учитывая их мультипликативный эффект — вклад в улучшение качества среды проживания и в целом качества жизни людей; и в модернизацию экономики, прежде всего ее реального сектора. По крайней мере, стоило бы прикинуть и посчитать, что из этого получится. Используя такого рода взаимосвязи и мультипликативные эффекты, можно получить итоговый позитивный системный результат, на который национальные проекты и нацелены.

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук», 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 47.

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovsky Prospekt, 117418, Moscow, Russia.

Порфирьев Борис Николаевич / Boris N. Porfiriev

+7-499-129-36-33, contact@ecfor.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-49-64

ПЕРЕЗАПУСК НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ КАК УСЛОВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

RESTARTING NATIONAL PROJECTS AS A CONDITION FOR ECONOMIC GROWTH

АГАНБЕГЯН АБЕЛ ГЕЗЕВИЧ

Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), академик РАН, д.э.н., профессор

ABEL G. AGANBEGYAN

Head of the Department of Economic Theory and Politics, RANEPA under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье выделяются два основных направления действий по перезагрузке национальных проектов. Первое – необходим переход к народнохозяйственному плану как системе национальных целевых проектов

с разработкой пятилетнего плана на 2021–2025 гг. Второе – нужны новые национальные проекты, потому что 13 разработанных проектов не охватывают ряд главных задач, сформулированных в Указах Президента РФ В.В. Путина. Речь идет прежде всего о таких задачах, как увеличение реальных доходов населения и преодолении бедности, обеспечение технологического прорыва. Автор отмечает, что нужна система национальных проектов по ключевым отраслям российской экономики, и в первую очередь по машиностроению, чтобы техническое перевооружение осуществлялось на базе отечественной техники. Необходимы новые национальные проекты по обеспечению форсированного роста инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал (в «экономику знаний»). Наконец, помимо новых национальных проектов, необходимо скорректировать содержание и систему мер по реализации отдельных действующих национальных проектов. Главное – увеличить финансирование с учетом продления срока действия.

ABSTRACT

The article describes two priority lines for action to restart national projects. First, it is necessary to move to the five-year national economic plan as a system of national projects.

Second, we need new national projects, because the existing 13 projects do not cover some tasks formulated in the decrees of the President of the Russian Federation V.V. Putin.

We are talking about such tasks as increasing the real incomes of Russians and overcoming poverty, about ensuring a technological breakthrough.

The author notes that we need a system of national projects, focusing on key sectors of the Russian economy, primarily in mechanical engineering.

We also need new national projects to increase investments in the fixed capital and human capital (in the "knowledge economy"). Moreover, it is necessary to adjust the content and system of measures for some existing national projects.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальные проекты, народнохозяйственное планирование, преодоление бедности, технологический прорыв, инвестиции в основной капитал, вложение в человеческий капитал (в «экономику знаний»), дополнительное финансирование проектов.

KEYWORDS

National projects, national economic planning, overcoming poverty, technological breakthrough, investments in fixed assets, investment in human capital (in the "knowledge economy"), additional financing of projects.

Инициатива Президента Российской Федерации В.В. Путина и правительства по разработке национальных проектов на среднесрочную перспективу крайне важна. Она призвана коренным образом улучшить нашу систему управления, придать ей целеустремленный характер. Вместе с тем в связи с изменившимися условиями возникла необходимость перезагрузки и новой настройки этих национальных проектов. Можно выделить здесь следующие направления действий.

Во-первых, позиционировать эти национальные проекты как главную составную часть единого **народнохозяйственного планирования** страны, рассматривая их совокупность как взаимосвязанную систему, обеспечивающую ускоренный социально-экономический рост нашей страны.

За минувшие 30 лет ВВП России увеличился только на 15%, в то время как в Европейском союзе в 2 раза, в США — в 2,5 раза, в развивающихся странах во главе с Китаем и Индией — в 3,5 раза. В связи с этим по объему ВВП Россия в международном рейтинге со 2-го места в советское время после США переместилась (по валютному курсу рубля) на 10-е место (расчеты МВФ) или 12-е место (расчеты

Всемирного банка и ООН), последовательно уступая также Великобритании, Франции, Италии, Бразилии, Южной Корее и Канаде. Материальное производство России и прежде всего промышленность в 2019 г. не достигли уровня 1990 г.; а объем инвестиций в основной капитал — главный драйвер нашего роста — составил около 60% от показателей советского времени. При некотором увеличении среднего уровня реальных располагаемых доходов населения из-за повышения доли фонда потребления населения в составе ВВП половина населения страны обеднела, так как резко возросли доходы богатой группы людей. 10% богатого населения в 2019 г. концентрировали более 40% всех доходов страны, имея среднедушевой доход в размере 120 тыс. руб. в месяц. А на 10% бедного населения пришлось только 2,7% всех доходов при среднем доходе около 8 тыс. руб. — в 15 раз меньше.

Причина отсутствия социально-экономического роста в России в том, что не удалось создать рыночный механизм этого роста — рынок капитала и конкурентную среду. И при этом, в отличие от многих других рыночных стран, страна отказалась от народно-хозяйственного планирования, которое тоже могло бы двигать нашу экономику вверх, как оно двигало и двигает экономику многих стран мира. 39 стран заимствовали у Советского Союза пятилетнее и годовое народно-хозяйственное планирование, приспособив его к своим условиям. Китай, как известно, претворяет в жизнь 13-ю пятилетку и недавно Пленум ЦК утвердил задание на 14-ю пятилетку. Индия несколько лет назад закончила 12-ю пятилетку, Турция успешно выполняет 11-ю пятилетку. По пятилетним планам работает Аргентина, Малайзия и ряд других стран. После Второй мировой войны пятилетние планы позволили быстро восстановить и развивать дальше эко-

номику и социальную сферу Франции. На основе пятилеток Япония прорвалась на второе место среди развитых стран мира, а Южная Корея вырвалась из отсталости на передовой уровень. Нам незамедлительно, по моему мнению, необходим переход к народно-хозяйственному плану как системе национальных целевых проектов, разработав пятилетний план на 2021–2025 гг. с перспективой до 2030 года.

Во-вторых, **нужно дополнить 13 разработанных национальных проектов новыми проектами.** Это необходимо, потому что разработанные проекты не охватывают ряд главных задач, сформулированных в Указах Президента Российской Федерации В.В. Путина от 7 мая 2018 г. о перспективах до 2024 г. и от 21 июля 2020 г. о перспективах до 2030 г.

Прежде всего речь идет о главной задаче в области благосостояния народа — **увеличении реальных доходов, преодолении бедности** и связанного с этим формирования среднего класса и сокращения социального неравенства между бедными и богатыми. Целесообразно, как это делают другие страны, использовать кризисную ситуацию для повышения в перспективе доходов населения. Следовало бы, по нашему мнению, уже с осени 2020 г. поднять уровень минимальной зарплаты с 12 тыс. до 20 тыс. руб. в месяц и увеличить пособие по безработице с 4,5–12,1 тыс. руб. до 12,1–30 тыс. руб. в месяц. Незамедлительно следовало бы продлить сроки погашения задолженности населению и мелкому бизнесу по кредитам до 2–3 лет, установив сниженный размер годовой процентной ставки и будущих кредитов в размере не выше 8% годовых.

В 2021 г. было бы хорошо увеличить средний размер пенсий с 15 тыс. до 20–25 тыс. руб. и предоставить возможность досрочного выхода на пенсию в 55–60 лет с сохранением су-

ществующих пониженных размеров пенсий. В 2022 г. можно было бы провести реформу подоходного налога, отменив его для семей с душевым доходом менее 20 тыс. руб. и установив плавную повышенную шкалу для семей с душевым доходом свыше 100 тыс. руб. (налог повышается с части доходов после 100 тыс. руб.).

Одновременно предлагается повысить налоги предприятиям и организациям, которые производят товары и услуги, недоступные среднему классу. Например, для четырех- и пятизвездочных отелей, на жилье свыше 80 тыс. руб. за кв. метр, на дорогие торговые сети типа «Азбука вкуса», на бутики при одновременном повышении акцизов на предметы роскоши. Все эти мероприятия позволят сократить коэффициент фондов по душевым доходам с 14–15 до 10 раз к 2025 г. (уровень стран ЕС). Дополнительные мероприятия в этом направлении предстоит проводить и в последующие годы, с тем чтобы этот разрыв снизить до 6 раз (уровень стран социал-демократической направленности Европы, Казахстана и Японии).

Другая ключевая задача, являющаяся фундаментом нашего социально-экономического развития, — **обеспечение технологического прорыва** в части коренного технологического перевооружения основных отраслей действующего производства, создания новых мощностей высокотехнологических производств товаров и услуг, формирования современной транспортно-логистической инфраструктуры. Надо поставить задачу за 10–15 лет достичь технологического уровня развитых стран.

В настоящее время, как известно, износ основных фондов в России приближается к 50%, а у ряда важнейших отраслей (добывающая промышленность, транспорт и хранение, ин-

форматика и связь, здравоохранение) составляет 55–60%. Средний срок службы машин и оборудования у нас 15 лет, что вдвое выше, чем в развитых странах. Из них 23% всех машин и оборудования работают свыше сроков износа и должны были бы давно быть заменены новыми машинами и оборудованием. Они больше простаивают, чем работают, требуют крупных затрат на ремонт и обслуживание, не позволяют обеспечивать высокую производительность, энергоэффективность, материалоемкость, качество продукции, осваивать новые изделия и т.п. Это тянет нашу экономику вниз.

Нужна **система национальных проектов по базовым ключевым отраслям экономики** и в первую очередь по машиностроению, с тем чтобы техническое перевооружение во многом осуществлялось на базе отечественной, а не дорогой импортной техники. Коренное техническое перевооружение предстоит осуществить в энергетике, химической промышленности, электронике, фармацевтике, приборостроении, ядерной технологии, авиатехнике и космической сфере, где Россия утратила свои передовые позиции.

Необходимы новые развернутые национальные проекты по обеспечению **форсированного роста инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал (в «экономику знаний»)** — в главные драйверы нашего социально-экономического роста. Их доля в ВВП в 2019 г. по инвестициям составляла 17% и по вложениям 14%, соответственно. При таких показателях экономический рост невозможен. В лучшем случае продолжится стагнация, в худшем — рецессия. В индустриальных странах, которые еще не достигли постиндустриального уровня, экономический рост начинается с доли этих инвестиций и вложений в размере 22–23%.

Чтобы с 2022–2023 гг. перейти на 3%-ный ежегодный прирост экономики, удельный вес инвестиций и вложений в ВВП нужно увеличить хотя бы до 22%, что потребует ежегодного прироста этих инвестиций и вложений по 10–15%. Если этот рост продолжить, то к 2025 г. эти доли инвестиций и вложений превысят 25% ВВП, и мы устойчиво перейдем к 4%-ному росту. При 8–10% увеличения инвестиций и вложений в дальнейшем их доля в ВВП к 2030 г. повысится до 30–35%. И среднегодовой темп развития страны поднимется как минимум до 5%. Об этом свидетельствует опыт развивающихся стран, где доля инвестиций в основной капитал в среднем составляет 30–35% (их среднегодовой рост 4–6%), а в Китае даже 40–45%, что обеспечивало ему среднегодовой рост в 6–7% в докризисные годы.

Жизненно важно обеспечить ускоренный рост вложений в сферу «экономики знаний». Их уровень в России один из самых низких в мире — 14% ВВП, тогда как в Китае — 22%, Западной Европе — 30%, США — 40%. Это является необходимым условием преодоления стагнации и возобновления динамики социально-экономического роста России. При этом роль «экономики знаний» как драйвера нашего развития с каждым годом повышается.

В этих национальных проектах по инвестициям в основной капитал и по вложениям в человеческий капитал нужны меры по мобилизации дополнительных финансовых ресурсов страны для форсированного роста инвестиций и вложений, а также направления и формы их эффективного использования.

Помимо новых национальных проектов, необходимы **корректировка и развитие действующих 13 проектов.**

Ключевая задача — **финансирование.** На все госпроекты в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. было

выделено около 29 трлн руб., что составляло менее 15% от общих инвестиций в основной капитал и вложений в «экономику знаний» в 2019–2024 гг. Если же взять период до 2030 г., на который были пролонгированы показатели Указа Президента РФ, то это 7% всех средств. Такой уровень инвестиций (7% или 15%) в главные факторы социально-экономического роста заведомо недостаточен для того, чтобы добиться значимых социально-экономических результатов.

По подсчетам Альфа-Банка и многочисленных экспертов, разработанные ранее национальные программы при своем выполнении в период до 2024 г. ускорили бы ежегодный рост нашей экономики на 0,1–0,3% в год. Если эти проекты улучшить, не меняя их основы, то, по расчетам Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, ежегодные темпы могли бы быть повышены до 0,6% по максимуму. Увы, этого недостаточно для преодоления стагнации, тем более что стагнация вызвала ряд негативных трендов, которые тянут нашу экономику вниз — отток капитала, сокращение объема госбюджета в постоянных ценах, демографический кризис с депопуляцией и сокращением населения, особенно в трудоспособном возрасте, прогрессирующее отставание технологического уровня страны из-за недостатка финансирования, незаинтересованности отечественных инвесторов вкладывать все возрастающие суммы в развитие нашей экономики. Массовый характер приняло перечисление все больших сумм на зарубежные счета, где скопилось порядка триллиона долларов российских предприятий и организаций (по экспертным оценкам), в том числе 400 млрд долл. — в офшорах.

Разработанные ранее национальные проекты наполовину профинансированы федеральным бюджетом — самым небольшим в России источником финансовых средств. Ведь

один Сбербанк, ныне перешедший в правительство, имеет активы 31 трлн руб., в 1,5 раза больше годового федерального бюджета, а все активы банков (из которых 73% — активы государственных банков и банков, контролируемых государством и Центральным банком) впятеро больше федерального бюджета. Но эти огромные финансовые ресурсы страны совсем не используются для финансирования национальных проектов.

Только четверть финансовых ресурсов национальных проектов — средства частных компаний. А ведь частный сектор концентрирует 60% всех инвестиций в основной капитал, в то время как на госсектор приходится только 40%, а на госбюджет, включая региональные и муниципальные бюджеты и средства внебюджетных госфондов (пенсионного, здравоохранения и социального), — только 15%.

Необходимо хотя бы 30% от общего инвестиционного финансирования экономики страны использовать целевым образом в национальных проектах. Тогда удастся достигнуть ускоряющегося социально-экономического роста.

Для этого нужно мобилизовать значительную часть активов российских банков для вложений в окупаемые проекты национальных программ. Речь идет о технологическом перевооружении, вводе новых мощностей высокотехнологических производств, профессиональной подготовке миллионов работников с привлечением на эти цели долговременного (на 10–20 лет) низкопроцентного (0–3%) кредита. Это, кстати, позволит избежать крайне опасного для страны возрастающего сегодня социального неравенства в профобразовании.

Долговременное кредитование инвестиций в основной капитал со стороны банковской системы России составляет

сегодня 8–10% от общих инвестиций за счет всех источников средств в России, а без иностранных банков в России — в 1,5–2 раза меньше. В развитых странах эта доля составляет 30–50%, а в развивающихся — 20–30%. Так что за ряд лет мы могли бы поднять соответствующую долю в 3–5 раз.

Чтобы обеспечить эффективность кредитов и заинтересованность бизнеса их использовать, нужны конкурентоспособные процентные ставки в размере 3–5% годовых. Этому способствовало бы дальнейшее снижение ключевой ставки Центробанка до 4% к концу 2020 г. и 3% к концу 2021 г., что может быть достигнуто совместными согласованными усилиями правительства и Центробанка. При этом правительство из бюджетных средств в ряде случаев могло бы компенсировать банкам сниженный процент инвестиционных кредитов, на что потребуется в 20–30 раз меньше средств, чем в инвестирование на окупаемые проекты безвозвратных бюджетных денег, которые у нас преобладают при формировании крупной статьи федерального и региональных бюджетов по национальной экономике. Можно высвободить по крайней мере 5 из 35 трлн руб. консолидированного бюджета страны, которые безвозвратно тратятся на окупаемые проекты. Их надо заменить низкопроцентным кредитованием при государственной поддержке процентной ставки. На это потребуется максимум несколько сот миллиардов рублей, а более 4,5 трлн руб. бюджетных средств будет высвобождено на другие цели, прежде всего на повышение доходов и преодоление бедности, и вложения в здравоохранение, образование, информационно-коммуникационные технологии, то есть в человеческий капитал.

Крайне важны и другие меры, чтобы заинтересовать частного инвестора вкладывать деньги в госпрограммы. Целесо-

образно освободить часть прибыли предприятий, которые идут на формирование инвестиций в основной капитал, от уплаты налогов. Это сразу увеличит объем инвестиций как минимум на 1 трлн руб. и даст в руки предприятий дополнительные средства. Еще 1 трлн руб. дополнительных инвестиций можно получить за счет увеличения амортизационного фонда при сокращении в 1,5–2 раза сроков амортизации, как это сделал Р. Рейган в США для преодоления стагнации в 1982 г. Таким образом нужно стимулировать предприятия выбрасывать старую технику и заменять ее новой, что будет способствовать росту производства новой техники в России и стремительному повышению технологического уровня нашего народного хозяйства. А от этого в решающей мере зависит рост производительности труда, который за 10–15 лет надо поднять втрое, снижение энергоемкости хотя бы вдвое, сокращение материалоемкости на единицу ВВП, можно поставить задачу ее снизить в 1,5 раза. Возрастет и фондоотдача. Начнется обновление выпускаемой продукции, рост ее качества, потребительской ценности.

Предприятие сталкивается с труднопреодолимыми задачами во время массового технического перевооружения. Мало того что это стоит огромных средств, увеличения задолженности, но трудно во время замены оборудования сохранять объемы производства, от которого зависит выручка. А ведь надо платить зарплату, массово переобучать работников, оплачивая профобразование, и т.д. И в это время с предприятия берут все виды налогов. За счет чего их платить? Надо предоставлять предприятиям налоговую паузу на этот период, давать льготы по таможенным пошлинам, если они нужны, давать административные преференции, всячески помогать. И надо не только заинтересовать, но и требовать от предприятий

технологического перевооружения. Если частные компании участвуют в национальных проектах, им нужно давать привилегии, широко организовывать государственно-частное партнерство. Государство могло бы выступать гарантом возврата низкопроцентного кредита для частных компаний, которые участвуют в государственных национальных проектах, и т.д.

Наконец, о **необходимости скорректировать содержание и систему мер по реализации отдельных национальных проектов**. Подготовленные ранее проекты не проходили широкой экспертной оценки многими учеными и специалистами в соответствующих областях. Возьмите проект по здравоохранению, на который выделены немалые средства (1,7 трлн руб.), существенно большие, чем на многие другие проекты. Но берем итоги 2019 г. Почему из четырех основных показателей этого проекта три не выполнены? По заданию смертность населения в трудоспособном возрасте нужно было сократить в расчете на 100 тыс. человек до 437, а она осталась на уровне 475,5. Не лучше обстоит дело и с показателем сокращения смертности от болезней сердечно-кровеносной системы: 573,7 вместо необходимых 545. В 33 субъектах Российской Федерации она повысилась, в том числе в таких крупнейших регионах, как Нижегородская и Кемеровская области, Красноярский край — на 17–24%. Россия уступает развитым странам по уровню смертности в трудоспособном возрасте и от болезней сердечно-сосудистой системы в 3–4 раза, а постсоциалистическим странам Европы — новым членам ЕС — в 1,5–2 раза. Между тем по общему коэффициенту смертности и по младенческой смертности наше отставание 30%. В отличие от этих показателей, смертность от новообразований в 2019 г. немного не дотянула до планового показателя — 201,5 вместо 199,5. Но уже во вто-

рой половине 2019 г. и особенно в первом полугодии 2020 г. она существенно снизилась — до 196,4. Единственный показатель, который выполнен и перевыполнен, — сокращение младенческой смертности. Вместо 5,4 по заданию в 2019 г. он составил 4,9 на 1000 родившихся живыми. А за 9 месяцев 2020 г. снизился до 4,4. Большая вероятность, что задание Указа Президента РФ по этому показателю на 2024 г. — 4,5 — будет выполнено досрочно, уже в 2020 г. И это будет единственно выполненный из десятков показателей по данному нацпроекту, содержащихся в этом Указе.

Почему, например, не выполнен показатель по снижению основной статьи смертности населения страны от сердечно-сосудистых заболеваний? Ведь из 1,8 млн умерших в 2019 г. 47% умерло именно от этих болезней. Казалось бы, именно сокращению этой категории смертности в нацпроекте «Здравоохранение» должно быть уделено основное внимание. Но, как ни странно, это не так. Из 1,7 трлн на проект «Здравоохранение» и более чем 1 трлн руб., предусмотренных на сокращение смертности от отдельных патологий за шесть лет, на главную категорию смертности выделено соответственно менее 7% и около 4% ресурсов. На онкологию на тот же период выделено 969 млрд руб., хотя смертность от рака в России втрое меньше, чем от сердечно-сосудистых болезней. Чтобы предотвратить одну смерть, в 2019–2024 гг. на сердечно-сосудистые заболевания выделено в 40 раз меньше средств, чем на онкологические заболевания, что не замедлило сказаться на результате.

Обращает на себя внимание, что *содержание национальных программ не всегда нацелено на конечный результат*: не ранжированы мероприятия по приоритетности, нет оценки, на-

сколько то или иное мероприятие сказывается на результатах (в приведенном выше примере — на смертности). Поэтому *нуждается в коренном улучшении качество разработки программ и руководство этими программами*. Следовало бы, на наш взгляд, перейти на *программно-целевой метод управления*. Целесообразно иметь научного руководителя, а не только административного руководителя, а также базовый научно-производственный центр, который разрабатывает и осуществляет мониторинг выполнения намеченных мероприятий. Следовало бы иметь научный совет с соответствующими членами, отвечающими по своему профилю за те или иные мероприятия. Для этого нужно воспользоваться собственным опытом (атомного, космического проектов) — ничего не надо придумывать.

Предстоит большая творческая работа под контролем центральных органов над серьезной доработкой каждого из проектов. Поэтому не надо спешить, а дать хотя бы полгода времени, а может быть, и немного больше, чтобы разработать новые национальные программы и скорректировать действующие. Между тем, насколько нам известно, ставится задача уже к концу октября возобновить улучшенные национальные проекты, передвинув лишь сроки их выполнения на 2030 г. (то есть на 6 лет). На наш взгляд, смещение сроков выполнения всех показателей Указа Президента РФ вряд ли оправдано: многие из них могут быть выполнены раньше. Вместе с тем нужна серьезная проработка новых, перспективных показателей.

В итоге проекты должны быть составлены таким образом, чтобы их выполнение обеспечило темп экономического роста в 2023–2025 гг. 3–4%, а в преддверии 2030 г. — до 5%. В качестве ориентиров, на социально-экономические и технологические

показатели которых надо равняться в 2024–2025 гг., стоило бы принять новых членов Евросоюза — Польшу и Венгрию. Для периода 2030–2035 гг. таким ориентиром могли бы служить уровни социально-экономического и технологического развития Испании и Италии, а в 2035–2040 гг. — Германии.

Такой подход мог бы в начале 2030-х гг. способствовать вхождению России в число развитых стран мира, уже к концу 2020-х гг. обойдя Португалию и Грецию, а потом достигнув уровня Испании и Италии. И главное здесь не объем ВВП, который зависит от размеров страны, ее национальных богатств, количества жителей. Главное — подняться в уровне экономического и социального развития, стать великой страной, войдя в состав лидирующих стран мира по показателям эффективности, благосостояния и народонаселения.

Контактная информация / Contact information

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), 82, Vernadsky Prospekt, Moscow 119571, Russia.

Аганбегян Абел Гезевеч / Abel G. Aganbegyan

+7(495) 524-87-57, aganbegyan@ranepa.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-65-78

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ: УЗЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

ECONOMIC DOCTRINE OF RUSSIA: NODAL COMPONENTS AND NATIONAL PROJECTS

КЛЕЙНЕР ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ

Заместитель научного руководителя
Центрального экономико-математического
института Российской академии наук
(ЦЭМИ РАН), заведующий кафедрой
«Системный анализ в экономике»
Финансового университета при Правительстве РФ,
заведующий кафедрой институциональной
экономики Государственного университета
управления, член Президиума ВЭО России,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

GEORGE B. KLEINER

Deputy Scientific Advisor,
Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS),

Head of the Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Institutional Economics, State University of Management, Member of the Presidium of VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются требования, предъявляемые к стратегическим документам доктринального характера, определяющим основные направления социально-экономического развития России. По аналогии с принципами формирования стратегии социально-экономических систем микроуровня показывается целесообразность включения в доктринальные документы макроуровня раздела, отражающего в краткой форме общее видение планируемой системы, включая ее историю, состояние и образ будущего. Обосновывается целесообразность расширения состава национальных проектов за счет проектов «Управление» и «Предприятие». Первый призван привести систему регулирования российской экономики в соответствие с императивами сегодняшнего состояния отечественной и мировой экономики. Второй – определить основные направления государственной поддержки развития предприятия как основной формы жизнедеятельности хозяйствующих субъектов.

ABSTRACT

The article analyzes the requirements for strategic documents of a doctrinal nature that determine the main directions of the socio-economic development of Russia. The practicability of including an additional section in the macro-level doctrinal documents by analogy with the principles of forming socio-economic systems strategy at the micro-level is shown. Such a section in a concise form should reflect the planned system's general vision, including its history, status, and conception of the future. The expediency of expanding the composition of national projects with the projects

“Management” and “Enterprise” is justified. The first is intended to bring the system of regulation of the Russian economy in line with the imperatives of the domestic and world economy’s current state. The second is to determine government support’s key directions for developing an enterprise as the primary form of economic entities’ life activity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическая доктрина, национальные цели, национальные проекты, миссия социально-экономической системы, управление, предприятие.

KEYWORDS

Economic doctrine, national goals, national projects, mission of the socio-economic system, management, enterprise.

Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1] является важной вехой в процессе эволюции отечественной экономики и может рассматриваться как один из основополагающих доктринальных документов социально-экономического развития России. Выбор главных направлений движения охватывает основные сферы социального, экономического и экологического развития Российской Федерации. Эти направления детализируются в виде целевых показателей и ключевых мероприятий по их достижению. Вместе с тем за пределами документа и связанной с ним системой национальных проектов остаются ряд тем, имеющих существенное значение для социально-экономического развития и совершенствования системы национальных проектов.

В данной статье мы предлагаем, следуя методологии стратегического планирования, дополнить доктринальную часть документа за счет описания миссии отечественной эконо-

мики, отражающей в обобщенной форме взгляд общества на исторические традиции, состояние и перспективы России. Предлагается также расширить перечень национальных проектов за счет проектов «Управление» и «Предприятие».

Согласно общепринятой методологии стратегического планирования развития социально-экономических систем различного масштаба краеугольным компонентом стратегического плана является миссия данной системы (см., напр. [2; 3]). Обычно это понятие относится к деятельности локальных экономических систем микроуровня — предприятий, организаций, учреждений. Смысл миссии в этом случае заключается в обобщенном кратком описании взаимоотношений планируемой системы с ее микро-, мезо- и макроокружением, включая поставщиков сырья и комплектующих, потребителей и иных стейкхолдеров, в том числе собственников и работников. Между тем в соответствии с духом стратегического планирования такое описание должно разрабатываться не только для микро-, но и для мезо- и макроэкономических систем, включая регионы и страны. При этом миссия должна охватывать всю обозримую траекторию развития данной системы, отражать не только прошлое и настоящее, но и образ будущего данной системы в наиболее важных аспектах ее собственного развития и взаимоотношений с другими системами. Поэтому миссия (кредо, философия, предназначение и т.п.) обычно не привязывается, в отличие от целей и целевых показателей, к конкретному периоду времени, а представляет собой описание данной системы как единого целого при совместном учете различных ее пространственно-временных аспектов (разрезов). В разные периоды времени различные общественные силы по-разному представляют себе объект макростратегического планирования. В этом контексте одна из задач

подготовки доктринальных документов, подобных Указу Президента РФ от 21.07.2020, — обеспечить согласование взглядов граждан и различных общественных групп на социально-экономическое и природно-экологическое развитие России, преемственность и целенаправленность странового движения, координацию стратегических решений на различных уровнях и в различных подразделениях народного хозяйства. В частности, «образ будущего» России должен включать характеристику взаимоотношений между четырьмя основными подсистемами социально-политической структуры России:

— государством как политической организацией, регулирующей функционирование экономики и социума;

— обществом как совокупности индивидуумов и социальных групп, связанных участием в различных общественно-политических движениях;

— экономикой как сферой планирования и реализации производственно-хозяйственных процессов;

— бизнесом как сферой накопления и вложения средств в экономические объекты и проекты [4; 5].

В зависимости от того, какой из подсистем придается доминирующее значение в планируемый период (или его подпериоды), мы получаем экономику одного из четырех следующих типов. Если доминирующая роль отводится государству, возникает *централизованно управляемая экономика*; если доминирует крупный бизнес, мы получаем *олигархически ориентированную экономику*; если на первое место выходит решение чисто экономических задач, мы получаем *хозяйственно ориентированную экономику*; наконец, если основная роль отводится обществу, возникает *социально ориентированная экономика*. Какая из этих системных моделей в наибольшей степени соответствует на планируемом

этапе идеалам российского общества? Ответ определяется содержанием общегосударственной социально-экономической идеологии. Либеральная идеология приводит к доминированию бизнеса, или в конечном счете к «олигархическому» государству; государственническая идеология влечет гипертрофированное развитие бюрократии, или «чиновничье» государство; социально ориентированная идеология требует повышенного внимания к развитию демократии и приводит к т.н. «народному» государству; наконец, хозяйственно ориентированная идеология предполагает примат развития производственно-воспроизводственных процессов и ведет к образованию «экономического» государства. В первом случае речь идет о господстве «невидимой руки рынка»; во втором — о давлении «железной руки государства»; в третьем — о влиянии «леса рук общества»; в четвертом — о воздействии «производительной руки (производительной силы) экономики». Выбор одного или нескольких стратегических направлений определяет содержание экономической политики государства: если доминирует либеральная идеология, то страна должна брать курс на приватизацию; если доминирует государственническая идеология, то необходимо повышать налоговую нагрузку на бизнес и общество; если доминирует социально ориентированная идеология, то следует расширять общественные фонды потребления (бесплатное образование, транспортные услуги, социальное жилье и т.п.); если доминирует хозяйственно ориентированная идеология, то бразды правления должны быть переданы в руки хозяйственников-технократов. В экономической доктрине российского государства должны отражаться ответы на вопросы о выборе социально-экономической модели и, соответственно, ведущей к данной модели экономической политики.

В ряде материалов, посвященных анализу Указа, его содержание характеризуется как «техническое задание» для нового правительства России. Конечно, правительство является важнейшим адресатом данного документа. Однако этот адресат далеко не единственный. Между Президентом РФ как автором Указа и гражданами РФ, которые должны реализовывать положения Указа, расположена огромная толща экономического пространства, в которой на разных уровнях функционируют органы управления, включая Правительство РФ, организации, предприятия, бизнес-ассоциации, субъекты Федерации, отрасли, экосистемы и другие социально-экономические образования. Для того чтобы объединить все подразделения и компоненты народного хозяйства в единый эффективно функционирующий комплекс, в Указе предусмотрены цели и мероприятия, относящиеся практически ко всем уровням народного хозяйства — от домашних хозяйств до макрорегионов. Доктринальное назначение данного документа может быть реализовано в случае, когда в нем содержатся не только стимулы, но и мотивы действий всех экономических агентов. В сегодняшней ситуации это означает, что прагматические цели и показатели развития должны быть дополнены смысловыми ориентирами социально-экономической эволюции. Такие ориентиры — это не просто верстовые столбы, оценивающие пройденный по маршруту путь, но своеобразные маяки, освещающие направления и ландшафты дальнейшего движения. Такое планирование можно охарактеризовать как *ориентирное*. Оно носит не столько количественный, сколько качественный характер, а *целеполагание* дополняется «*смыслополаганием*», т.е. определением смыслового содержания каждого самостоятельного отрезка стратегического развития. Если количественные целевые показатели служат основой

для стимулирования движения, то качественные смысловые ориентиры играют роль мотивирующих факторов.

Здесь мы подходим к одной из наиболее актуальных для социально-экономического развития России проблем, тесно связанных с реализацией доктринальных документов, подобных Указу Президента РФ. Речь идет о проблеме управления [6]. Сегодня существует широкий спектр механизмов и методов управления, направленных на достижение перспективных целей. В зависимости от выбора инструментов управления мы получаем либо ломаную прерывистую траекторию развития, стрелки которой в соседние периоды времени направлены в разные стороны, а сама траектория носит зигзагообразный характер, либо непрерывную плавную эволюционную траекторию. В первом случае затраты на единицу продвижения существенно превосходят соответствующие затраты при втором подходе. Именно на снижение таких непроизводительных затрат направлено внедрение стратегического планирования в РФ.

В последнее время, к сожалению, тема совершенствования управления выпала из разряда широко обсуждаемых в литературе тем. Между тем качество государственного, регионального, отраслевого и хозяйственного управления остается неудовлетворительным. Достаточно упомянуть, что более 50 процентов средств, выделяемых на реализацию национальных проектов, по данным Счетной палаты, остаются неизрасходованными [7]. Нет единой концепции развития структуры, методологии и инструментария управления. «Хаотическое» управление, развившееся в России в 1990-е гг., отличалось неопределенностью состава субъектов, принимающих управленческие решения, и принципов, согласно которым эти решения принимались. Ручное управление,

сменившее «хаотическое» в начале 2000-х гг., отчасти сняло неопределенность с состава субъектов управления, оставив неопределенными принципы управления. Попытки перехода к стратегическому управлению, т.е. управлению на основе широко известных и принятых общественностью принципов управления, предпринимавшиеся в 2010-х гг., были успешными лишь частично. На наш взгляд, одной из причин этого было отсутствие в доктринальных документах раздела, посвященного миссии планируемой системы. Фактически система национальных проектов была призвана сыграть роль своеобразного паллиатива национального стратегического планирования. Развитие идей стратегического управления в сочетании с идеями проектного подхода нашли свое отражение и в документе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Прослеживая динамику ценностных основ и методического аппарата управления в последние десятилетия, мы приходим к выводу о тенденции возрастания роли в управлении предприятиями так называемого системного управления, основанного на представлении о социально-экономическом пространстве как о сфере процессов создания, функционирования, взаимодействия, развития, рекомбинации и ликвидации социально-экономических систем [8]. XXI век, по нашим предположениям, станет веком системного управления. Объектами нового управления будут социально-экономические системы различных масштабов, типов и функциональных характеристик; теоретической основой системного управления станет активно развивающаяся в настоящее время системная парадигма; методы нового управления позволят органично сочетать функциональные задачи, гуманистические идеалы и социальные ценности [8]. По нашему мнению, совершен-

ствование управления в течение ближайшего десятилетия должно стать содержанием нового национального проекта «Управление», дополняющего принятые ранее проекты. При этом принципы управления должны опираться на модельное видение экономики России как полиструктурной многоуровневой и многоцелевой «системы систем», отражаемое в концептуальной части экономической доктрины России.

Анализ перспектив развития социально-экономической сферы России через призму проблем управления выявляет еще один класс проблем, носящих транссистемный характер и не отраженных в системе утвержденных национальных проектов. Подавляющее большинство экономических агентов в России представлено в виде предприятий — относительно самостоятельных социально-экономических систем, осуществляющих производство и реализацию продукции, распределение прибыли и воспроизводство расходуемых производственно-хозяйственных ресурсов. Нынешнее состояние предприятий в России, как известно, является неудовлетворительным, поскольку предприятия недостаточно активно ведут инновационную деятельность, характеризуются низкой эффективностью (около трети российских предприятий являются убыточными) и, соответственно, являются неконкурентоспособными на международной арене (более подробно о состоянии предприятий весной 2020 г. см. в [9]). Заработанные прибыльными предприятиями средства зачастую не вкладываются в инвестиционные проекты совершенствования технологий, а вливаются в потоки средств, направляемых в офшоры. Назрела проблема радикальной перестройки структуры управления предприятиями и взаимоотношений между собственниками, менеджерами, специалистами и работниками предприятий. Дисбаланс в этой сфере между пра-

вами и ответственностью различных категорий участников деятельности предприятий приводит к дисфункциям предприятий как хозяйствующих субъектов. Кроме того, следует учитывать, что практически каждое предприятие несет на себе отпечаток проблем, существующих в экономике страны в целом, а совокупное влияние внутрифирменных проблем в популяции отечественных предприятий, в свою очередь, определяет проблемные особенности функционирования экономики страны на макроуровне. Неэффективное управление предприятиями на микроуровне тесно связано с неэффективностью госуправления.

В этой связи подчеркнем, что государственная поддержка отечественных предприятий вовсе не должна сводиться к облегчению налогового бремени или возможностей кредитования для предприятий малого и среднего бизнеса. Основная задача государства по отношению к микроуровню экономики — совершенствование системы институтов управления предприятиями и их взаимоотношений между собой и с другими подсистемами экономики и общества. При этом следует иметь в виду, что именно предприятия превращают экономику в единую ткань, объединяющую экономические процессы, проекты и объекты. Так, взаимодействие между государством, бизнесом, экономикой и социумом опосредуется в значительной степени функционированием известных групп предприятий, реализующих связи между парами этих четырех макроподсистем: госкорпораций как связующего звена между государством и бизнесом; публичных акционерных обществ (без значимого участия государства) как связующего звена между инвестиционным бизнесом и экономикой; акционерных обществ работников (народных предприятий) как связующего звена между социумом и экономикой; госу-

дарственных и муниципальных предприятий (учреждений), оказывающих услуги населению, как связующего звена между государством и социумом.

Все сказанное выше о предприятиях приводит к выводу о необходимости разработки и реализации еще одного национального проекта в дополнение к имеющимся — проекта «Предприятие». В таком проекте, направленном на совершенствование процессов учреждения, функционирования, взаимодействия и реорганизации предприятий, должны найти свое отражение цели и результаты практически всех национальных проектов России — от «Демографии» до «Международной кооперации и экспорта».

Библиографический список

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Российская газета. — 2020. — 21 июля.
2. Томпсон-мл. А.А., Стрикленд III А. Дж. Стратегический менеджмент: Концепции и ситуации для анализа. — М. [и др.]: Вильямс, 2003 (СПб.: ГПП Печ. Двор). — 924 с.
3. Лопатина А.Б. Миссия организации в стратегическом управлении // Фундаментальные исследования. — 2016. — № 3–1. — С. 172–176.
4. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 1) // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-107-123.
5. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 2) // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 117–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-117-138.

6. Смотрицкая И.И. Новая экономическая стратегия требует нового качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2017. — № 5. — С. 7–22.
7. Исполнение расходов бюджета на нацпроекты за восемь месяцев составило 48,4% // Сайт Счетной палаты. — 2020. — 10 сентября. — URL: <https://ach.gov.ru/audit-national/ispolnenie-raskhodov-byudzheta-na-natsproekty-za-vosem-mesyatsev-sostavilo-48-4> (дата обращения: 12.10.2020).
8. Клейнер Г. Б. (2018). Гуманистический менеджмент, социальный менеджмент, системный менеджмент — путь к менеджменту XXI века // Российский журнал менеджмента. — Т. 16. — № 2. — С. 231–252. DOI: 10.21638/spbu18.2018.204.
9. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненков П.А. Российские предприятия весной 2020 года: реакция на пандемию COVID-2019 и мнения о роли государства в экономике [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfor.ru/publication/rossijskie-predpriyatiya-vesnoj-2020-g/> (дата обращения: 12.10.2020).

References

1. O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21.07.2020 № 474. Rossiiskaya gazeta. 2020. 21 iyulya.
2. Tompson-ml. A.A., Striklend III A. Dzh. Strategicheskii menedzhment: Kontseptsii i situatsii dlya analiza. M. [i dr.]: Vil'yams, 2003 (SPb.: GPP Pech. Dvor). 924 p.
3. Lopatina A.B. Missiya organizatsii v strategicheskom upravlenii. Fundamental'nye issledovaniya, 2016, No. 3–1, pp. 172–176.
4. Kleiner G.B. Ustoichivost' rossiiskoi ekonomiki v zerkale sistemnoi ekonomicheskoi teorii (Chast' 1). Voprosy ekonomiki. 2015. No. 12, pp. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-107-123.

5. Kleiner G.B. Ustoichivost' rossiiskoi ekonomiki v zerkale sistemnoi ekonomicheskoi teorii (Chast' 2). Voprosy ekonomiki. 2016, No. 1, pp. 117–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-117-138.
6. Smotritskaya I.I. Novaya ekonomicheskaya strategiya trebuet novogo kachestva gosudarstvennogo upravleniya. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk, 2017, No. 5, pp. 7–22.
7. Ispolnenie raskhodov byudzheta na natsproekty za vosem' mesyatsev sostavilo 48,4%. Sait Schetnoi palaty. 2020. 10 sentyabrya. URL: <https://ach.gov.ru/audit-national/ispolnenie-raskhodov-byudzheta-na-natsproekty-za-vosem-mesyatsev-sostavilo-48-4> (data obrashcheniya: 12.10.2020).
8. Kleiner G.B. Gumanisticheskii menedzhment, sotsial'nyi menedzhment, sistemnyi menedzhment — put' k menedzhmentu XXI veka. Rossiiskii zhurnal menedzhmenta, 2018, T. 16, No. 2, pp. 231–252. DOI: 10.21638/spbu18.2018.204.
9. Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Lavrinenkov P.A. Rossiiskie predpriyatiya vesnoi 2020 goda: reaktsiya na pandemiyu COVID-2019 i mneniya o roli gosudarstva v ekonomike [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ecfor.ru/publication/rossijskie-predpriyatiya-vesnoj-2020-g/> (data obrashcheniya: 12.10.2020).

Контактная информация / Contact information

ЦЭМИ РАН, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 47

CEMI RAS, 47 Nakhiovsky Avenue, Moscow, Russia

Клейнер Георгий Борисович / George B. Kleiner

george.kleiner@inbox.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-79-90

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В СИСТЕМЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

NATIONAL PROJECTS IN THE GOAL-SETTING SYSTEM OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

ЛЕНЧУК ЕЛЕНА БОРИСОВНА

Член Правления ВЭО России, директор Института
экономики Российской академии наук, д.э.н.,
профессор

ELENA B. LENCHUK

Member of the Board of VEO of Russia, Director
of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается важность совершенствования процесса целеполагания в сфере решения стратегических задач национального развития, прежде всего, таких как переход к новой модели экономического роста,

базирующейся на структурных преобразованиях, инновациях и новых технологиях. Определяется место долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны как системообразующего элемента в этом процессе. Обосновывается ограничительный характер целевых установок для устойчивого национального развития, обозначенных в рамках национальных проектов. Особое внимание акцентируется на необходимости их встраивания в систему стратегического планирования и обеспечения взаимосвязки с существующими стратегиями и государственными программами.

ABSTRACT

The article discusses the importance of improving the goal-setting process for solving strategic problems of national development, first of all, for the transition to a new model of economic growth based on structural transformations, innovations and new technologies, determines the place of the long-term state strategy of the social and economic development as a base component in this process. The restrictive nature of the targets for sustainable national development identified in the framework of national projects is substantiated. Particular attention is focused on the need for their integration national projects into the strategic planning system and ensure their interconnection with existing strategies and government programs.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стратегическое планирование, система целеполагания, национальный проект, долгосрочная стратегия социально-экономического развития, устойчивое развитие.

KEYWORDS

Strategic planning, goal-setting system, national project, long-term strategy of social and economic development, sustainable development.

Сегодня вряд ли кого-то нужно убеждать, что преодолеть рецессию и перейти к устойчивому и динамичному росту возможно лишь при переходе к новой модели развития, базирующейся на структурной модернизации, на новых технологиях и инновациях. Мы довольно подробно и не раз обсуждали эту проблему в стенах Вольного экономического общества и на других научных дискуссионных площадках, доказывая, что старая экспортно-сырьевая модель развития явно исчерпала себя и не способна обеспечить динамичные темпы экономического роста и конкурентоспособность российской экономики. В свою очередь, решение этой стратегической задачи в условиях затянувшейся рецессии, дополнительно наложившихся внешних и внутренних экономических шоков, связанных с пандемией коронавируса, и сохраняющихся ресурсных ограничений возможно лишь при четком целеполагании. В управленческой практике это главная предпосылка решения стратегических задач социально-экономического развития [1].

Однако у нас в стране до сих пор нет долгосрочной стратегии социально-экономического развития, и, похоже, в ближайшее время не стоит ожидать, что она появится, хотя необходимость разработки такого документа законодательно закреплена в Федеральном законе № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». И в этом, на наш взгляд, проявляется важнейшая системная ошибка проводимой экономической политики государства, которая препятствует выходу страны на траекторию устойчивого развития в столь сложной геополитической и геоэкономической обстановке.

Стратегический уровень управления социально-экономическим развитием сегодня переместился на уровень Президента РФ [2, 20], о чем свидетельствуют указы Президента

РФ № 204 и № 474, определяющие национальные цели развития, для достижения которых разрабатываются национальные проекты и комплексный план развития инфраструктуры, целевые параметры которых до 2030 г. должны быть уточнены до конца года.

Происходит фактически переформатирование той системы стратегического планирования, которая заложена в Законе № 172-ФЗ, поскольку в рамках упомянутого закона ни такого рода президентские указы, ни сами нацпроекты не упоминаются среди документов стратегического планирования. Вместе с тем очевидно, что указы и национальные проекты не могут заменить стратегию долгосрочного социально-экономического развития по уровню как обоснованности самого набора целевых установок, так и целевых параметров их реализации [3]. Они не опираются на научно обоснованный долгосрочный прогноз. В логике стратегического планирования аналогичные указы должны основываться на долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны, закрепляя ее целевые ориентиры и параметры. Такая логика стратегирования подкрепляется следующими аргументами.

Прежде всего, это связано с недостатком глубины шестилетней перспективы, определяемой границами политического цикла — срок, на который первоначально были ориентированы указы и нацпроекты. Вместе с тем задачи смены модели развития и масштабной структурной перестройки экономики сегодня явно выходят за пределы шестилетнего периода. В этой связи представляется чрезвычайно важным задействовать механизмы стратегического планирования для выстраивания общеэкономического вектора развития страны, уменьшая уровень экономической

неопределенности, стимулируя тем самым инвестиционную деятельность крупного, среднего и даже малого бизнеса, обеспечивая желательные структурные сдвиги и способствуя модернизационным процессам в долгосрочном периоде. А это означает, что на повестке дня должна быть разработка полноформатной Стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу — основного базового документа, закрепленного Законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ». Кроме того, разработка Стратегии социально-экономического развития предполагает и обоснование механизмов и инструментов реализации установленных целей национального развития.

Другим аргументом в пользу разработки полноформатной стратегии служит ограничительный характер стратегического целеполагания в рамках указов и нацпроектов, связанный с недостаточной широтой охвата рассматриваемых проблем. Большинство реализуемых нацпроектов направлено на решение социальных задач и не имеет непосредственного отношения к динамике экономического развития. Масштабное инвестиционное наполнение имеют только четыре проекта — Комплексный план развития магистральной инфраструктуры, безопасные и качественные автомобильные дороги, жилье и городская среда, экология, строительные проекты в других национальных проектах. Остальные национальные проекты, при всей их важности и актуальности, ориентированы на повышение эффективности использования бюджетных ресурсов как федерального, так и регионального уровней и имеют отложенные экономические эффекты с точки зрения ускорения темпов экономической динамики и роста глобальной конкурентоспособности российской экономики [2, 21].

Вне рамок принятых нацпроектов остались цели и задачи развития собственно производственного потенциала, прежде всего обрабатывающей промышленности и производства машин и оборудования, решение которых и определяют динамику диверсификации отраслевой инфраструктуры национальной экономики и рост ее конкурентоспособности. В этой связи нельзя не согласиться с мнением академика А.Г. Аганбегяна о необходимости доработки перечня национальных проектов новыми проектами по технологическому перевооружению базовых отраслей народного хозяйства и созданию новых мощностей высокотехнологичных производств [4, 64].

Реализация стратегических целей социально-экономического развития в рамках нацпроектов ограничена также возможными объемами задействованных финансовых ресурсов и их влиянием на экономический рост. Напомним, что на реализацию нацпроектов до 2024 г. планируется выделить около 23 трлн руб., или 3,8 трлн руб. в среднем на год, что составляет менее 4% годового ВВП. Трудно рассчитывать, что такие объемы финансовых ресурсов обеспечат качественный прорыв в развитии важнейших сфер национальной экономики и рост ее глобальной конкурентоспособности [2, 21]. Да, и качество управления нацпроектами остается на невысоком уровне, что не позволяет осваивать даже те небольшие средства, что выделялись на их выполнение. По итогам 2019 г. выделенные средства на нацпроекты не были полностью освоены. Так, по нацпроекту «Экология» этот показатель составил 66,3%, по нацпроекту «Цифровая экономика» — 73,3%. [5]

По имеющимся экспертным оценкам, реализация нацпроектов может составить в приросте ВВП достаточно скромные 0,6–0,7 п.п. в 2020–2024 гг. и стать лишь одним из факторов

его ускорения, при этом не обеспечивая переход к новой модели развития [6]. Очевидно, что в условиях разрастания второй волны пандемии коронавируса реализация нацпроектов будет наталкиваться на дополнительные финансовые ограничения и иметь еще большую неопределенность. Еще в начале кризиса эксперты предсказывали сокращение деловой активности, снижение налоговых поступлений и необходимость бюджетной оптимизации. Расходы на нацпроекты в условиях возникшего кризиса были скорректированы (см. таб.), и как результат, произошло их снижение почти на 280 млрд руб. в 2020 [5].

Однако перечисленные выше ограничения не означают, что установленные в указах Президента РФ № 204 и № 474 цели национального развития и принятые национальные проекты и программы недостаточно актуальны. Скорее, вызывает сомнение их достаточность для эффективного ответа на возникающие внутренние и внешние вызовы национальному развитию, выхода из рецессии и перевода российской экономики на новую модель развития и обеспечения высокого уровня глобальной конкурентоспособности.

В этой связи нам представляется, что такие указы должны не заменять стратегию долгосрочного социально-экономического развития РФ (как это происходит с 2012 г.), а, наоборот, закреплять и конкретизировать ее основные целевые ориентиры и параметры применительно к шестилетнему политическому циклу, формируя такие ориентиры для разработки национальных проектов и государственных программ, а также шестилетнего плана деятельности Правительства РФ. Реализуемый в таком виде проектный подход безусловно дал бы положительный результат в плане «достройки» системы стратегического управления национальным развитием и реальным воплощением в практику управления основных

Таблица

Планируемые и скорректированные с учетом кризиса расходы на национальные проекты (млрд руб.)

Наименование нацпроектов	Первоначально запланированные расходы на национальные проекты		Скорректированные с учетом кризиса расходы на нацпроекты		
	2019	2020	2020	2021	2022
1. Демография	520,2	750,1	613,7	633,2	590,6
2. Здравоохранение	160,3	315,5	312,5	252,8	262,6
3. Образование	106,1	155,8	127,9	136,4	120,6
4. Жилье и городская среда	105,3	112,9	106,5	108,4	189,1
5. Экология	57,0	95,1	76,7	126,9	153,7
6. Безопасные и качественные автомобильные дороги	129,7	108,4	104,3	124,8	23,9
7. Производительность труда	7,1	7,8	6,9	6,9	7,5
8. Наука	37,0	47,3	47,0	55,1	76,4
9. Цифровая экономика	108,0	150,9	124,2	177,9	258,0
10. Культура	14,2	17,3	17,2	20,3	23,2
11. Малое и среднее предпринимательство	60,6	53,9	49,9	47,5	87,9
12. Международная кооперация и экспорт	86,2	81,9	74,5	124,0	219,4
13. Комплексный план	331,2	381,9	337,2	404,5	675,5
Всего:	1723,0	2278	1999	2219	2688

Источник: составлено на основе «Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы» (https://raexpert.ru/researches/national_project_2020)

положений постановления Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и распоряжении Правительства РФ № 2165-р, утвердившим План первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве РФ на 2016–2017 гг.

Представляется, что чрезвычайно важным является определение места нацпроектов в системе документов стратегического планирования социально-экономического развития страны и осуществление взаимосвязи и взаимоувязки их основных задач и целевых ориентиров со всеми другими документами стратегического планирования — прогнозами, стратегиями, государственными программами. Как показал опыт, намного успешнее реализуются те нацпроекты, которые были увязаны с действующими государственными программами.

В настоящее время можно говорить об отсутствии сопряженности как в целом между национальными проектами и существующими стратегиями и программами, так и между самими нацпроектами. В качестве примера можно привести нацпроект «Цифровая экономика», целевые задачи которого практически не увязаны с такими важными документами стратегического планирования, направленными на решение задач технологической модернизации и инновационного развития, как Стратегия научно-технологического развития, государственными программами «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», нацпроектом «Наука» и рядом других документов, что приводит к отрыву его целевых ориентиров от реальных задач превращения сквоз-

ных цифровых технологий в драйвер современного экономического развития.

Другой пример — нацпроект «Наука», в рамках которого основной упор делается на решении инфраструктурных задач в научной сфере и повышении международных рейтингов страны в рамках наукометрических показателей. Хотя не всегда понятно, например, почему так необходимо гнаться за лидерством по публикационной активности в зарубежных журналах, ведь основная задача науки — быть на службе развития общества, в том числе за счет новых открытий и разработок способствовать созданию высокотехнологичной конкурентоспособной продукции, приносящей высокие дивиденды. И если эта задача решается, то и не так важно, какие наукометрические показатели демонстрирует наша страна на международном уровне.

Таким образом, процесс стратегирования и целеполагания требует дальнейшей глубокой методологической проработки в контексте совершенствования методологических подходов к формированию всей системы стратегического планирования в стране, поскольку именно стратегическое планирование, формируя долгосрочные ориентиры для развития, позволяет уменьшать уровень экономической неопределенности, стимулируя таким образом инвестиционную деятельность крупного, среднего и даже малого бизнеса, обеспечивая желательные структурные сдвиги и способствуя модернизационным процессам и в конечном счете выходу на траекторию устойчивого роста.

Библиографический список

1. Афиногенов Д.А., Кочемасова Е.Ю., Сильвестров С.Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. 2019. № 2. С. 23–25.
2. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Совершенствование методологических подходов к формированию системы стратегического планирования в России // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 4. С. 9–26.
3. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения. Методологические подходы к реализации принципов формирования системы стратегического планирования в РФ // Инновации. 2020. № 2. С. 24–28.
4. Аганбегян А.Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития. Научные труды Вольного экономического общества России 2020. Т. 223. С. 47–69.
5. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы. https://raexpert.ru/researches/national_project_2020.
6. Прогноз экономического развития России на 2019–2024 годы. ВЭБ РФ Институт исследований и экспертизы. Апрель, 2019 г. http://www.inveb.ru/attachments/article/115/Прогноз_2019_04_16.pdf.

References

1. Afinogenov D.A, Kochemasova E.Ju., Sil'vestrov S.N. Strategicheskoe planirovanie: problemy i reshenija //Mir novoj jekonomiki. 2019. № 2. S. 23–25.
2. Lenchuk E.B. Filatov V.I. Sovershenstvovanie metodologicheskikh podhodov k formirovaniju sistemy strategicheskogo planirovanija v Rossii //Vestnik Instituta jekonomiki RAN, 2020, № 4, s. 9–26.
3. Lenchuk E.B. Strategicheskoe planirovanie v Rossii: problemy i puti reshenija. Metodologicheskie podhody k realizacii principov formirovanija sistemy strategicheskogo planirovanija v RF //Innovacii. 2020. № 2. S. 24–28.

4. Aganbegjan A.G. Krizis kak okno vozmozhnostej dlja social'no-jekonomicheskogo razvitija. Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii 2020, T. 223, s. 47–69.
5. Nacional'nye proekty: ozhidaniya, rezul'taty, perspektivy. https://raexpert.ru/researches/national_project_2020.
6. Prognoz jekonomicheskogo razvitija Rossii na 2019–2024 gody. VJeB RF Institut issledovanij i jekspertizy. Aprel', 2019 g. http://www.inveb.ru/attachments/article/115/Prognoz_2019_04_16.pdf.

Контактная информация / Contact information

Институт экономики РАН, 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Prospect, Moscow 117218, Russia

Елена Борисовна Ленчук / Elena B. Lenchuk

+7(499) 724-14-19, ieras@inecon.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-91-103

НАУКА КАК ФУНДАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

SCIENCE AS THE BASIS OF NATIONAL PROJECTS

ИВАНОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель президента Российской академии наук, руководитель Информационно-аналитического Центра «Наука» РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., к.т.н.

VLADIMIR V. IVANOV

Member of the Board of VEO of Russia, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Information and Analytical Center «Science» of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются проблемы реализации национальных проектов. Показано, что наука и технологии являются базой для достижения поставленных целей по прорывному развитию страны. Основными проблемами организации исследований и разработок являются: отсутствие целостной государственной научно-технической политики,

ошибки при реформировании сектора исследований и разработок, система управления, ресурсное обеспечение. Предложены первоочередные меры по созданию сектора исследований и разработок, ориентированного на достижение задач развития государства.

ABSTRACT

The problems of the National Projects implementation are considered. It is shown that science and technology form the basis for achieving breakthrough development goals outlined for the country. The main problems of research and development organization are the lack of comprehensive state scientific and technology policy, mistakes in reforming of the research and development sector, management system and inadequate resource support. Priority measures are proposed to create the research and development sector focused on achieving the state development goals.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальный проект, наука, гуманитарно-технологическая революция, ресурсы управления, фундаментальные исследования, законодательство.

KEYWORDS

National project, science, humanitarian and technological revolution, resources, management, basic research, legislation.

Рассматривая проблему перезагрузки национальных проектов, прежде всего надо определить объект нашего внимания. В различных нормативных документах определяется, для чего служат национальные проекты, какие задачи они должны решать. Однако четкое определение собственно понятия «национальный проект» отсутствует. А это значит, что невозможно определить ни масштаб про-

екта, ни его значимость для решения задач государственного развития. И за названием «национальный проект...» может оказаться набор тем, решающих отдельные, хотя и очень важные, но не первостепенные задачи. При такой неопределенности складывается ситуация, когда, говоря о национальном проекте, каждый понимает что-то свое. А при таком подходе добиться системного решения задачи практически невозможно¹.

Следующим важным моментом является определение места национальных проектов в системе стратегического планирования.

Президентом Российской Федерации определены национальные цели и приоритеты развития страны до 2030 года. Достижение этих целей возможно при выполнении двух основных условий. Прежде всего, это обеспечение национальной безопасности, т.е. состояния, при котором государство может выполнять свои функции при воздействии внутренних и внешних неблагоприятных факторов. Вторым ключевым условием является создание технологического фундамента, обеспечивающего в стратегической перспективе ускоренное развитие страны и равноправное вхождение в число стран — глобальных лидеров.

Исходя из сказанного, *определим национальный проект как комплекс мер, согласованных по срокам, исполнителям, ресурсам и показателям, направленных на решение приоритетных задач социально-экономического развития государства*. При этом каждый из проектов должен решать задачу не фрагментарно, а системно, т.е. на выходе должны быть результаты, определенные основными стратегическими до-

¹ Заметим, что аналогичная ситуация наблюдается с понятием «инновации».

кументами Российской Федерации: Стратегией национальной безопасности, Стратегией научно-технологического развития.

В настоящее время Мир находится в состоянии гуманитарно-технологической революции [1–3], определяющей направления и траекторию глобальных трансформаций. Основу этого процесса составляет научно-технологический прогресс, базирующийся на новых знаниях, на фундаментальной науке. Собственно научно-технологическое развитие регулируется следующими законами:

- 1) Коммерческая ценность результатов фундаментальных научных исследований постоянно повышается.
- 2) Стоимость технологий и наукоемкой продукции постоянно снижается.
- 3) Технологии не могут противоречить законам природы.
- 4) Государственные границы не являются препятствием для распространения результатов фундаментальных исследований (знаний) и технологий.

Важнейшим следствием этих законов является то, что в стратегической перспективе фундаментальная наука есть самое эффективное вложение средств. Это обусловлено, в частности, тем обстоятельством, что на фундаментальной науке базируются образование, технологии и культура (рис. 1). Иначе говоря, глобальный бюджет образования есть не что иное, как коммерческое отражение фундаментальной науки. Кроме того, именно на основе фундаментальных знаний формируется политика и стратегия развития государства, экономика, обеспечивается оборона и безопасность.

Это нашло свое отражение в Стратегии научно-технологического развития, принятой в 2016 г. и определившей фундаментальную науку как системообразующий инсти-

тут развития нации, а также семь научно-технологических приоритетов.

В марте 2018 года президентом России был задан новый вектор развития страны: качество жизни, научно-технологическое развитие, развитие территории и оборонная безопасность. Под эти приоритеты выстраиваются главные стратегические документы: стратегии национальной безопасности, научно-технологического развития, социально-экономического развития.

Исходя из стратегических задач развития, сформулировано 13 национальных проектов, ответственность за реализацию которые возложена на профильные министер-

Рис. 1. Фундаментальная наука как системообразующий институт развития нации

ства. Но если говорить о прорыве (технологическом, экономическом, социальном), то, очевидно, что основу каждого национального проекта должны составлять наука и технологии. Однако анализ паспортов национальных проектов показывает, что научная составляющая в них практически отсутствует. Кроме того, собственно национальные проекты не связаны с планами реализации Стратегии НТР, за реализацию которой отвечает Минобрнауки России. Но, очевидно, что Минобрнауки России в принципе не может координировать всю научно-технологическую деятельность, поскольку в том или ином виде значительная часть научных исследований и разработок проводятся в отраслевых министерствах и госкорпорациях.

Если же рассматривать собственно национальный проект «Наука», то он по своей сути представляет совокупность нескольких инфраструктурных проектов и не может решать в комплексе задачи развития науки как основы развития страны. Национальным проектом «Наука» могла бы стать Стратегия НТР. Однако до настоящего времени в рамках этой Стратегии не начато ни одной комплексной научно-технической программы или проекта полного инновационного цикла (КНТП), как это предусмотрено постановлением Правительства России от 19.02.2019 № 162 [4]. Причина заключается в том, что в отсутствие в стране единого органа координации научных исследований и разработок требуются многочисленные согласования различных министерств и ведомств.

Более того, с 1 октября 2019 года на рассмотрении в Правительстве Российской Федерации находится программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочную перспективу, разработанная

Сформулируем основные проблемы.

Начиная с 90-х годов экономика страны развивалась по ресурсному типу. В соответствии с этим наука рассматривалась не как ведущая производительная сила, а как услуга, основная задача которой — обеспечивать образование. В соответствии с таким подходом была ликвидирована Российская академия наук как высшая научная организация страны, произошло существенное сокращение численности научных организаций (примерно 16% с 2000 года), ликвидирована научная аспирантура. Такой подход вполне применим для стран, не ставящих целей занятия лидирующих позиций на глобальном пространстве. Однако в странах — технологических и глобальных лидерах наука рассматривается как ведущая производительная сила [5] и наряду со здравоохранением, продовольствием, энергетикой и армией является базовым элементом обеспечения национальной безопасности, суверенитета и развития.

Существующая система государственного управления научными исследованиями и разработками не может обеспечить темпы научно-технологического развития, необходимые для достижения национальных целей. Это обусловлено, во-первых, отсутствием в системе органов исполнительной власти структуры, отвечающей за научно-технологическое развитие, за координацию исследований и разработок. Это представляется крайне необходимым в условиях, когда бизнес ориентирован преимущественно на зарубежные технологии и наукоемкую продукцию. Во-вторых, кадровыми проблемами. Начиная с 2004 года произошло замещение ученых, имеющих опыт управления крупными научными организациями и реализации крупных проектов,

на специалистов в области финансов, теоретической экономики, юриспруденции, имеющих в лучшем случае опыт управления вузами. Кроме того, частая реорганизация министерства и сменяемость руководителей также не способствует нормальной и эффективной работе.

Опыт показал, что ликвидация Российской академии наук как высшей научной организации страны, аккумулирующей интеллектуальный потенциал нации, передача управления фундаментальными научными исследованиями от ученых в административные структуры не улучшили ситуацию ни в науке, ни в образовании. Лишение же Академии, особого статуса, который был ей установлен ст. 6 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», и превращение РАН в ФГБУ фактически исключило академическое сообщество из контура управления исследованиями и разработками. Кроме того, собственно научная деятельность также не входит в функции Академии и бюджетные ресурсы на эти работы не выделяются.

Ресурсное обеспечение исследований и разработок, которое несмотря на принимаемые стратегические документы (рис. 3) находится на уровне 1% ВВП, в то время как развитые страны уже превысили 2%, а лидеры достигли 4%. При этом в отсутствие единой государственной научно-технической политики и системы координации научных исследований и разработок трудно ожидать рационального расходования и этих средств.

Таким образом, можно констатировать, что при существующих подходах к организации научных исследований и разработок невозможно обеспечить полноценную реализацию национальных проектов и решить задачу вхождения России в число стран — технологических лидеров.

Рис. 3. Динамика доли науки (%) в структуре ВВП

Вопрос детально рассматривался на Общем собрании членов РАН, состоявшемся летом 2020 г. [4]. При этом отмечалось, что в современных условиях требуется разработка новой государственной научно-технической политики, ориентированной на достижение национальных целей. В качестве первоочередных мер должны быть реализованы следующие.

1. Разработать и утвердить решением Президента Российской Федерации «Основы государственной политики развития науки и технологий и формирования национальной инновационной системы на период до 2035 года и дальнейшую перспективу» как документ стратегического планирования. Основной целью данного документа должно стать формирование целостной научно-технической политики,

направленной на полноправное вхождение России в число стран технологических лидеров.

При этом наука должна быть определена как ведущая производительная сила, обеспечивающая развитие, глобальную конкурентоспособность и безопасность страны.

2. Корректировка Стратегии НТР с учетом поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации, и положений Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года».

3. Создать в системе федеральных органов исполнительной власти надведомственный орган под руководством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, на который возложить формирование и реализацию единой государственной политики развития науки и технологий, формирование современной национальной инновационной системы и рынка результатов интеллектуальной деятельности.

4. Восстановить Российскую академию наук как высшую научную организацию России, отвечающую за развитие фундаментальных научных исследований и разработку новейших технологий, создаваемых на основе полученных результатов, обеспечивающей научную экспертизу важнейших государственных решений, программ и проектов.

5. Адаптировать нормативную правовую базу науки и технологий к новым условиям, к новым целям и задачам стратегического развития России. При этом особое внимание должно быть уделено созданию целостной системы организации научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности, организации эффективного взаимодействия институтов развития и субъектов

российской экономики и промышленности, научно-технической экспертизы.

Определить долю наукоемкой продукции на мировом рынке как основной показатель научно-технологического развития страны.

6. Внести изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации, предусмотрев специальный раздел бюджетной классификации: «Фундаментальные исследования, прикладные разработки, опытно-конструкторские работы по созданию конкретных образцов высокотехнологичной продукции», консолидирующий бюджетные расходы на науку, технологии, инновации.

Библиографический список

1. Иванов В.В. Контуры нового мирового уклада // *Философские науки* / Russ. J. Philos. Sci. 2020. 63(5), с.6–27.
2. Иванов В.В. Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы // *Инновации*. 2017. № 6. С. 3–8.
3. Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / под ред. Иванова В.В., Малинецкого Г.Г., Сиренко С.Н. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 344 с. — (Будущая Россия № 28).
4. Доклад о реализации государственной научно-технической политики Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2019 году. — М.: РАН, 2020. 129 с.
5. Наука по-американски: Очерки истории. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 624 с.

References

1. Ivanov V.V. Kontury novogo mirovogo uklada // *Filosofskie nauki* / Russ. J. Philos. Sci. 2020. 63(5), s.6–27.

2. Ivanov V.V. Global'naja gumanitarno-tehnologicheskaja revoljucija: predposylki i perspektivy // Innovacii, 2017, № 6 s. 3–8.
3. Kontury cifrovoj real'nosti: Gumanitarno-tehnologicheskaja revoljucija i vybor budushhego / Pod red. Ivanova V.V., Malineckogo G.G., Sirenko S.N. — М.: LENAND, 2018. — 344s. — (Budushhaja Rossija № 28).
4. Doklad o realizacii gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoi politiki Rossijskoj Federacii i vazhnejshih nauchnyh dostizhenijah, poluchennyh rossijskimi uchenymi v 2019 godu — М.: RAN, 2020, 129 s.
5. Nauka po-amerikanski: Oчерki istorii — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. — 624 s.

Контактная информация / Contact information

Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский проспект, 14
Russian Academy of Sciences, 14, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991,
Russia

Иванов Владимир Викторович / Vladimir V. Ivanov

+7 (495)954-44-96, ivanov@presidium.ras.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-104-113

О НЕКОТОРЫХ МЕХАНИЗМАХ СТИМУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТОВАНИЯ

ABOUT SOME MECHANISMS OF STIMULATING CREDIT GROWTH

ЕРШОВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Член Президиума ВЭО России,
член Координационного Совета Международного
Союза экономистов, профессор Финансового
университета при Правительстве Российской
Федерации, д.э.н.

MIKHAIL V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia,
Member of the Coordinating Council
of the International Union of Economists,
Professor of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Doctor of Economic Sciences

ТАНАСОВА АННА СТАНИСЛАВОВНА

Эксперт Финансового университета
при Правительстве РФ, к.э.н.

ANNA S. TANASOVA

Expert of Financial University under the
Government of the Russian Federation,
PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Кризис 2020 г., вызванный пандемией, способствовал расширению механизмов поддержки экономик во всем мире. В статье, в первую очередь, рассматриваются механизмы кредитных гарантий или поручительств по кредитам, как важный инструмент, расширяющий доступ для реального сектора к финансовым ресурсам. Более активное применение данного механизма в РФ могло бы стимулировать как бизнес, так и банки соответственно к расширению займов и выдаче кредитов.

ABSTRACT

The crisis caused by pandemic in 2020 worldwide lead to use the wide range of mechanisms to support economic. The article emphasized that the credit guarantees are actively use as an important mechanisms to stimulate credit process. It also should be used more actively used in Russia, thus stimulating banks and non-financial sector to increase loan operations, and supporting economic growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, банки, кредит, механизмы поддержки.

KEYWORDS

Economic growth, banks, credit, stimulating measures.

Пандемия коронавируса, начавшаяся в самом начале 2020 г., привела практически к остановке экономической активности во всем мире на несколько месяцев. Упали фондовые индексы на мировых биржах, существенно сократилась цена на нефть, остановились производства, резко затормозилась мировая торговля. Сокращение ВВП за второй квартал 2020 г. (рис. 1) было одним из самых значительных за историю многих стран.

Российская экономика сократилась относительно меньше, чем многие страны. Однако возросла безработица, еще

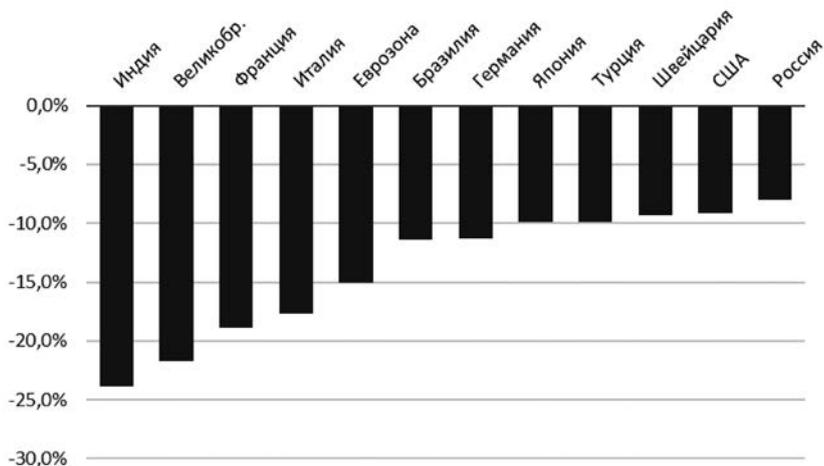

Рис. 1. Спад экономик во II квартале 2020 г., г/г, %

Источник: МВФ.

больше снизился внутренний спрос, отложены инвестиционные проекты. Для восстановления и выхода на траекторию роста экономики со стороны государства и регуляторов предпринимаются различные меры поддержки.

Крайне важным для выхода из кризиса и стимулирования более активного участия частного сектора в восстановлении экономики является обеспечение финансовых условий, способствующих более высокой экономической активности и наращиванию инвестиций. Механизмы, которые могли бы помочь решить вновь обострившиеся системные задачи в российской экономике, в общем остаются теми же, что были и до кризиса. В частности, среди важнейших задач для обеспечения экономического роста уже многие годы значится низкая доступность финансовых ресурсов для

частного сектора, которая сдерживает их экономическую активность. В 2020 г. кризисные процессы, которые привели к перекраиванию госбюджета в 2020 г. и сокращению финансирования национальных проектов, снижению частных инвестиций, еще больше обостряют актуальность расширения возможностей нефинансовых направлений экономики и их стимулирования.

Отметим, что во многих странах с целью поддержки нормального функционирования экономики принимается широкий набор различных инструментов и механизмов, которые ориентируются на все более широкий круг экономических участников. Во многих странах центральные банки все чаще расширяют свою поддержку не только для финансового, но также и для нефинансового сектора. Так, ЕЦБ в 2020 г. увеличил покупки корпоративных облигаций, причем расширяя покупки бумаг тех направлений экономики, которые значительно пострадали от кризиса (в том числе нефтегазовых, энергетических компаний, производителей транспорта и автомобилей и др.). Общий объем программы покупки корпоративных облигаций составляет 1,35 трлн евро.

Отметим, что тенденция поддержки нефинансового частного сектора со стороны центральных банков наблюдается не только в развитых странах. Она также начинает распространяться и в странах с развивающимися рынками. Так, ряд центральных банков стран с развивающимися рынками (в частности, в Латинской Америке и в Европе) в текущий кризис начали осуществлять покупки корпоративных ценных бумаг [1].

Отметим, что и до кризиса, вызванного пандемией и мерами ее ограничения, например, в Венгрии в 2019 г. центральный банк ввел программу покупки частных об-

лигаций Bond Funding for Growth Scheme (BGS) общим объемом около 0,7% ВВП. В рамках программы регулятор покупал облигации частных корпораций, выпущенные в национальной валюте, хорошего качества и ценные бумаги, обеспеченные корпоративными кредитами. Внедрение такого механизма, по оценкам центрального банка Венгрии, должно способствовать повышению эффективности трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и диверсифицировать источники финансирования для корпораций.

Одним из распространенных механизмов, повышающих доступ к финансированию нефинансового сектора, который применяется как в развитых, так и в странах с развивающимися рынками, являются кредитные гарантии или поручительства по кредитам. В текущий кризис этот механизм также применялся во многих странах, наряду с другими инструментами. В отдельных странах объемы кредитных гарантий достигли значительных объемов (рис. 2).

Эти инструменты особенно востребованы для расширения доступа к кредитам предприятий и организаций МСП, которые в большинстве стран более ограничены в доступе к кредитным ресурсам, чем крупные компании. Применение поручительства по кредиту позволяет разделить риски дефолта по кредиту. В числе причин востребованности таких инструментов часто может быть отсутствие у заемщика должного обеспечения под кредит. При отсутствии залогов у заемщиков банки не всегда согласны выдавать кредиты даже под высокие процентные ставки, в том числе из-за отсутствия или дороговизны получения информации о реальном состоянии заемщика или проекта (информационная асимметрия).

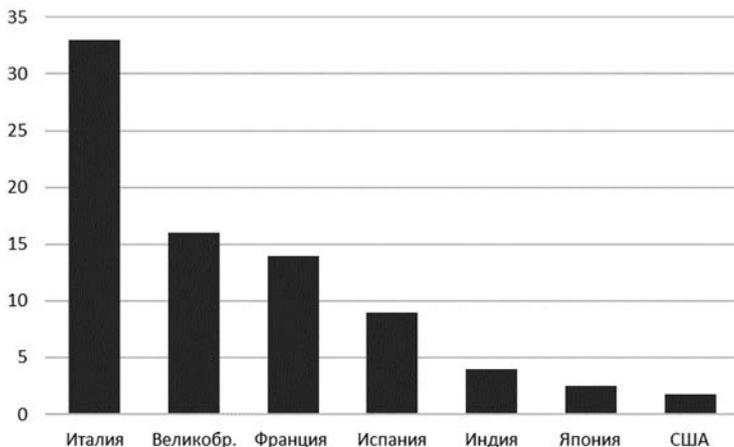

Рис. 2. Объявленный объем поручительств по кредитам в кризисный период 2020 г., % к ВВП

Источник: [1].

Особенно важную роль имеют кредитные гарантии при финансовых спадах. Хотя в такие периоды сокращается также спрос на кредиты со стороны реального сектора, тем не менее, как показывают исследования [2], снижение предложения кредитов оказывает давление на динамику выдачи новых кредитов МСП. В периоды финансового спада кредитные гарантии играют роль контрциклического механизма государственной поддержки.

Механизмы поручительства по кредитам активно применяются в Европе в Италии и Португалии. Значительное развитие эти инструменты получили в странах ЦВЕ, особенно в Венгрии и Румынии, после глобального финансового кризиса, который ограничил доступ к кредитным ресурсам

для МСП. Активно применяются кредитные гарантии также в азиатских странах — в Японии, Южной Корее, Индии, Малайзии и др. Успешным примером использования кредитных гарантий является Южная Корея, где такие инструменты являются одним из основных механизмов, поддерживающих финансирование МСП.

Значительную роль при выдаче поручительств по кредитам играют различные фонды и институты развития. Фонды особенно востребованы в условиях ограниченных возможностях государственных бюджетов. Финансирование таких фондов различается по странам — в азиатских странах основной вклад делают государства, тогда как в европейских странах картина более смешанная (рис. 3).

Опыт ряда стран (например, ЦВЕ и ЮВЕ) показывает, что важно тщательно проработать детали механизма выдачи таких гарантий и их применения при кредитовании банками.

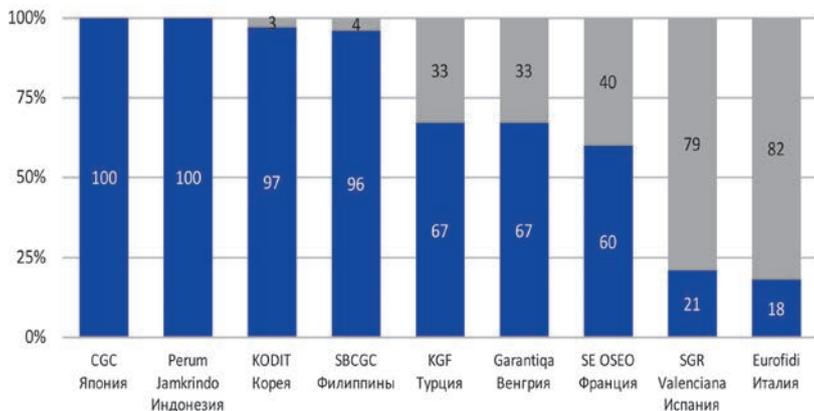

Рис. 3. Источники финансирования фондов, выдающих кредитные гарантии, %
Источник: [3].

Необходимо сделать приемлемой стоимость применения таких гарантий для банков, не допустить громоздких и избыточных бюрократических процедур оформления гарантий и т.д.

В России в целом механизм гарантий не получил должного развития и не играет значимую роль в обеспечении доступа участников экономики к финансовым ресурсам и в стимулировании кредитных процессов. Государственные гарантии предоставлялись в том числе в рамках федеральной целевой программы «Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2011–2020 годы». В 2014 г. в качестве временной антикризисной меры была принята Программа рефинансирования инвестиционных кредитов, которая позволяла предприятиями реального сектора получать кредиты банков по более низкой, чем рыночная, ставке. При этом господдержка осуществлялась в том числе через госгарантии. Данный механизм был востребован со стороны банков и компаний для финансирования инвестиционных проектов. Однако в 2016 г. Банк России свернул операции рефинансирования таких кредитов на льготных условиях, ссылаясь на временный характер данного специализированного инструмента рефинансирования. В настоящее время в рамках Национальной гарантийной системы (НГС) работает трехуровневая целевая модель по гарантийной поддержке предприятий МСП, состоящая из АО «Корпорация «МСП», АО «МСП Банк» и региональные гарантийные организации (РГО). Однако объемы деятельности пока незначительны в масштабах страны. В 2019 г. АО «Корпорация «МСП» представила участниками НГС гарантийную поддержку на сумму 110 млрд руб. [4, 5].

Представляется, что развитие механизма гарантий в России, как инструмента, расширяющего для нефинансового сектора доступ к финансовым ресурсам, могло бы сыграть положительную роль для экономического развития. При этом целесообразна более активная роль Банка России посредством предоставления долгосрочных специализированных инструментов рефинансирования. Это также стимулировало бы банковский сектор к кредитованию нефинансовых организаций.

Библиографический список / References

1. IMF. Global Financial Stability Report. Bridge to recovery. October, 2020.
2. Credit Guarantee Schemes for SME lending in Central, Eastern and South-Eastern Europe. A report by the Vienna Initiative Working Group on Credit Guarantee Schemes. November 2014. https://www.eib.org/attachments/efs/viwg_credit_guarantee_schemes_report_en.pdf (дата обращения: 22.09.2020 г.)
3. Knowledge Sharing Program with United Arab Emirates: Strengthening SME Policy Capacity of UAE Using Korean Experience. 2016/2017.
4. Цховребов М.П., Соколова Е.Ю. Анализ направлений активизации кредитования агропромышленного комплекса и экономики РФ // АПК: экономика, управление. — 2020. — № 8. — С. 32–45.
5. Программа деятельности акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» на 2020 год: https://corpmsp.ru/upload/iblock/aec/_Programma-2020_izmeneniya-30-iyunya-2020_protokol-101_clean.pdf#page=30&zoom=100,90,553

Контактная информация / Contact information

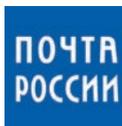
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский
просп., 49

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49,
Leningradsky prospekt, GSP-3, Moscow 125993, Russia

Ершов Михаил Владимирович / Mikhail V. Ershov

+7 (495) 787-74-51, lupandina@fief.ru

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – **ПР999**

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veorus.ru.

ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – **ПА008**

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей. Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeconomy.ru>.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИУМ

Теория конвергенции и современные тенденции развития цивилизации

17 сентября 2020 года состоялся международный Мемориум, посвященный 80-летию Георгия Николаевича Цаголова, действительного члена Сената Вольного экономического общества России, члена Координационного Совета Международного Союза экономистов, профессора Международного университета в Москве, члена Союза писателей России, академика РАЕН, доктора экономических наук. Организаторы: Вольное экономическое общество России и Международный Союз экономистов.

Открыл Мемориум президент Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор Сергей Дмитриевич Бодрунов.

Модератор — Александр Владимирович Бузгалин, вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор.

В настоящем разделе представлены статьи, основанные на докладах спикеров Мемориума.

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-116-125

**ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ЦАГОЛОВ: ЧЕЛОВЕК,
ГРАЖДАНИН, УЧЕНЫЙ
(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ)**

**GEORGY NIKOLAEVICH
TSAGOLOV: MAN,
CITIZEN, SCIENTIST (ON THE
OCCASION OF THE 80TH
BIRTHDAY)**

БОДРУНОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор.

SERGEY D. BODRUNOV

President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена памяти выдающегося ученого Георгия Николаевича Цаголова. Автор отдает должное вкладу Георгия Николаевича в экономическую науку, огромному потенциалу и актуальности его идей об интеграции плана и рынка, частного и общественного присвоения, денежной и неденежной мотивации. В то же время автор полемизирует с идеями ученого, обосновывая, что общественно-экономические трансформации, которые усиливаются по мере расширения научно-технического прогресса, не являются прямой интеграцией капитализма и социализма, о чем писал Георгий Николаевич. Это иная форма перехода к качественно новому состоянию общества, где постепенно исчезнут экономические отношения, а механизм удовлетворения потребностей людей, создаваемый экономикой, постепенно сменится другим механизмом — ноономикой.

ABSTRACT

The article is dedicated to the memory of the outstanding scientist Georgy Nikolaevich Tsagolov. The author values the important contributions of Georgy Nikolaevich to economic science, demonstrate relevance and huge potential of his ideas about the integration of the plan and the market, private and public appropriation, monetary and non-monetary motivation.

At the same time, the author argues with the scientist's ideas, justifying that the socio-economic transformations, which are reinforced with the expansion of scientific and technological progress, are not a direct integration of capitalism and socialism, as Georgy Nikolaevich presumed. This is another form of transition to a new state of society, where economic relations will gradually disappear and the mechanism for meeting people's needs created by the economy will gradually be replaced by another mechanism – Noonomics.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Георгий Цаголов, интегральное общество, общественно-экономические трансформации, НИО.2, ноономика, диффузия собственности, культура.

KEYWORDS

Georgy Tsagolov, integral society, socio-economic transformations, NIO.2, noonomics, diffusion of property, culture.

Исполнилось 80 лет со дня рождения известного отечественного ученого-экономиста Георгия Николаевича Цаголова. В этой связи 17 сентября 2020 года Вольное экономическое общество России и Международный Союз экономистов провели Международный Мемориум «Теория конвергенции и современные тенденции развития цивилизации», посвященный его памяти.

Следует отметить, что тема мероприятия очень близка научному творчеству Г.Н. Цаголова. Он очень много работал над развитием экономической теории, исследуя современную Россию, системные трансформации ее экономики, делая на этой основе глубокие теоретические обобщения. Его творческий путь и жизненный путь были тесно переплетены.

Все свои молодые годы он активно исследовал современное общество, углубляясь в теоретические хитросплетения экономической науки, пытаясь понять движущие механизмы экономических процессов и смоделировать будущее. В постсоветские, постперестроечные годы Георгий Николаевич много занимался практической экономикой, трансформировав свои теоретические познания в успешный бизнес; он был отличным предпринимателем, создал сотни рабочих мест. Это тоже большой вклад в становление экономической модели современной России.

Но занятия бизнесом, даже успешным, не привели к успокоению Цаголова-теоретика; он понимал, что российская модель экономики развивается не так, как он хотел бы это видеть. Георгий Николаевич посвятил многие годы работе над теорией интегрального общества. Отсюда и его идеи интеграции плана и рынка, частного и общественного присвоения, денежной и неденежной мотивации и т.д. Особое внимание Георгий Николаевич уделял анализу опыта Китая, Вьетнама и их моделям развития в XXI веке, он противопоставлял его процессам, которые происходят в российской экономике, которую он квалифицировал как бюрократически-олигархический капитализм.

Очень важен потенциал идей Георгия Николаевича Цаголова и сегодня, эти идеи не утратили своей значимости. В частности, огромным не только теоретическим, но и практическим потенциалом обладает его идея о необходимости ухода от рыночного фундаментализма, от тотального доминирования частного присвоения, денежного фетишизма. Причем следует подчеркнуть, что он был против революций, по его мнению, нам нужны не революционные, а эволюционные перемены. За этим — высокая гражданственность Георгия Николаевича, бережно относившегося к своей стране и своему народу.

Георгий Николаевич не только активно исследовал современную экономику, но также принимал непосредственное участие в общественно-научной жизни. Он был постоянным участником мероприятий Вольного экономического общества России, Института индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте. К своему юбилею он был награжден высшей наградой Вольного экономического общества России — Серебряной медалью, что для 255-летней истории Вольного экономического общества является весьма не-

ординарным событием. Вольное экономическое общество не случайно отметило деятельность Георгия Николаевича в свое время такой наградой. Это подчеркивает его место в нашем общественном экономическом пространстве.

Важный аспект исследовательского кредо Георгия Николаевича — конструктивная направленность, стремление «быть на острие», ориентироваться на решение тех проблем, которые в данный момент наиболее злободневны. Он неоднократно и публично подчеркивал это на конференциях, проводившихся ВЭО и ИНИР, на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе, на конгрессе «Производство, наука и образование», других мероприятиях. Георгий Николаевич практически всегда там выступал и поддерживал идеи развития экономики страны — это и индустриализация экономики, и активная промышленная политика, и стратегическое планирование, и многие другие идеи, о которых мы постоянно говорим на наших конгрессах, которые проистекают из нашего понимания векторов развития российской экономической системы.

В то же время необходимо отметить, что в нашем с Георгием Николаевичем видении будущего было определенное отличие. Мы полагали и полагаем, что в основе всех общественно-экономических трансформаций лежит объективный процесс — развитие технологий. Соответственно, мы должны не механически конструировать желаемое будущее, а изучать и усиливать объективные тренды, которые указывают на генезис нового индустриального общества следующего поколения (НИО.2)¹ через реформирование рынка, частной собственности и потребностей человека.

¹ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Монография / — Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. — 328 с.

Эти трансформации, по нашему мнению, происходят объективно и усиливаются по мере развития, расширения научно-технического прогресса. Мы полагаем, что данная трансформация не является прямой интеграцией капитализма и социализма, это иная форма перехода к качественно новому состоянию общества, где постепенно исчезнут экономические отношения, где механизм удовлетворения потребностей людей, создаваемый экономикой, постепенно сменится другим механизмом, который мы называем ноономикой. И сегодня мы уже видим некоторые шаги в продвижении к НИО.2, которые подтверждают наши взгляды.

В то же время Георгий Николаевич был постоянным участником мероприятий Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, без него не проходил практически ни один теоретический семинар. Его вдумчивое отношение, активная вовлеченность в дискуссии, готовность аргументированно критиковать оппонентов и отстаивать свою собственную позицию во многом способствовали развитию и наших теоретических взглядов. Так что мы можем, наверное, считать себя соратниками Георгия Николаевича в поиске оптимальных моделей развития общества.

Несмотря на то что Георгий Николаевич Цаголов ушел от нас, мы по-прежнему вспоминаем те идеи, которыми он насыщал нашу экономическую жизнь, наши теоретические дискуссии. Эти идеи живы, они развиваются, они требуют нашего осмысления, нашего нового понимания и даже, может быть, нового прочтения. И в этом осмыслении и новом прочтении, безусловно, возникнут новые взгляды и новые теории, которые позволят не только обогатить экономическую науку, но и дать конкретные рекомендации в отношении практических

шагов, направленных на развитие российской социально-экономической системы.

При этом следует понимать, что, несмотря на всю специфичность нашей страны, дифференцированность современного мира, неравенство культур, цивилизационных кодов и т.д., цивилизация у нас все же одна, единая, общая, и в перспективе — по линии генерального развития — это единая общая цивилизация с едиными кодами и представлениями о человеческих ценностях. Поэтому те открытия и достижения в науке, которые мы делаем, изучая экономику России, имеют общецивилизационную ценность. Почему этот вывод справедлив? На чем основан? Главный «выравниватель» разных частей цивилизационного развития — это научно-технический прогресс, а он не имеет страновой или культурной привязки. Это общесистемный феномен.

Кто, например, сегодня может сказать, что Китай — это особый способ производства и особые экономические отношения, отличающие его структуру, инфраструктуру и прочее от тех же Соединенных Штатов? Да, там есть свои особенности, свои отличия, но, по сути, они идут в том же направлении. Причина этого состоит в том, что в основе развития лежит одно и то же движение, заданное трендами научно-технического прогресса.

Современный мир становится более однородным, и это подтверждается многими фактами. Например, происходит диффузия собственности. Этому явлению, важнейшему явлению в политэкономическом пространстве, «расщеплению собственности» мы хотели посвятить специальную конференцию в конце марта 2020 года. Мы подготовили аналитические документы, доклады. К сожалению, это мероприятие не состоялось из-за пандемии, но мы планируем провести

эту дискуссию в декабре 2020 года. В издании «Мир перемен» мною опубликована соответствующая статья², которая указывает на то, что диффузия собственности — это явление, которое характерно не только для развитых экономик Запада, но и любая развитая экономика этому подвержена.

Те тенденции, о которых говорил Джон Кеннет Гэлбрейт, которые сегодня развивает Джеймс Гэлбрейт, его сын, — это «прорастающая» интеграция индустриального типа отношений с другими частями общества. Они универсальны, и эти идеи развиваются и продолжают развиваться. Мы не зря издали соответствующий труд несколько лет назад, где участвовал и Георгий Николаевич Цаголов, который назывался «Гэлбрейт. Возвращение»³. Это серьезное исследование тех тенденций, которые сегодня видны и проистекают из тех представлений, которые характерны были для Дж.К. Гэлбрейта как для выдающегося мыслителя и экономиста.

Здесь важно также остановиться на терминах. Сложно, например, понять, как не в теории, а на практике происходит «срастание» одного с другим, капитализма с социализмом. Как это может быть с альтернативными социально-экономическими системами? Вероятно, здесь надо говорить, что идет не срастание, а вырастание, вращение. Из старого всегда рождается новое, в том числе новое, которое носит интегративный характер. Оно рождается постепенно, накапливаются изменения, а затем, в соответствии с классической философией, возникает переход количества в качество, некий фазовый переход, скачок в иное состояние социально-экономической системы, в том числе в структуре отношений и т.д.

² Бодрунов С.Д. На пути к ноономике: человек, технологии, общество / С.Д. Бодрунов // «Мир перемен», № 2, 2020 г., Москва. С. 24–39.

³ Гэлбрейт: возвращение / Монография / под. ред. С.Д. Бодрунова. — М.: Культурная революция, 2017. — 424 с.

Представляется, что сегодня мы находимся как раз на пути этого самого «вырастания» из капиталистического общества. Это проникновение и, можно сказать, вырастание социалистических или социальных или иных, более продвинутых отношений из традиционных для нынешнего общества капиталистических отношений, вращение их в новую жизнь и создание новых отношений. И эти современные идеи созвучны тем взглядам, которые высказывал Георгий Николаевич Цаголов.

Вспоминая встречи с ним, хотел бы сказать об одной черте, которая характеризовала его отношение и к науке, и к жизни. Когда на одном из наших семинаров рассматривалась роль культуры в ограничении симулятивных потребностей людей, которые сегодня раздуваются капиталистическим обществом, он согласился с тем, что культурный императив должен быть основным фактором для развития тех направлений, по которым движется научно-технический прогресс. Мы должны понимать, где должны быть границы его применения. А это зависит от общей культуры человека, от общей культуры общества, от понимания, что делать можно, а что нельзя, что есть хорошо, условно говоря, для развития человека как человека, для нерасчеловечивания человека, а для развития общества в позитивном плане, а что есть плохо.

Приведу небольшой пример, подтверждающий эту стержневую идею, касающуюся стержневой роли культуры в развитии. В Советском Союзе был очень известный ансамбль. Современники говорили, что «национальный „Биттлз“» Советского Союза — ансамбль «Песняры». Так вот в «Песнях» сегодня остался один певец из того времени — Леонид Борткевич. Он певец, человек культуры, поп-культуры. Он много лет жил в Америке, был женат на Ольге Корбут, известной

российской, советской гимнастике, которая много лет прожила в Соединенных Штатах. Он знает ту культуру и эту, он знает жизнь там и здесь. Он сказал одну фразу: почему-то «с развитием технического прогресса душа уходит в сторону». Даже простым, далеким от нашей дискуссии людям, не экономистам, это становится понятным.

Поэтому мне кажется — то, что Георгий Николаевич в свое время поддержал идею культуры, развития культуры как некоего ограничителя симулятивных потребностей людей и использования ИТП в неразумном направлении — это тоже очень важная идея. Она характеризует его не только как исследователя, теоретика, но и как человека, гражданина, который заботится о своей родине, о людях которые его окружают.

Я с большой теплотой всегда относился к Георгию Николаевичу лично, как к человеку, и с большим уважением — как к ученому. Наши судьбы в чем-то похожи. Я тоже был много лет предпринимателем, и я прекрасно понимаю, чего ему стоило из ученого стать предпринимателем, а потом вернуться обратно на научную стезю. Это — очень важный и сложный опыт. Честь и хвала человеку, который с честью пронес и тот опыт, и другой. И там, и здесь он достиг несомненных успехов.

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-126-137

**ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО:
ПРОТИВОРЕЧИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
(ПАМЯТИ Г.Н. ЦАГОЛОВА)**
**INTEGRAL SOCIETY:
CONTRADICTIONS
AND PERSPECTIVES (IN THE
MEMORY OF G.N. TSAGOLOV)**

**БУЗГАЛИН АЛЕКСАНДР
ВЛАДИМИРОВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, координатор
Международного Совета ВЭО России,
член Президиума Международного Союза
экономистов, директор Института
социэкономии Московского
финансово-юридического университета
МФЮА, заслуженный профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова, визит-профессор
Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского
педагогического университетов, д.э.н.,
профессор

ALEKSANDER V. BUZGALIN

Vice President of the VEO of Russia,
Coordinator of the International Council
of the VEO of Russia, Member of the Presidium
of the International Union of Economists,
Director of the Institute of Socio-Economics

of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Distinguished professor of Lomonosov Moscow State University; Visiting Professor of Cambridge, Beijing, and Hainan Normal Universities; Doctor of Economic Sciences, Professor

КОЛГАНОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г.н.с. Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор

ANDREY I. KOLGANOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Head of Laboratory of comparative social and economic analysis at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; head scientist of Institute of Economy Russian Academy of Science, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье характеризуется вклад Г.Н. Цаголова в развитие политико-экономической теории, прежде всего – теории той новой общественной системы, которая, по мнению ученого и его коллег, должна прийти на смену капитализму и «реальному социализму» – «интегрального общества». Показывается, что теоретические разработки Г.Н. Цаголова базировались на методологии университетской школы политической экономии, выделявшей в каждой системе ее исходное и основное производственные отношения. Раскрывается природа российской социально-

экономической системы как олигархически-бюрократического капитализма и выделяются работы, в которых Г.Н. Цаголов показывал прогрессивность китайской, вьетнамской и подобных им моделей экономического развития.

ABSTRACT

The article describes G.N. Tsagolov's contribution to the development of political and economic theory, first of all, the theory of that new social system which, according to the scientist and his colleagues, should replace capitalism and "real socialism" – "integrated society". It seems that G.N. Tsagolov's theoretical developments were based on the methodology of the University School of Political Economy, which distinguished its initial and basic production relations in each system. The nature of Russian social and economic system as oligarchic and bureaucratic capitalism is revealed and the works in which G.N. Tsagolov showed the progressiveness of Chinese, Vietnamese and similar models of economic development are distinguished.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Г.Н. Цаголов, политическая экономия, интегральное общество, олигархически-бюрократический капитализм, Китай.

KEYWORDS

G.N. Tsagolov, political economy, integral society, oligarchic and bureaucratic capitalism, China.

Исчерпанность существующей социально-экономической модели общественного устройства в настоящее время признается все более широким кругом исследователей. Поиск альтернатив обострился, ибо и финансово-экономические кризисы XXI века, и глобальные проблемы, с которыми эта модель не справляется, указывают на то, что лимит времени невелик.

В настоящее время в экономической науке сложился довольно устойчивый спектр основных подходов к решению этой проблемы. Представители «основного течения», продолжающие работать в рамках неоклассической теории и методологии индивидуализма, ориентируют исследователей на частные проблемы, и в большинстве своем необходимость поиска качественно новой модели социально-экономической организации игнорируют, хотя некоторые известные представители левого крыла мейнстрима все чаще указывают на ограниченность основанной на «рыночном фундаментализме» системы¹. Поиск альтернатив на левом фланге весьма разнообразен. Он начинается с умеренных предложений усиления социальной ориентации существующей рыночной системы² и, далее, разворачивается в широкий спектр работ.

Пожалуй, наиболее известным и широко распространенным является течение, ориентированное на поиск путей комплементарного соединения достижений рыночно-капиталистической и планово-социалистической модели³. Именно о ней мы и будем вести далее речь, посвятив этот короткий текст памяти одного из наиболее ярких представителей этого направления — профессору Георгию Николаевичу Цаголову.

¹ См., напр.: Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? — М.: Эксмо, 2016; Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / пер. В. Ионов, науч. ред. Н. Злобин. — М.: Альпина Паблишер, 2020.

² См., напр.: Гринберг Р.С. Социальные измерения новой экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 185. С. 15 — 23; Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. — М.: Магистр, 2012.

³ См.: Цаголов Г.Н. Революция Гэлбрейта и развитие теории конвергенции. В кн.: Гэлбрейт: возвращение / под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017; Цаголов Г.Н. Революционный хит Гэлбрейта и теория седьмой формации (к 50-летию выхода в свет «Нового индустриального общества») // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 6–28; Цаголов Г.Н. Интегральное общество: на смену капитализма и социализма // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 195. № 6. С. 951–974.

Однако прежде чем перейти к непосредственному предмету нашего анализа, отметим, что существуют и другие подходы, характеризующие основные тренды движения к будущему. Среди них выделяются продолжающие классические марксистские разработки теории будущего как коммунистического общества, переход к которому предполагает качественный, революционный скачок (этой позиции придерживаются, в частности, авторы данного текста⁴).

Иной является концепция С.Д. Бодрунова, показывающая, что технологическое развитие эволюционно приведет к рождению новой общественной организации, которая будет носить уже не экономический характер — рождению ноономики⁵.

Однако наиболее популярной на левом фланге общественной мысли в настоящее время остается, как мы уже отметили, теория конвергенции, получившая в рамках работ Г.Н. Цаголова имя «интегрального общества».

Прежде чем охарактеризовать основные слагаемые теории интегрального общества, хотелось бы остановиться на предпосылках его исследования профессором Г.Н. Цаголовым. К числу таких предпосылок следует отнести использование методологии университетской школы политической экономии, руководителем которой был отец Г.Н. Цаголова — Николай Александрович Цаголов⁶. Традиции этой школы развил и приумножил Георгий Николаевич. В рамках этой традиции был

⁴ Бузгалин А.В. Политическая экономия революции (столетию Октября посвящается) // Вопросы политической экономии. 2017. № 3. С. 10–41.

⁵ См.: Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. — М.: Культурная революция, 2019; Бодрунов С.Д. К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 52–66.

⁶ См.: Цаголов Н.А. Актуальные вопросы методологии политической экономии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 119–129; Цаголов Н.А. Народнохозяйственная планомерность — специфическая черта социализма // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 60–86; Хубиев К.А. Междисциплинарный метод в экономической теории: исторический опыт и перспективы // Вопросы политической экономии. 2020. № 2. С. 174–188.

сделан акцент на выделении в каждой исторически конкретной социально-экономической системе исходного и основного производственных отношений. Так, для рыночно-капиталистической системы ими были, соответственно, товар и капитал. Для коммунистической — планомерность и непосредственно-общественное соединение ассоциированных производителей с обобществленными средствами производства.

Неслучайно поэтому в круг главных характеристик интегрального общества Г.Н. Цаголовым был положен синтез рынка и плана (что должно будет стать, по мнению этого ученого, исходным отношением будущей экономической системы), а также частно-капиталистического и ассоциированного (имеющего форму государственной, коллективной и т.п. собственности) производства (основное отношение будущей системы). Синтез плана и рынка, частной и общественной подсистем, эгоистического и альтруистического начал в жизнедеятельности индивида и должны были стать основой наиболее жизнеспособной экономической и общественной системы ближайшего будущего⁷. Эта модель — позиция не только Г.Н. Цаголова. Он развивал теорию, которая уже не первое десятилетие имеет широкое распространение среди ученых мира (особенно высоко Г.Н. Цаголов ценил работы Джона К. Гэлбрейта⁸ и Самира Амина⁹), которую поддерживают многие видные ученые России (с рядом из них он подготовил совместную монографию по данной теме¹⁰). Одним из важнейших эмпирических обоснований этой теории стало

⁷ Цаголов Г.Н. Путь к счастливой жизни (Политэкономическое осмысление нашей эпохи). — М.: ЛЕНАНД, 2015.

⁸ Цаголов Г.Н. Революционный хит Гэлбрейта и теория седьмой формации // Вопросы политической экономики. 2017. № 2. С. 134–139.

⁹ Цаголов Г.Н. Памяти Самира Амина. Последний разговор // Вопросы политической экономики 2018. № 4. С. 629.

¹⁰ См.: Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика / под ред. Г.Н. Цаголова. — М.: ЛЕНАНД, 2016.

обращение рассматриваемого нами автора к успехам экономик Китая, Вьетнама и Индии¹¹.

Другой предпосылкой развития Цаголовым теории интегрального общества стало его исследование экономики современной России, которую он (в диалоге с профессором Меньшиковым) квалифицировал как олигархически-бюрократический капитализм, в котором экономико-политическая власть принадлежит олигархам и бюрократии и в которую активно проникают мировые ТНК. Выход из противоречий этой системы он видел в развитии плановых начал, дополняющих рынок, в усилении социальной ориентации экономического развития, творческом использовании опыта Китая и других систем, идущих, по мнению Цаголова, по пути к интегральному обществу¹².

Завершая наши короткие заметки, посвященные одному из аспектов научного наследия Г.Н. Цаголова, мы не можем не подчеркнуть как нашей солидарности в ряде важнейших теоретических аспектов, так и наши различия. Что касается первого, то мы в полной мере солидаризируемся с характеристикой российской экономической системы как особой — полупериферийной, олигархически-бюрократической — разновидности позднего капитализма, о чем мы также пишем уже много лет¹³. Мы так же, как и Г.Н. Цаголов, считаем, что начало трансформации позднего капитализма в общество будущего (коммунистическое, по нашему

¹¹ См.: Цаголов Г.Н. Какой экономический строй в Китае? (к 40-летию начала реформ) // Вопросы политической экономии. 2018. № 3. С. 79–93; Цаголов Г.Н. Тайны Малого Дракона. Куда идет Вьетнам? Чему у него учиться? — М.: Экономика, 2013; Цаголов Г.Н. Микрокредитование и социальный бизнес Мухаммада Юнуса // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 74–86.

¹² Цаголов Г.Н. Модель для России. 2-е изд. — М.: Международные отношения, 2010; Цаголов Г.Н. «Русский алюминий» становится американским // Вопросы политической экономии 2019. № 1. С. 154–162.

¹³ См., напр.: Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы / Под ред. А.В. Бузгалина. — М.: Экономическая демократия, 1995.

мнению, общество) не может не начаться с определенной комбинации старых (капиталистических) и новых (коммунистических) отношений. Более того, начало этого процесса лежит еще в недрах капитализма, который на определенной стадии («поздний капитализм») не может не включать в свою структуру ростки посткапиталистических отношений. И далее, после революционного качественного скачка, новое общество не может не включать на протяжении долгого исторического периода рынок и капитал. Но в отличие от Г.Н. Цаголова и его коллег, мы доказываем, что становление и упрочение нового общества будет процессом неравномерного, не прямого, с зигзагами и отступлениями, но отмирания рыночно-капиталистических начал и укрепления новых — коммунистических — отношений. Не особый — рыночно-плановый, частно-общественный — способ производства как стабильная система, а противоречивый, но неуклонный переход от рыночно-капиталистической к организованной на планомерных, ассоциированных началах общественной системе — вот каким нам видится будущее.

Таковы наши дискуссии. Но это дискуссии коллег. Мы их вели и будем вести с профессором Георгием Николаевичем Цаголовым, и в этих дискуссиях он будет продолжать жить и помогать искать истину еще не одному поколению ученых...

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. — М.: Культурная революция, 2019.
2. Бодрунов С.Д. К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономики. 2020. № 3. С. 52–66.

3. Бузгалин А.В. Политическая экономия революции (столетию Октября посвящается) // Вопросы политической экономии. 2017. № 3. С. 10–41.
4. Гринберг Р.С. Социальные измерения новой экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 185. С. 15–23.
5. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. — М.: Магистр, 2012.
6. Цаголов Г.Н. Революция Гэлбрейта и развитие теории конвергенции. В кн.: Гэлбрейт: возвращение / под ред. С.Д. Бодрунова. — М.: Культурная революция, 2017.
7. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика / под ред. Г.Н. Цагорова. — М.: ЛЕНАНД, 2016.
8. Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы / под ред. А.В. Бузгалина. — М.: Экономическая демократия, 1995.
9. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? — М.: Эксмо, 2016.
10. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / Пер. В. Ионов, науч. ред. Н. Злобин. М.: — Альпина Пабlishер, 2020.
11. Хубиев К.А. Междисциплинарный метод в экономической теории: исторический опыт и перспективы // Вопросы политической экономии. 2020. № 2. С. 174–188.
12. Цаголов Г.Н. Модель для России. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2010.
13. Цаголов Г.Н. Тайны Малого Дракона. Куда идет Вьетнам? Чему у него учиться? — М.: Экономика, 2013.
14. Цаголов Г.Н. Интегральное общество: на смену капитализма и социализма // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 195. № 6. С. 951–974.

15. Цаголов Г.Н. Путь к счастливой жизни (Политэкономическое осмысление нашей эпохи). — М.: ЛЕНАНД, 2015.
16. Цаголов Г.Н. Микрокредитование и социальный бизнес Мухаммада Юнуса // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 74–86.
17. Цаголов Г.Н. Революционный хит Гэлбрейта и теория седьмой формации (к 50-летию выхода в свет «Нового индустриального общества») // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 6–28.
18. Цаголов Г.Н. Какой экономический строй в Китае? (к 40-летию начала реформ) // Вопросы политической экономии. 2018. № 3. С. 79–93.
19. Цаголов Г.Н. Памяти Самира Амина. Последний разговор // Вопросы политической экономии 2018. № 4. С. 6–29.
20. Цаголов Г.Н. «Русский алюминий» становится американским // Вопросы политической экономии 2019. № 1. С. 154–162.
21. Цаголов Н.А. Актуальные вопросы методологии политической экономии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 119–129.
22. Цаголов Н.А. Народнохозяйственная планомерность — специфическая черта социализма // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 60–86.

References

1. Bodrunov S.D. Obshhaja teorija noonomiki. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2019.
2. Bodrunov S.D. K voprosu o sravnitel'nom analize teorij noonomiki i socializma // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2020. № 3. S. 52-66.
3. Buzgalin A.V. Politicheskaja jekonomija revoljucii (stoletiju Oktjabrja posvjashaetsja) // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2017. № 3. S. 10-41.

4. Grinberg R.S. Socialnye izmerenija novej jekonomiki // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2014. T. 185. S. 15-23.
5. Grinberg R.S. Svoboda i spravedlivost. rossijskie soblazny lozhnogo vybora. M.: Magistr, 2012.
6. Cagolov G.N. Revoljucija Gjelbrejta i razvitie teorii konvergencii. V kn.: Gjelbrejt: vozvrashhenie / Pod red. S.D. Bodrunova. M.: Kulturnaja revoljucija, 2017.
7. Novoe integralnoe obshhestvo. Obshheteoreticheskie aspekty i mirovaja praktika / Pod red. G.N. Cagolova. M.: LENAND, 2016.
8. Perehodnaja jekonomika: zakonomernosti, modeli, perspektivy / Pod red. A.V. Buzgalina. M.: Jekonomicheskaja demokratija, 1995.
9. Stiglic Dzh. Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshhestve, ili chto delat' ostavshimsja 99 % naselenija? M.: Jeksmo, 2016.
10. Stiglic Dzh. Ljudi, vlast' i pribyl'. Progressivnyj kapitalizm v jepohu massovogo nedovol'stva / Per. V. Ionov, nauch. red. N. Zlobin. M.: Al'pina Pabliher, 2020.
11. Hubiev K.A. Mezhdisciplinarnyj metod v jekonomicheskoy teorii: istoricheskij opyt i perspektivy // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2020. № 2. S. 174-188.
12. Cagolov G.N. Model' dlja Rossii. 2-e izd. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2010.
13. Cagolov G.N. Tajny Malogo Drakona. Kuda idet V'etnam? Chemu u nego uchit'sja? M.: Jekonomika, 2013.
14. Cagolov G.N. Integralnoe obshhestvo: na smenu kapitalizma i socializma // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2015. T. 195. № 6. S. 951-974.
15. Cagolov G.N. Put' k schastlivoj zhizni (Politjekonomicheskoe osmyslenie nashej jepohi). M.: LENAND, 2015.
16. Cagolov G.N. Mikrokreditovanie i socialnyj biznes Muhammada Junusa // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2016. № 4. S. 74-86.

17. Cagolov G.N. Revoljucionnyj hit Gjelbrejta i teorija sed'moj formacii (k 50-letiju vyhoda v svet «Novogo industrial'nogo obshhestva») // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2017. № 2. S. 6-28.
18. Cagolov G.N. Kakoj jekonomicheskij stroj v Kitae?(k 40-letiju nachala reform) // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2018. № 3. S. 79-93.
19. Cagolov G.N. Pamjati Samira Amina. Poslednij razgovor // Voprosy politicheskoy jekonomii 2018. № 4. S. 6-29.
20. Cagolov G.N. «Russkij aljuminij» stanovitsja amerikanskim // Voprosy politicheskoy jekonomii 2019. № 1. S. 154–162.
21. Cagolov N.A. Aktual'nye voprosy metodologii politicheskoy jekonomii // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2017. № 1. S. 119-129.
22. Cagolov N.A. Narodnohozjajstvennaja planomernost' — specificheskaja cherta socializma // Voprosy politicheskoy jekonomii. 2017. № 2. S. 60-86.

Контактная информация / Contact information

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
экономический факультет, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы,
д. 1, стр. 46, 3-й учебный корпус

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, GSP-1, 1-46
Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

Бузгалин Александр Владимирович / Aleksander V. Buzgalin
conf.buzgalin@mail.ru

Колганов Андрей Иванович / Andrey I. Kolganov
onaglo@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-138-142

ТЕОРИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ: КОММЕНТАРИЙ ДЖЕЙМСА К. ГЭЛБРЕЙТА CONVERGENCE THEORY AND CONTEMPORARY TRENDS: A COMMENT BY JAMES K. GALBRAITH

ГЭЛБРЕЙТ ДЖЕЙМС КЕННЕТ

PhD, член Президиума Международного Союза экономистов, член Международного комитета ВЭО России, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

JAMES KENNETH GALBRAITH

PhD, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas at Austin (USA)

АННОТАЦИЯ

Ни в США, ни в Советском Союзе теория конвергенции не смогла развиться так, как это предполагали ее авторы. Тем не менее ключевые принципы теории, связанные с проблемами экономического развития,

до сих пор имеют значение для стран, которые сегодня усиливают свое международное присутствие в качестве активно развивающихся экономик. Речь идет о таких государствах, как Германия, Япония, Корея и Китайская Народная Республика.

ABSTRACT

Convergence theory did not develop as its authors expected in either the United States or the Soviet Union, but the core principles nevertheless guided the economic development of the countries now emerging as the industrial powerhouses of the world economy, notably Germany, Japan, Korea and the People's Republic of China.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конвергенция, экономика Гэлбрейта.

KEYWORDS

Convergence, Galbraithian economics.

The theory of convergence so far as I understand it held that the effective management of an industrial state in an era of advanced and advancing technologies required and would foster essentially similar organizations and social formations under both capitalism and socialism, through trade unions and the welfare state in the West and gradual decentralization and democratization in the East.

As a matter of naive prediction, the theory has not done well. But naive predictive power is not, contrary to Milton Friedman, the sole or even the best criterion for judging a theory. If it were, no one would read Marx. The right question is rather, does the theory have analytical power? And if so, how can that power illuminate our present world?

The unpredicted dissolution of the USSR set the stage for a gigantic indirect test of convergence theory, insofar as it posed the

question, can an industrial economy be organized and run on radical free-market principles and without an effective regulatory state? And the answer came back clearly: no, it cannot.

Meanwhile in the United States a somewhat more subtle but no less interesting test unfolded. Here the question was: what happens to an industrial state when the countervailing power of unions is crushed, when the welfare state is cut back and when finance becomes dominant? And the answer is that the essential economic and social unity of the country fractures, giving rise to such bizarre historical phenomena as Donald Trump.

The authors of convergence theory assumed, perhaps with a certain unself-conscious presumption, that its favorable and positive manifestations would play out in the then-existing arena of great power competition, and that the US and the USSR would jointly experience the co-evolution and co-development of the Galbraithian systems of industrial corporations constrained by countervailing power. Neither superpower obliged them. But the story does not end there.

If we look at the world today, we find at least four countries whose industrial systems still largely conform to the convergence or Galbraithian model, and that in each case bear the direct imprint of his influence. They are:

- Germany, the industrial export powerhouse of Europe, the model still, despite neoliberal reforms in some areas and an *ordo-liberal* ideology, of industrial co-determination and stable, long-term relationships between industry, labor, finance and the state. It was my father who in 1946 drafted the “Speech of Hope” that started western Germany on this course, of self-governing social democracy.

- Japan, where my father influenced the framing of the military administration and the postwar economy, where he had an enor-

mous readership cognizant of his relevance, and where his close friend, Shigeto Tsuru, was for decades a leading economic thinker.

- Korea, where I learned recently of his influence on the pro-democracy reformers of the 1970s and 1980s, and
- most interestingly because coming from the other side of the ideological divide, China, where the work of a young German scholar, Isabella Weber, has documented the close study of his practice in wartime price administration by planners in the post-Mao era, and where, when I arrived to serve as Chief Technical Adviser for Macroeconomic Reform in the early 1990s, I found the planning officials in full and familiar possession of unauthorized, internal translations of his works.

The conclusion is that even though convergence theory did not bring the US and USSR into stable and successful alignment, the principles of the theory were rooted in a sound analysis of the underlying technical conditions and social requirements. And those who took advantage of that insight or developed it from their own resources and experiences — who took a middle path between unregulated capitalism and rigid central planning and resisted both financial hegemony and ideological capture — those countries have reaped the harvest of industrial and technological leadership worldwide, while at the same time having developed the capacity and resilience that the challenge of the Covid-19 pandemic requires.

NOTE: A BRIEF REPLY TO PROFESSOR DESAI:

The editors have graciously offered me a few paragraphs to reply to a couple of points of Professor Desai's critique, and I believe some small clarifications may resolve them.

The first is that my father's term "the technostructure" does not describe or depend on the particular organizational form of the

industrial corporation of that era. It is rather a social class, similarly to the concept of “the new class” in the work of Milovan Djilas, and consisting in this case of the middle managers, designers, marketing men and engineers to whom the industrial corporation gave rise. Thus the decline of the corporation did not dissolve the technostructure. Rather, a portion of that class, specifically digital designers and engineers, allied themselves with external finance and with the Department of Defense, and extracted the capital value previously controlled within the industrial firm. There is thus no refutation of my father's argument in mine.

Professor Desai's second concern was whether the resolution of the savings and loan and corporate scandals of the Enron type in prosecutions and imprisonments contradicts my claim that the scandals themselves resulted from a prior breakdown in the rule of law. It does not. Those familiar with the intimate details know that the groundwork for looting was preceded by a careful and successful subversion of regulatory authority by the looters themselves, including the cultivation of accomplices at the highest levels of American politics. That they did not succeed entirely in the 1980s and 1990s was due to the presence of a few principled and brave public servants. By the 2000s these had been rooted out, and the massively criminal behavior of the financial sector that produced the 2007-2009 crisis went entirely unpunished.

I thank Professor Desai for raising these points, and apologize for any lack of precision in my original text.

Contact information

Lyndon B. Johnson School of Public Affairs, University of Texas at Austin
Austin, TX 78712, USA

James Kenneth Galbraith

+1 512-471-3434, galbraith@mail.utexas.edu

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-143-157

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КОНВЕРГЕНЦИЯ: ПОИСК ПРЕДПОСЫЛОК В ТЕОРИИ МАРКСА

THE NEW INDUSTRIAL STATE AND CONVERGENCE: ANTECEDENTS IN MARX

ДЕСАИ РАДИКА

Профессор, директор Центра
геополитэкономических исследований
Университета Манитобы

RADHIKA DESAI

Professor, Director at the Geopolitical Economy
Research Group, University of Manitoba

АННОТАЦИЯ

Идея конвергенции была поставлена под вопрос в связи с распадом СССР, а затем повторно – в контексте расхождений между экономическим развитием США и коммунистического Китая в разгар пандемии. В этой работе я рассматриваю, как Джемс Гэлбрейт и Георгий Цаголов подходили к данному вопросу через призму различных аргументов.

Затем я показываю, что при рассмотрении более глубоких исторических следов идей конвергенции и нового индустриального государства у Маркса и Энгельса мы можем более глубоко и основательно увидеть их обоснованность.

ABSTRACT

The idea of convergence took a blow with the demise of the USSR and another with widely diverging economic performance of the US and communist China amid the pandemic. In this short contribution, I explore how James Galbraith and George Tsagolov handle this problem with very different arguments. I then show that, if we were to trace the longer lineage of the ideas of convergence and the new industrial state to Marx and Engels, we can vindicate them more fully and thoroughly than either attempt.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Георгий Цаголов, Джон Кеннет Гэлбрейт, новое индустриальное государство, конвергенция, геополитическая экономика, Маркс, Энгельс, Гильфердинг.

KEYWORDS

George Tsagolov, John Kenneth Galbraith, New Industrial State, Convergence, Geopolitical Economy, Marx, Engels, Hilferding.

When John Kenneth Galbraith's *The New Industrial State* was published in 1967, its suggestion that, notwithstanding the Cold War and the opposition of capitalism and communism in the popular mind, the US and Soviet economies had similar industrial and planning systems and were convergent, clearly made waves. Amid the Brezhnev economic reforms aiming to revitalise the Soviet Economy, the idea that the apparently superior capitalist system might have much in common with the ailing Soviet system must have been intellectually very stimulating.

It was not, however, an idea that arrived in the Soviet Union entirely *de novo*. As Galbraith recorded, he met and conversed intensely with Professor Stanislav Menshikov, an expert on both the Soviet and the US economy, upon meeting him in 1964 and it was Menshikov who arranged for Galbraith's *New Industrial State* to be translated into Russian [1, 1–2]. Moreover, as Professor Tsagolov noted [2, 82–3], the origins of the idea of convergence lay in an earlier connection between Soviet and US intellectual worlds, Pitirim Sorokin, the anti-communist Russian intellectual who was deported on the philosophers' ship in 1922 and went on to become a renowned US sociologist. He wrote of the convergence of the apparently opposed US and Soviet systems and looked forward to their convergence in a mixed society combining both elements.

History appeared to overtake the matter of convergence after the Berlin Wall fell and the Soviet disintegrated into its component national units (so much for the idea that the Soviet Union suppressed nationalities!). At the time, it appeared as though capitalism has triumphed. So great was the feeling of triumph that it emboldened Western philosophers to soar towards Hegelian philosophical heights — previously avoided by an insecure west fear in case Hegel's dialectics induced political vertigo — and proclaim that history had finally arrived at its terminus. The end of history lay in the combination of liberal democracy and capitalism that the West had already arrived at. While the rest of the world would need some time to catch up to it, history neither would nor could unfold further.

What a difference thirty years make! Amid the pandemic, the debility of neoliberal capitalism is on grotesque display. The unaccountable power of corporations, the historically unprecedented levels of inequality, the structural and virulent racism

and sexism, the bankruptcy of neoliberal political classes and states, all these are thrown into relief. The contrast between them and the singular competence of China's Communist party-state could not be greater. Where do these developments leave convergence?

In this short contribution, I explore how James Galbraith and George Tsagolov handle this problem with very different arguments. I then show that, if we were to trace the longer lineage of the ideas of convergence and the new industrial state to Marx and Engels, we can vindicate them more fully and thoroughly than either attempt.

JAMES GALBRAITH'S RESOLUTION

J.K. Galbraith's son and in some ways his intellectual executor, James Galbraith, seeks to salvage the idea of the new industrial state, on which ideas of convergence rested, by focusing not on the fall of the Berlin wall and the disintegration of the USSR. Instead, he tackles the charge against Galbraith's *The New Industrial State* that

...it did not anticipate the thrashing that American business received over the decades since 1970. This thrashing came in four phases. First, there was the Japanese challenge, especially in autos and steel. Then came the industrial collapse of the 1980s. In the 1990s, there was the technology bubble, which (it is said) reasserted the controlling role of the owner capitalist, personified by Bill Gates or Steve Jobs. Finally, there came the corporate scandals, involving Enron, Tyco, and WorldCom, among other corporate giants.

In re-focussing on the failures of US business, he reaches deeper than the West's 'victory' in the Cold War to realities which show that victory up to have been a pyrrhic one. The fact was that the Soviet Union did not lose to the West, not

did it collapse from western economic, political or military pressure. As David Kotz [3] showed, the demise of the Soviet Union was the result of a 'revolution from above' conducted by a leadership no longer confident of or identified with, Communism's purpose. The decades that followed were witness to a growing economic debility of the West and its leading power, the US.

Thus James Galbraith's defence of the theses of the new industrial states points out that 'The Japanese challenge of the late 1970s did not prove that competitive markets rule' only that the Japanese planning system proved superior to the US's and the Reagan government, notwithstanding its free market rhetoric, engineered a politically managed defeat[4, 14–15]. So far so good. However, this is where the problems begin.

The industrial crisis of the 1980s, explains James Galbraith, is also easily explicable in terms that his father would have recognised. After all, he witnessed it and considered it 'Quixotic': an attempt to run the new industrial state on free market principles that it had antiquated. The results were financialization and deindustrialization. They weakened the US industrial corporation.

The parts of the technostucture associated especially with electronic computing broke away from the big industrial firm. Unlike, say, wind tunnels, microprocessors and software have applications across many fields. Their potential was greater if production was not tied to any particular platform, such as IBM's mainframe computer division. And their profitability would be much higher if they could be freed of the debts, pensions, and the like built up by the large corporations in the days when unions were strong and capital was cheap.

Here, James Galbraith is arguing that the ‘thrashing’ was associated with a change in the technostructure. However, given how central the technostructure is to the modern industrial firm, given that it is dictated by technology and therefore common to firms in environments as different as the US and the Soviet Union[5], proposing that it changed is surely tantamount to saying that J.K. Galbraith’s arguments about the new industrial state were no longer relevant.

According to James Galbraith, moreover, the change in the technostructure continues to unfold further. During the technology bubble of the 1990s, this new technostructure evinced ‘a different shape and a different balance of power, with a renewed role for the investment banker and the financial raider, and therefore less stability than had been true in the 1960s.’ It engineered a ‘bi-coastal prosperity, dominated by its financial and engineering elites, while the vast industrial regions decayed and were opened to forms of corporate predation not unfamiliar in the post-Soviet space’[4, 16].

In James Galbraith treatment of the last ‘thrashing’, we find, moreover, a new problem. He appears to contradict himself when he says that the last phase of the ‘thrashing’ of US business, the corporate scandals of the Enron variety, were rooted in ‘the subversion of social and legal norms’ and that such subversion scaled new heights after 2008:

More than one thousand felony convictions followed the S&L fiasco; after Enron, the top executives were eventually indicted and convicted. Alas, following an even larger wave of financial frauds in the run-up to the Great Financial Crisis of 2007–2009, the government took a more lenient view. They tried and convicted no one, and — as a result — confidence in the financial system was never restored.

One would normally expect any deviation to be explained as either a change or a subversion. If the argument is that it is a combination of the two, one needs to know exactly how the subversion is related to the change.

Having made these points about James Galbraith's attempt to defend the basis of convergence theory in the theory of the new industrial state, we must now turn to George Tsagolov's very different attempt before proposing our alternative, which also reconciles the two to a considerable extent.

GEORGE TSAGOLOV'S RESOLUTION

According to Tsagolov, developments since the end of the Soviet Union have either resolved the 'resolved the historical dispute between capitalism and socialism', nor rendered a final verdict on convergence particularly given that

China pursuing its socialist development with a 1.5 billion population became the main driver of the economic development, while Russia, which rushed under the opposite capitalist banners, faced so many challenges and disappointments that we now wish we had not been so rash in our curvets and metamorphoses and are considering finding another way. [2, 84].

The disasters of 'Shock Therapy' and the continuing difficulties of capitalist Russia show that there is 'not only the possibility but also imperative to have a new system, which would combine previous systems and minimize their vices' [2, 85]. China is, for Tsagolov, Exhibit A:

China enjoys a profitable symbiosis of the planning and market systems, socialism and capitalism. It has a convergent, or integral state in place, which provides it with synergies. Deng Xiaoping and his followers did not destroy the planning economy but applied democratic transformations and added market regulators. In the result

the country has not had a single recession for 39 years and has the highest growth rates. With the GDP calculated based on the purchasing power parity, the Celestial Empire outdid the United States and was first in the rating as early as in 2014. The expectancy of life exceeded 75 years. [2, 86].

However, Tsagolov also adduces Vietnam's Chinese-style flexible planning, India's planned development and post-Soviet republics such as Belarus and Kazakhstan in evidence and looks forward to such 'integration of socialist and capitalist strengths' in 'a transition to a new integral state' [2, 86].

MARX AND ENGELS'S ANTICIPATIONS

In a sense, it would have been surprising, given that the theories of the new industrial state and convergence rely on trends in industrial structure, if they had not been anticipated to some extent at least, by Marx and Engels. Certainly, Sergey Bodrunov notes how the widening of the gap between owner and manager was anticipated not only by Thorstein Veblen, Adolf Berle, Gardiner Means and Stuart Chase in the early twentieth century but also by Marx in his ideas about 'the division of joint stock capital into equity capital and functioning capital'[6, 25–26]. This deserves further exploration.

In chapter 27 of *Capital* Vol. III, Marx had seen in the emergence of joint stock companies as a huge advance in the socialization of the economy, and of capital as its principal agent. Formerly individual private capital

now receives the form of social capital (capital of directly associated individuals) in contrast to private capital, and its enterprises appear as social enterprises as opposed to private ones. This is the abolition of capital and private property within the confines of the capitalist mode of production itself [7, 567]

Now the old style individual capitalist is replaced. On the one hand, there is the manager paid for a particular kind of skilled labour. On the other, there is the 'mere money capitalist' whose profit 'is still drawn only in the form of interest, i.e. as a mere reward for capital ownership which is now completely separated from its function in the actual production process'[7, 567–8].

The result is a historical, rather than merely conceptual, clarification of the essential functions of production from the inessential, incidental ones that were laden onto production by capitalism. In this historical process of clarification, it become clearer than it ever was before that profit is

...simply the appropriation of other people's surplus labour, arising from the transformation of means of production into capital; i.e. from their estrangement vis-à-vis the actual producer; from their opposition, as the property of another, vis-à-vis all individuals really active in production from the manager down to the lowest day-labourer. [7, 568]

This historical clarification has another effect. It transforms such 'capitalist production in its highest development' into a

...necessary point of transition towards the transformation of capital back into the property of the producers, though no longer as the private property of individual producers but rather as their property as associated producers, as directly social property. It is furthermore a point of transition towards the transformation of all functions formerly bound up with capital ownership in the reproduction process into simple functions of the associated producers, into social functions.[7, 568]

The highest form of capitalist production, by carrying the socialisation of labour to its highest level, brings production the point where production can lose its capitalist form and becomes production of common, highly and intricately socialised labour.

Engels's observed here that tendencies toward cartelization and toward concentrating 'the entire production of the branch of industry in question into one big joint-stock company with a unified management' prepared 'in the most pleasing fashion its future expropriation by society as a whole, by the nation'[7, 569]. Finally, Hilferding famously proposed that 'taking possession of six large Berlin banks would ... greatly facilitate the initial phases of socialist policy during the transition period'.

Hilferding developed Marx and Engels's historical distinction between small firms in competitive capitalism and large monopoly forms in which capital became concentrated with the onset of the Second Industrial Revolution in his *Finance Capital* [8]. As is well-known, he associated the more mature form of capitalism with 'finance capital', a form of capitalism with new, more advanced finance-industry relations capable of providing the vast sums that the initial investment of capital now needed and capable of waiting through the long gestation periods before such investment bore return. What is less well known, as I have argued [9], is that in doing so, he did two other things. He developed Marx's distinction between the archaic financial system capitalism inherited from the past, which was based on short-term predatory lending and the more mature form of finance which capitalism's development would force into being and which suited the specific needs of capitalism as a mode of production. This mature form, which Hilferding called 'finance capital', was associated with the most advanced forms of concentrated monopoly capital. Secondly, Hilferding also transformed these originally historical distinctions between competitive and monopoly capital and between archaic financial capital and finance capital into a historico-geographical distinction. It was between the old English competitive

free trade capital with its archaic financial sector that made the First Industrial Revolution and the new continental, principally German (though he also put the US in this category) mature capitalisms of the Second Industrial Revolution. That this distinction was an instance of the theory of uneven and combined development that is usually attributed to Trotsky demonstrated that it was also shared more widely among Marxists of that generation [and, as I have shown, is also apparent in the works of Marx and Engels, 10, 11].

These capitalisms were also imperial and their imperial competition led to the First World War and the Thirty Years' Crisis of 1914 to 1945 that it inaugurated. Bookended by the Russian and Chinese Revolutions, it transformed the world and vastly accelerated the transition to what are variously termed 'finance', 'monopoly', 'Crustacean' [12, 13] and 'organised' capitalisms, or what Galbraith would theorise as the new industrial state. Where Marx, Engels and Hilferding saw stepping-stones to socialism, Galbraith saw convergence. Both Karl Polanyi [12, 14] hoped and Hayek feared [15] that this would come to pass and they were at least partially vindicated the end of the Thirty Years' Crisis witnessed the formation of welfare capitalisms, socialisms and developmental states in the First, Second and Third Worlds respectively.

WHATEVER HAPPENED TO CONVERGENCE?

The reason why neither the transition to socialism nor convergence took place in the homelands of capitalism lies in the resurrection of a version of the old archaic British model of finance, which had last seen its heyday before 1914 in late twentieth century US. It occurred when that country embarked on a second, far more volatile and dangerous, attempt to install the

dollar as the world's money after its first attempt had failed in 1971. It is a twist of history I first traced in my in *Geopolitical Economy* [10] and have elaborated since [13, 16].

In short, since the early twentieth century, US political and business elites had nursed the ambition to take over the task of being 'the managing segment of the world economy' [17]. The idea was to provide its capital and commodities the same access to an open world economy that Britain had enjoyed in the nineteenth centuries, particularly as the hub of the international gold-sterling system. Knowing they could never match the British Empire in the prevailing circumstances, they settled for the ambition of making the dollar the world's money.

Even this watered down ambition hit snags, however. After all, the British Empire was the foundation of Britain's ability to operate the gold-sterling standard [18, 19]. Worse, instead of the imperial world in which dominant powers could force open colonies and semi-colonies, if to other powers, to their capital and commodities, the US faced world of 'organised capitalisms', not to mention socialisms and developmentalisms. No wonder the dollar's world role careened from crisis to crisis until 1971. Only then did the US organise a capitalist counteroffensive that has re-created in the US British-style archaic finance: unconnected with production, preying on all productive sector incomes in the US as the core of the effort to give the dollar, now bereft of the gold link, a basis in international financial activity. The results were the financialization(s) and deindustrialization noted by James Galbraith. They have gone furthest in the US and the UK, the new and the old homes of archaic financial capital.

While it is not possible to provide more than the above outline, we can now return to James Galbraith and George Tsagolov's attempt reconcile the idea of the new industrial state and convergence with

late twentieth and early twenty-first century realities. In the case of Galbraith, we may see that rather than taking refuge in changes in the technostructure, it is better to understand the evolution of US capitalism over the past four decades as an instance of a political attempt to turn the historical clock backwards, something that can only be done at great cost, as the US has understood. The cost has been as much to US economic performance, as so starkly revealed amid the pandemic, as to its legal structures.

While Tsagolov's vision of the still remaining possibilities for convergence particularly in relation to China's success, as well as those of other economies that retain elements of planning remains valid provided one understands that neoliberalism and financialization did not affect all economies equally but were strongest in their Anglo-American homelands. Beyond them, the pressures towards convergence continue to operate, not least by demonstrating the productive superiority of planned economies.

References

1. Galbraith, John Kenneth and Stanislav Menshikov. 1988. *Capitalism, Communism and Coexistence*. London: Hamish Hamilton.
2. Tsagolov, George. 2017. 'Galbraith's Revolution and Convergence Theory Development'. Sergey Bodrunov (ed). *Galbraith Restored*. St. Petersburg: S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, 2017.
3. Kotz, David M. 1997. *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System*. London: Routledge.
4. Galbraith James. 2017. 'The New Industrial State: Relevance for the Twenty-first Century'. Sergey Bodrunov (ed). *Galbraith Restored*. St. Petersburg: S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, 2017.
5. Galbraith, John Kenneth. 2007. *The New Industrial State, with a new Foreword by James Galbraith*. Princeton: Princeton University Press.

6. Bodrunov, Sergey. 2017. *The New Industrial Society of the Second Generation: Rethinking Galbraith*. Sergey Bodrunov (ed). Galbraith Restored. St. Petersburg: S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, 2017.
7. Marx, Karl. 1894/1981. *Capital* (Vol. III). London: Penguin.
8. Hilferding, Rudolf. 1910/1981. *Finance Capital: A Study of the Latest Phase of Capitalist Development*. Edited with an Introduction by Tom Bottomore, Tr. Morris Watnick and Sam Gordon, London: Routledge.
9. Desai, Radhika. 2021. 'Finance Capital and Contemporary Financialization'. Judith Dellheim and Frieder Otto Wolf (eds). Hilferding. London: Macmillan Palgrave.
10. Desai, Radhika. 2013. *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto. Future of World Capitalism Series, translated into Russian as Десаи, Радика. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: [монография] / Р. Десаи; науч. ред. российского издания С.Д. Бодрунов; пер. с англ. — М. : ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог, 2020. — 328 с. — (серия «Современная экономическая мысль»). ISBN 978-5-00020-067-4
11. Desai, Radhika. 2015. E2015. *Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity*, Valdai Club Paper #24, 22 July 2015. http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai_paper_24_geopolitical_economy_the_discipline_of_multipolarity/, Translated into Russian as Геополитическая экономия - предмет для изучения многополярного мира, a translation into Russian of *Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity*, Valdai Club Paper #24, 22 July 2015. <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-24/>
12. Polanyi, Karl. 1944/1957. *The Great Transformation: the political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press.

13. Desai, Radhika. 2020. The Future of Capitalism hangs in the balance of International Power. Canadian Dimension, 15 October. <https://canadiandimension.com/articles/author/radhika-desai>
14. Polanyi, Karl. 1945. 'Universal Capitalism or Regional Planning?', The London Quarterly of World Affairs, January, pp. 86-91.
15. Hayek, Friedrich August von. 1944. The Road to Serfdom. London: George Routledge and Sons.
16. Desai, Radhika. 2021. 'Finance Capital and Contemporary Financialization'. Judith Dellheim and Frieder Otto Wolf (eds). Hilferding. London: Macmillan Palgrave.
17. Parrini, Carl P. 1969. Heir to Empire: United States Economic Diplomacy, 1916-1923. Pittsburgh: University of Pittsburg Press.
18. De Cecco, Marcello. 1984. The International Gold Standard: Money and Empire. 2nd ed. London: Pinter.
19. Desai, Radhika. 2018. 'John Maynard Pangloss: Indian Currency and Finance in Imperial Context' in Sheila Dow, Jesper Jespersen & Geoff Tily (eds), The General Theory and Keynes for the 21st Century, Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd, 2018, pages 116-131.

Contact information

Geopolitical Economy Research Group, University of Manitoba

66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada

Radhika Desai

+1 800-432-1960 / radhika.desai@umanitoba.ca

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-158-168

**ТЕОРИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ:
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ
(НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
Г.Н. ЦАГОЛОВА)**
**CONVERGENCE THEORY:
A NEW READING
(SCIENTIFIC HERI
TAGE OF G.N. TSAGOLOV)**

МАНЮШИС АЛЬГИРДАС ЮЗОВИЧ

Ректор Московского международного университета, член Правления ВЭО России, заслуженный работник Высшей школы РФ, член Союза ректоров Москвы и Московской области, академик, член Президиума Международной академии менеджмента, д.э.н., профессор

ALGIRDAS J. MANIUSHIS

Rector of the Moscow International University, Honored Fellow of the Higher School of Russian Federation, member of the Managing Board of the Free Economic Society of Russia, academician, member of the Presidium of the International Academy of Management, Member of the Moscow Rector's Council, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

На основе воспоминаний о выдающемся ученом, д.э.н., профессоре Г.Н. Цаголове и его научном наследии в статье рассматриваются вопросы теории конвергенции и проблемы ее реализации на современном этапе развития общества.

ABSTRACT

Based on the memoirs of the outstanding scientist, Doctor of Economics, Professor G.N. Tsagolov and his scientific heritage, the article examines the issues of the theory of convergence and the problems of its implementation at the present stage of development of society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Теория конвергенции, интегральное общество, ноономика, альтернативная цивилизация.

KEY WORDS

Convergence theory, integral society, noonomics, alternative civilization.

Во-первых, я хочу еще раз подчеркнуть, что наш сегодняшний саммит — Международный Мемориум, посвященный 80-летию Г.Н. Цаголова (1940–2019) «Теория конвергенции и современные тенденции развития цивилизации» — исключительно важное и своевременное мероприятие. Форма мемориума — это действительно необходимая часть нашей общей работы, потому что для ученого обсуждение его идей, его трудов — это продолжение существования в профессиональном сообществе и шире — в глобальном интеллектуальном пространстве. Поэтому спасибо Вольному экономическому обществу за память и организацию такого форума.

Мне повезло более 15 лет работать и тесно общаться с Георгием Николаевичем в нашем Московском международ-

ном университете. А значительно раньше, еще будучи совсем молодым аспирантом кафедры менеджмента Экономического факультета московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, мне посчастливилось слушать лекции и яркие выступления его отца, Николая Александровича Цаголова — признанного патриарха нашей политэкономии.

Надо сказать, что Георгий Николаевич унаследовал и характер, и стиль Николая Александровича — яркий, напористый, эмоциональный, запоминающийся. И в то же время все его выступления, публикации, живое общение всегда отличались высочайшим профессионализмом, культурой речи, уважительным отношением к аудитории, собеседнику, оппоненту.

Георгий Николаевич был очень разносторонним человеком. Его нельзя оценивать в каком-то одном качестве. Для меня это и ученый, и педагог, и успешный предприниматель, и, конечно, очень яркая личность. И во всех этих своих ипостасях Георгий Николаевич достиг больших успехов. Его научные труды многочисленны (часть из них мы видим на выставке в каминном зале Вольного экономического общества России) и охватывают широкий спектр проблем: от теоретических и практических аспектов перехода к новому **интегральному обществу** до таких, казалось бы, не характерных для традиционного экономиста вопросов, как теория счастья. И то, что сегодня мы обсуждаем эти труды в контексте **теории конвергенции** — это только часть богатого научного наследия Георгия Николаевича и идей, которые он развивал, в том числе в плане оценки его вклада в экономическую теорию.

Мне как управленцу очень близки его идеи об **организации общества**: современного общества и общества будущего. Для меня очевидно, что связность, системность мирового, глобального общества по мере его развития

и усложнения возрастает. И хотя на политическом уровне мы сегодня иногда видим обратные тенденции, то есть тенденции к обособлению, самоизоляции стран, крупных городов и регионов в административных границах — все это, на мой взгляд, достаточно преходяще, так сказать, «мелкая рябь» на стратегическом треке долгосрочного развития. Иногда это происходит на основе условно локальных факторов: этнокультурной, религиозной или иной общности, которая возводится в абсолют, особенно в условиях конфликтов (в том числе военных) на националистической конфессиональной или иной почве. Сегодня серьезным фактором обособления становится пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 и меры, принимаемые странами по противодействию его распространению. Это, действительно, привело к закрытию границ, разрыву кооперационных связей, цепочек формирования стоимости, резкому снижению мобильности людей, межстрановых коммуникаций. И все-таки, несмотря на охват большинства стран и регионов, факторы самоизоляции следует признать временными. В целом системность, связность, взаимозависимость и взаимообусловленность современного общества возрастает. А это для движения в нужном направлении требует системных же целенаправленных управленческих воздействий, включая четкое определение целей развития (куда идем?), формирования стратегий достижения этих целей (как будем развиваться?), разработку эффективного механизма управления социально-экономическими процессами в контексте реализации выбранных стратегий (каким образом управлять реализацией выбранных стратегий?). Чисто автоматического саморегулирования с помощью только рыночных механизмов явно недостаточно. Собственно говоря, от такого упрощенного понимания

саморегулирования современная экономическая наука уже давно отошла (хотя некоторые наши «аналитики» ультралиберального монетаристского толка продолжают твердить мантру про пресловутую «невидимую руку рынка»).

Георгий Николаевич был особенным (в самом лучшем смысле слова) человеком, настоящим исследователем, но отнюдь не «чистым теоретиком». В своих исследованиях он не только пытался дойти до сути явления, но и найти действенные рычаги применения тех теоретических посылов, которые он развивал. Неоднократно бывая в Китае и многих других странах, он каждый раз привозил новые идеи, которые пытался интерпретировать по отношению к нашей российской экономике. Он неоднократно выступал на Ученом совете нашего Московского международного университета, в стенах Вольного экономического общества, на других форумах, и всегда это были какие-то новые послы, которые имеют и глубокую теоретическую основу, и практическое применение. Основываясь на опыте Китая, он отмечал как один из важных факторов китайского рывка сохранение рычагов централизованного управления экономикой как единым народно-хозяйственным комплексом, смело говорил о необходимости восстановления планомерности в масштабе всей страны, в том числе и (страшно подумать!) в организационной форме нового Госплана. Надо сказать, что для этого требовалось и определенное научное мужество. Ведь эти идеи он не побоялся развивать в 90-е годы, в период еще продолжавшейся эйфории преклонения перед «чистым рынком».

Георгия Николаевича очень любили студенты. Он был настоящим профессором. Но не тем существом не от мира сего, каким профессоров любили изображать в старых романах и кинофильмах, а современным мыслящим исследователем

с гибким аналитическим умом, хорошо знающим практику и способным увлечь молодую аудиторию оригинальными идеями.

И вот сегодня, рассматривая научное наследие Георгия Николаевича Цаголова в контексте общей темы нашего Мемориума «Теория конвергенции и современные тенденции развития цивилизации», мне хотелось бы заострить наше внимание на генезисе самого понятия «конвергенция».

Тут у нас с Дмитрием Евгеньевичем Сорокиным даже возникла небольшая дискуссия, как понимать сам термин «конвергенция» и можно ли считать идущие сегодня процессы конвергенцией в изначальном значении этого понятия?

Авторами теории конвергенции считаются Джон К. Гэлбрейт, Уолт Ростоу, Франсуа Перру, Ян Тинберген, П.А. Сорокин и другие ученые. Согласно «классической» трактовке теории конвергенции, обе экономические системы не являются совершенными с точки зрения передовой культуры и гуманистических идеалов, и дальнейшее противостояние систем чревато острым классовым конфликтом на международной арене, который может привести к гибели цивилизации. Учитывая эти опасности, сохранить мировую цивилизацию можно путем сближения систем, создавая новые формы социально-экономической и культурной жизни, в которых бы в концентрированном виде могло найти свое выражение то лучшее, что имеется в обеих системах [1–10].

Теория конвергенции получила свое развитие как политическая теория второй половины XX века, согласно которой СССР постепенно становится более либеральным, а Запад — более социалистическим, в результате чего должна возникнуть усредненная социально-экономическая система, сочетающая принципы социализма и капитализма (на-

пример, плановую экономику и политическую демократию соответственно). Сходные взгляды выражали Джеймс Бернхем (The Managerial Revolution) и Дж. К. Гэлбрейт (The New Industrial State). Идеологом политической конвергенции в 1960–1970-е годы был А.Д. Сахаров [3].

В более широком смысле конвергенция — это увеличение сходства между различными обществами, находящимися на одной стадии истории, устранение внешнего, внеэкономического неравенства, сглаживание социальных конфликтов, на основе либерально-демократических преобразований [1,2].

Я считаю, что, вообще говоря, спор о терминах довольно малопродуктивен, потому что каждый исследователь имеет право в рамках некоего общепринятого определения (если такое «общепринятое» определение существует) трактовать его в расширенном или в узком варианте. Я лично склонен понимать теорию конвергенции в расширенном варианте в том аспекте, что новое общество — это не срастание капитализма с социализмом, не механическое проникновение одного в другое. Поэтому бесперспективны попытки в административно-бюрократический социализм привнести рынок и то же самое — в классический капитализм привнести директивное планирование. Нет, но позитивные элементы, оправдавшие себя в новых условиях элементы прошлых формаций должны, как ростки, войти в качественно новое, а лучше всего сознательно конструируемое по понятному плану общество.

В физике (а я по первой специальности радиофизик) есть понятие фазового перехода, когда по мере накопления комплекса факторов не эволюционно, плавно, а резко меняется качество всей системы. Так, например, при охлаждении воды ее качественное состояние как жидкости не меняется до перехода температуры через 0 градусов Цельсия. И тут

«вдруг» из аморфной жидкости вода превращается в упорядоченную кристаллическую структуру. На теории фазовых переходов в значительной степени основана все современная космология и квантовая механика: и теория «большого взрыва», и «черные дыры», и «кротовые норы», и «струны», и «мембраны», и так далее. Мы тоже должны понимать, что новое общество вряд ли вырастет вот так тихонечко эволюционно из чего-то традиционного и нам хорошо понятного.

Сегодня все глобальное мировое сообщество ощущает истощение «жизненных сил» современного мироустройства, потребность в каком-то новом импульсе развития. Мы в России, может быть, особенно остро ощущаем недостаток понятной и разделяемой обществом стратегии развития. Поэтому исключительно важно активизировать научные усилия по поиску новых путей развития, адекватных вызовам XXI-го столетия. В значительной мере на это направлены и разнообразные активности Вольного экономического общества.

Творчески развивая концепцию конвергенции, Г.Н. Цаголов сформулировал собственную оригинальную теорию Интегрального общества. [13,14,15]. Так вот, я хочу подчеркнуть, что и в идеях Постиндустриализма, а затем и Альтернативной цивилизации, которые выдвигает Гавриил Харитонович Попов [11], и в постулатах Ноономики, о которой пишет Сергей Дмитриевич Бодрунов [12], и во многих других трудах наших ученых имеются отголоски тех дискуссий, которые мы вели, обсуждая Интегральное общество Георгия Николаевича Цагорова. Его вклад в развитие теории нового общества значителен, и мы помним об этом.

Библиографический список

1. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Конвергенция_\(политология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Конвергенция_(политология))
2. Конвергенции экономических систем теория / Гловели Г. Д. // Киреев — Конго [Электронный ресурс]. — 2009. — С. 729. — (Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов ; 2004–2017, т. 14). — ISBN 978-5-85270-345-3.
3. Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе, 1968.
4. Sorokin P.A. Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type, *International Journal of Comparative Sociology* (англ.), 1960.
5. Gaitonde V.A. An Answer to the Theory of Convergence, *Social Scientist* (англ.)русск. 3(5), 1974, pp. 38–51.
6. Kelley D.R. The Soviet Debate on the Convergence of the American & Soviet Systems, *Polity* 6(2), 1973, pp. 174–196.
7. Weinberg I. The Problem of the Convergence of Industrial Societies: A Critical Look at the State of a Theory, *Comparative Studies in Society and History* (англ.)русск. 11, 1969, pp. 1–15.
8. Lauterbach A. The 'Convergence' Controversy Revisited (недоступная ссылка), *Kyklos* 29(4), 1976, pp. 733–754.
9. Matich O., Vasiliï Aksenov and the Literature of Convergence: Ostrov Krym as Self-Criticism, *Slavic Review* 47(4), 1988, pp. 642–651
10. Гэлбрейт, Дж.К. Новое индустриальное общество = *The New Industrial State* (1967). АСТ, 2004. 608 с.
11. Попов Г.Х. Великая Альтернатива XXI века (итог века-волкодава: исчерпание постиндустриализма и перспектива Альтернативной Цивилизации). М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2013. — 416 с.
12. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / Б.: Культурная революция, 2018. 432.с.

13. Цаголов Г.Н. Путь к счастливой жизни. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2015. — 760 с.
14. Больше чем жизнью Георгий Цаголов / под редакцией д.э.н., профессора Руслана Дзарасова. — М.: Издательство «У Никитских ворот», 2020. — 328 с.
15. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика / под редакцией д.э.н., профессора Г.Н. Цаголова. — ЛЕНАНД, 2016.

References

1. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Konvergenciya_\(politologiya\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Konvergenciya_(politologiya))
2. Konvergencii ekonomicheskikh sistem teoriya / Gloveli G. D. // Kireev — Kongo [Elektronnyj resurs]. — 2009. — S. 729. — (Bol'shaya rossijskaya enciklopediya : [v 35 t.] / gl. red. YU. S. Osipov ; 2004—2017, t. 14). — ISBN 978-5-85270-345-3.
3. Saharov A. D. Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noj svobode, 1968.
4. Sorokin P. A. Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type, International Journal of Comparative Sociology (angl.), 1960.
5. Gaitonde V.A. An Answer to the Theory of Convergence, Social Scientist (angl.)russk. 3(5), 1974, pp. 38–51.
6. Kelley D.R. The Soviet Debate on the Convergence of the American & Soviet Systems, Polity 6(2), 1973, pp. 174–196.
7. Weinberg I. The Problem of the Convergence of Industrial Societies: A Critical Look at the State of a Theory, Comparative Studies in Society and History (angl.)russk. 11, 1969, pp. 1–15.
8. Lauterbach A. The 'Convergence' Controversy Revisited (nedostupnaya ssylka), Kyklos 29(4), 1976, pp. 733–754.
9. Matich O., Vasilii Aksenov and the Literature of Convergence: Ostrov Krym as Self-Criticism, Slavic Review 47(4), 1988, pp. 642–651

10. Gelbrejt, Dzh. K. Novoe industrial'noe obshchestvo = The New Industrial State (1967). AST, 2004. 608 s.
11. Popov G.H. Velikaya Al'ternativa XXI veka (itog veka-volkodava: ischerpanie postindustrializma i perspektiva Al'ternativnoj Civilizacii). M.: Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2013. 416 s.
12. Bodrunov S.D. Noonomika / Monografiya / ': Kul'turnaya revolyuciya, 2018. 432.s.
13. Cagolov G.N. Put' k schastljivoj zhizni. M.: Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2015. 760 s.
14. Bol'she chem zhizn'yu Georgij Cagolov / Pod redakciej d.e.n., professora Ruslana Dzarasova. M.: Izdatel'stvo «U Nikitskih vorot», 2020.- 328.s.
15. Novoe integral'noe obshchestvo. Obshcheteoreticheskie aspekty i mirovaya praktika. / Pod redakciej d.e.n., professora G.N. Cagolova. LENAND, 2016.

Контактная информация / Contact information

АНО ВО «Московский международный университет», 125040, г. Москва, Ленинградский проспект, д.17.

Moscow International University, 17, Leningradsky Prospekt, 125040, Moscow, Russia.

Манюшис Альгирдас Юозович / Algirdas J. Maniushis

8 (800) 301-09-30, rectorat@mmu.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-169-179

**ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО,
ИНТЕГРАЛЬНАЯ
ЭКОНОМИКА,
ИНТЕГРАЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ
(ПАМЯТИ Г.Н. ЦАГОЛОВА)
INTEGRAL SOCIETY,
INTEGRAL ECONOMICS,
INTEGRAL SCIENTIST
(IN MEMORY
OF G.N. TSAGOLOV)**

КЛЕЙНЕР ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ

Заместитель научного руководителя
Центрального экономико-математического
института Российской академии наук
(ЦЭМИ РАН), заведующий кафедрой
«Системный анализ в экономике»
Финансового университета при Правительстве РФ,
член Президиума ВЭО России,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

GEORGE B. KLEINER

Deputy Scientific Advisor,
Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS),

Head of the Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Institutional Economics, State University of Management, Member of the Presidium of VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

Концепции интегрального общества и интегральной экономики рассматриваются в статье в контексте общей методологии интегрализма, разработанной Питиримом Сорокиным и развивавшейся Г.Н. Цаголовым. Анализ особенностей природного положения и исторической траектории социально-экономического развития стран позволяет разделить их на четыре группы: объектные, проектные, процессные и средовые. Такой подход выявляет предрасположенность стран к рыночным/плановым методам координации внутристрановых агентов. В статье показывается, что наиболее релевантным для России является уклад т.н. смешанной экономики, в которой элементы капитализма органически переплетаются с элементами социализма.

Изучение трудов Г.Н. Цаголова позволяет пролить свет на конкретные формы взаимодействия элементов капиталистического и социалистического укладов в смешанной экономике России.

ABSTRACT

In the article, the concepts of integral society and integral economy are considered in the context of the general methodology of integralism, developed by Pitirim Sorokin and improved by G.N. Tsagolov. Analysis of the natural location's peculiarities and the historical trajectory of countries' socio-economic development allows them to be divided into four groups: object, project, process, and environmental. This approach reveals the predisposition of countries to market / planned methods of coordination of in-country agents. The article shows that the most relevant for Russia

is the so-called mixed economy in which capitalism elements are organically intertwined with elements of socialism.

Studying the works of G.N. Tsagolov makes it possible to shed light on specific forms of interaction between elements of the capitalist and socialist modes in Russia's mixed economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Интегрализм, интегральное общество, капитализм, социализм, смешанная экономика.

KEYWORDS

Integralism, integral society, capitalism, socialism, mixed economy.

Разобщенность российского общества является одним из источников неэффективности социально-экономического развития. Отсутствие общепризнанной национальной идеологии и ее концентрированного выражения — национальной идеи, ориентация на личный успех как единственный критерий развития, запредельная имущественная дифференциация и, наконец, предпринятые за последний год меры по дезинтеграции общества, связанные с преодолением последствий распространения COVID-19, приводят к распадению общества на отдельные слабо связанные между собой фрагменты, в пределе — к атомизированному «обществу физических лиц». В дезинтегрированном обществе не могут активно распространяться инновации, замедляется технологический прогресс, затрудняются коммуникация и синхронизация социальных взаимодействий. Соответственно, возрастает риск установления тоталитарных централизованных и сверхцентрализованных режимов. В этих условиях дефрагментация российского общества выступает на первый план среди наиболее актуальных задач сегодняшнего дня и ближайшего будущего.

П. Сорокин в 1958 году сформулировал свое научное кредо: «Моя философия — интегрализм» [1]. Это следует относить как к предмету социального анализа — интегральному обществу, так и к инструменту такого анализа — интегральной социологии или шире — интегральному обществоведению (в терминологии В.М. Полтеровича — общему социальному анализу [2]).

В современном научно-экспертном сообществе сорокинская концепция интегрализма пока не нашла достаточно широкого распространения. Тем более значимыми представляются достижения Г.Н. Цаголова — глубокого и эрудированного ученого, развивавшего интегрализм как научно-прикладное направление.

Я часто встречался с Георгием Николаевичем на полях Вольного экономического общества, и буквально за несколько дней до его кончины мы были вместе с ним на передаче «Точка зрения», в которой Георгий Николаевич убедительно излагал свою точку зрения перед телевизионной аудиторией. Это был необычайный человек. Одна из последних книг, в которой он принимал активное участие как организатор, редактор и автор — «Новое интегральное общество: Теоретические и практические аспекты» [3], — очень напоминает самого автора. Георгий Николаевич был интегральным ученым. Он соединял в себе и в своих произведениях и творчество экономистов, и творчество социологов, психологов. В его статьях синтезировался опыт социально-экономического развития разных стран и континентов. Неслучайно в этой книге есть и части, посвященные Индии, Китаю и другим странам. Георгий Николаевич воплощал в себе качества экономиста, публициста, литератора. Достаточно вспомнить замечательное название его главы «Что ускорило шаг индийского „слона“?» в упомянутой монографии. Такое название — просто художественное про-

изведение, вмещенное в несколько слов. В этом проявляется интегральность его личности.

Близкой к концепции интегрализма является концепция системности. Рассмотрение общества как арены взаимодействия разнокачественных и разноразмерных социально-экономических, социотехнических и природных систем при одновременном признании целостности и интегральности каждой из них может считаться конкретизацией общей философии интегрализма. В этом ключе понятие «интегральный экономист» и понятие «системный экономист» выступают как части единого целого. Диалектика интегрализма как и диалектика системности выражаются в органическом сочетании многообразия и однородности, причем последние должны рассматриваться как в пространственном, так и во временном аспектах. Естественной средой обитания экономического агента является дружественное по отношению к нему ближайшее системное окружение. Одновременно такое окружение может находиться в конкурентном взаимодействии с другими социально-экономическими системами, играющими роль окружения для других социально-экономических агентов. Такого рода диалектика позволяет в том числе дифференцировать понятие капитализма и социализма как форм организации социально-экономических отношений в обществе. Конвергенцию капитализма и социализма следует понимать не как сближение стран с ярко выраженным различным общественным строем (такое сближение или расхождение может диктоваться различными, в том числе преходящими геополитическими причинами), но как пространственно-временное сплетение элементов конкуренции и кооперации в деятельности внутристрановых локальных социально-экономических систем в разных

странах. Методология интегрализма как исследовательской программы в сочетании с развитием и распространением системной социально-экономической методологии позволяют более адекватно формулировать вопросы об ориентирах, целях и средствах эволюции отдельных стран и их групп и группировок.

Для исследования вопроса о применимости рыночных или плановых методов координации в экономике той или иной страны воспользуемся классификационным подходом, развиваемым в рамках системной социально-экономической теории [4; 5]. Согласно данному подходу в популяции социально-экономических систем выделяются четыре базовых типа — объектные, средовые, процессные и проектные системы, характеризующиеся степенью влияния пространственных/временных ограничений на функционирование данной системы. В современном геополитическом мире можно выделить четыре основные группы стран в соответствии с инвариантами географического положения, исторического развития, мировоззрения народов этих стран. Выделяются четыре типа стран, отличающихся устойчивым восприятием (видением) перспектив развития страны в рамках существующих границ в геополитическом пространстве-времени. Страна, прогнозирующая перспективы развития в виде интенсификации использования собственной территории, относится к объектному типу (пример: Япония); страна, допускающая постановку задачи в краткосрочном периоде в виде расширения своей территории и влияния, относится к процессному типу (пример: Китайская Народная Республика); страна, реализующая свою миссию в виде развития инновационных процессов и проектов в рамках существующей территории, относится к проектному типу (пример: Соединенные Штаты Америки); наконец, страна, обладающая значительной

территорией и запасами природных ресурсов, социально-экономическое развитие которой носит вследствие этого преимущественно экстенсивный характер, относится к числу средовых стран (пример: Российская Федерация). Принадлежность страны к тому или иному типу носит, как правило, стабильный характер и не меняется на протяжении десятков или даже сотен лет. (Трансформация как смена типа возможна, но она чаще всего является результатом геополитических потрясений — войн, революций, природных катаклизмов и т.д.).

Перечисленные выше страны призваны не только служить своеобразными аттракторами для стран своей группы, но и быть лидерами процессов формирования и согласования геополитических интересов каждой из четырех групп. С точки зрения сравнения рыночных и плановых методов регулирования экономики можно говорить о четырех типах социально-экономического механизма развития экономики, каждый из которых в разных пропорциях сочетает черты рыночного и планового способов координации экономических агентов. Следует заметить, что плановые методы регулирования экономики опираются на представление об экономике как о совокупности отдельных экономических агентов (субъектов), деятельность и развитие которых регулируются планом. Рыночные методы регулирования экономики, наоборот, опираются на представление об экономике как о совокупности процессов, таких как производство, логистика, потребление, распределение и т.п. Поэтому для стран объектного типа уместно применение плановых подходов к регулированию, в то время как для стран процессного типа более адекватным является применение рыночных методов. В странах проектного типа важное значение могут иметь как методы планового регулирования развития — в части крупномасштабных

экономических проектов, так и методы рыночного (процессного) регулирования — для проектов малого и среднего масштаба. В странах среднего типа сочетание рыночных и плановых методов должно носить более разнообразный и дисперсионный характер, охватывать весь массив экономических субъектов и процессов. Развитие средовых стран связано с ростом их однородности, что делает задачу рационального сочетания плановых и рыночных методов достаточно сложной (см. также [6]).

Именно такой смешанный характер должна носить и экономика России как ярко выраженной средовой страны. При этом доминирование какого-либо одного из укладов вряд ли может быть долгосрочным. Это приводит нас к мысли о естественности осциллирующего развития управления экономикой России. Строительство капитализма в России в начале XIX в. сменилось строительством социализма в начале XX в. и вновь строительством капитализма в начале XXI в. Циклический (возвратно-поступательный) характер социально-экономического развития России существенно отличает ее от многих западных стран, где развитие движется не по кругу, а по поступательной траектории [7].

Подобную цикличность, но уже в пространственном смысле можно заметить и в траектории технологической динамики экономики России. Будучи «родиной» многих научно-технических изобретений в области авиации, радио, телевидения, освоения космоса и др., Россия отдавала другим странам возможности развития и распространения этих инноваций. Возвращаясь на другом уровне в Россию, эти инновации адаптировались российской экономикой как результат импорта. Таким образом, можно зафиксировать два вида осциллирующих возвратно-поступательных социально-экономических

и технико-экономических «качелей» в виде межпериодных и межстрановых каналов взаимодействий. Все это характеризует Россию не просто как одну из стран, но как своеобразную социально-экономическую цивилизацию. Здесь уместно вспомнить высказывание Й. Шумпетера, который, характеризуя взаимоотношения западных стран с Россией, говорил: наша проблема не в том, что мы имеем дело с коммунистической Россией, а в том, что мы имеем дело с Россией. Возвратно-поступательный характер российской социально-экономической динамики определяет кумулятивный характер социально-экономического и технологического развития. Если страны западной цивилизации, завершив тот или иной этап, как бы перешагивают через пройденный период и двигаются дальше, развивая достижения прошлого и избегая его ошибок, то на просторах России сохраняются и никуда не исчезают особенности прошлых эпох. Мы храним их в своей исторической памяти, в традициях, в оценках, в институтах. Россия — это своеобразная галерея, в которой фрагменты прошлого соседствуют с артефактами сегодняшнего дня и экспонатами будущего (различие между которыми порой нелегко зафиксировать). Это всеобъемлющее свойство общества, экономики, истории, территории России делает ее для нас единой системой, исследование и регулирование которой должно подчиняться принципам интегрализма. Мы не можем соединить капитализм и социализм как системы, но можем искать оптимальные формы коллаборации их на просторах России.

Когда мы сегодня говорим о будущей модели экономики и общества России, мы строим эту модель из различных элементов, относящихся как к социализму, так и к капитализму, как к плановым, так и к рыночным методам координации. Для того чтобы конструкция была жизнеспособной, необхо-

димо опираться на принципы интегрализма и системности. Творческое наследие Г.Н. Цаголова можно рассматривать как научную основу для реализации такого пути.

Библиографический список

1. Сорокин П.А. Моя философия — интегрализм // Партнерство цивилизаций. — 2014. — № 1–2. — С. 273–280.
2. Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. — 2011. — № 2. — С. 101–111.
3. Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / О.Т. Богомолов, Г.Г. Водолазов, С.Ю. Глазьев и др.; под ред. Г.Н. Цаголова. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 256 с.
4. Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. — 2011. — Т. 81. — № 9. — С. 794–808.
5. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. Системная сбалансированность экономики. — М.: ИД «Научная библиотека», 2017. — 320 с.
6. Цаголов Г.Н. Остается ли формационный подход в силе // Научные труды ВЭО России. — 2017. — Т. 205. — С. 334–339.
7. Клейнер Г.Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. — 2000. — № 1. — С. 5–20.

References

1. Sorokin P.A. Moya filosofiya – integralism. Partnerstvo tsivilizatsii, 2014, No. 1–2, pp. 273–280.
2. Polterovich V.M. Stanovlenie obshchego sotsial'nogo analiza. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2011, No 2, pp. 101–111.
3. Novoe integral'noe obshchestvo: Obshcheteoreticheskie aspekty i mirovaya praktika / O.T. Bogomolov, G.G. Vodolazov, S.Yu. Glaz'ev i dr.; pod red. G.N. Tsagolova. M.: LENAND, 2016. 256 p.

4. Kleiner G.B. Novaya teoriya ekonomicheskikh sistem i ee prilozheniya. Vestnik RAN, 2011, T. 81, No. 9, pp. 794–808.
5. Kleiner G.B., Rybachuk M.A. Sistemnaya sbalansirovannost' ekonomiki. M.: ID «Nauchnaya biblioteka», 2017, 320 p.
6. Tsagolov G.N. Ostaetsya li formatsionnyi podkhod v sile. Nauchnye trudy VEO Rossii, 2017, T 205, pp. 334–339.
7. Kleiner G.B. Institutsional'nye faktory dolgovremennogo ekonomicheskogo rosta. Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii, 2000, No. 1, pp. 5–20.

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН»,
Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47.

Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy
of Sciences, 47, Nakhiovsky Avenue, Moscow, 117418, Russia.

Клейнер Георгий Борисович / George B. Kleiner

george.kleiner@inbox.ru

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Вольное экономическое общество России — первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира — основано Указом императрицы Екатерины Великой 11 ноября 1765 года. В 2020 году Вольному экономическому обществу России исполнилось — 255 лет.

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-182-200

**ДВУХКОНТУРНАЯ
ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ
СИСТЕМА
КАК ИНСТРУМЕНТ
РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЕЕ СУВЕРЕНИТЕТА**
**DUAL-CIRCUIT MONETARY
AND FINANCIAL SYSTEM
AS A TOOL FOR DEVELOPING
THE NATIONAL ECONOMY
OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND ENSURING
ITS SOVEREIGNTY**

РЯБУХИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени В.Г. Плеханова, д.э.н.

SERGEI N. RYABUKHIN

Vice-President of the VEO of Russia, Vice-President of the International Union of economists, first Deputy Chairman of the budget and financial markets Committee of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Director of the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies” (Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economic Sciences

**МИНЧЕНКОВ МИХАИЛ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Заместитель директора НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени В.Г. Плеханова, заместитель генерального директора АНО «Национальный институт развития»

MIKHAIL A. MINCHENKOV

Associated Director of the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies” (Plekhanov Russian University of Economics), Deputy Director General (National Institute for Development)

ВОДЯНОВА ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА

Главный научный сотрудник
НИИ «Инновационные финансовые
инструменты и технологии» РЭУ имени
В.Г. Плеханова, начальник Центра экономико-
математической методологии
АНО «Национальный институт развития»,
профессор РАНХиГС при Президенте Российской
Федерации, д.э.н., доцент

VERA V. VODYANOVA

Chief Scientific Researcher of the Research
Institute “Innovative Financial Instruments
and Technologies” (Plekhanov Russian
University of Economics), Head of Economic
and Mathematical Methodology Centre
(National Institute for Development), Professor
of RANEPa, Doctor of Economic Sciences,
Associate Professor

ЗАПЛЕТИН МАКСИМ ПЕТРОВИЧ

Ведущий научный сотрудник
НИИ «Инновационные финансовые
инструменты и технологии»
РЭУ имени В.Г. Плеханова, начальник Центра
математического моделирования и экспертизы
АНО «Национальный институт развития»,
к.ф.-м.н., доцент МГУ имени М.В. Ломоносова

MAXIM P. ZAPLETIN

Leading Scientific Researcher of the Research
Institute “Innovative Financial Instruments and
Technologies” (Plekhanov Russian University
of Economics), Head of MathModeling
and Examination Centre (National Institute
for Development), Candidate of Physico-
mathematical Sciences, Associate Professor
of Lomonosov Moscow State University

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам обеспечения суверенитета национальной экономики Российской Федерации. Авторы считают, что основой для достижения этой цели является создание инвестиционного контура в структуре российской финансовой системы, предлагают провести расширение золотовалютных резервов за счет группы дуальных товаров и создать товаро-валютные резервы, с помощью которых произвести запуск внутреннего инвестиционного контура. Взаимодействие контуров предлагается осуществлять с помощью нового финансового инструмента «расчетное золото», формирование которого производится по авторскому алгоритму.

ABSTRACT

The article is devoted to the ensuring the sovereignty of the national economy of the Russian Federation. The authors believe that the basis for achieving this goal is the creation of an investment circuit in the structure of the Russian financial system. The article presents an analysis of the structural levels of the modern international monetary and financial system and identifies the features of the functioning of countries belonging to different levels. The authors propose to expand the gold and foreign exchange reserves at the expense of a group of dual goods and create commodity and currency reserves, by help of which will then launch the internal investment circuit. The interaction of contours is proposed to be carried out using a new financial instrument “calculated gold”, which is formed according to the author’s algorithm.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Двухконтурная финансовая система, дуальные товары, инвестиционный контур, расчетное золото, товаро-валютные резервы, золотовалютные резервы, индекс CRB, MB3-индекс, индекс мультивалютного значения устойчивости.

KEYWORDS

Dual-circuit financial system, dual goods, investment circuit, calculated gold, commodity and currency reserves, gold and foreign exchange reserves, CRB index, MVZ- index, multi-currency stability index.

Экономика РФ и ее финансовая система интегрированы в архитектуру международной мировой валютно-финансовой системы, и, как следствие этого, подвержены всем системным рискам глобального мироустройства. Это накладывает ограничения и обязательства, которые наша страна вынуждена нести, не имея системной защиты от вызовов и угроз, порождаемых особенностями существующей архитектуры международной мировой валютно-финансовой системы и эмиссионных процедур: существующая мировая валютно-финансовая система имеет двухуровневую структуру.

На верхнем уровне находятся эмиссионные центры, работающие по принципу двухконтурности: первым контуром (эмиссионным) выступают центральные банки (ФРС, ЕЦБ, Банк Англии, Национальный Банк Швейцарии, Банк Японии и др.), а вторым контуром (инвестиционным) выступают казначейства министерств финансов соответствующих стран — эмитентов резервных валют, формирующих длинные и дешевые пассивы за счет создания государственного и корпоративного долга. Таким образом, основной объем эмиссии национальной валюты (резервной валюты) определяется объемом приобретенных государственных и корпоративных долговых обязательств, что позволяет создавать длинные и дешевые денежные средства.

На нижнем уровне находятся центральные банки стран, которые лишены возможности осуществлять эмиссию под обеспечение государственных и корпоративных долговых

инструментов и обязаны следовать правилу соответствия денежной базы в широком определении объему золото-валютных резервов с учетом курсовой разницы между национальной и резервными валютами, из которых сформированы золото-валютные резервы. На этом уровне принцип двухконтурности в описанном выше смысле запрещен на законодательном уровне, что делает невозможным создание длинных и дешевых инвестиционных средств и ограничивает национальные экономики в своем развитии.

Экономика России успешно развивалась в те периоды исторического развития, когда ее финансово-денежное обращение носило суверенный характер и было направлено не на слепое подражание и копирование международных стандартов и правил.

В Российской Империи с 1798 года по 1917 год использовалась двухконтурная финансовая модель, в которой происходило обращение как ассигнаций Госбанка, так и различного рода обязательств Государственного казначейства. Международные обязательства до августа 1897 года (денежная реформа С.Ю. Витте, по которой был введен в обращение золотой рубль) обеспечивались серебром и дуальными товарами, в первую очередь, зерном, льном, медом, лесом, пенькой. С 30-х годов XX века, после НЭПа, во время которого была осуществлена попытка реанимации идеи выпуска золотых денег «червонца», был выбран путь воссоздания в СССР двухконтурной валютно-финансовой системы. В одном контуре обращались билеты Госбанка СССР, обеспеченные валютными активами, в другом контуре обращались казначейские билеты, обеспеченные достоянием страны. В системе международных расчетов использовалось монетарное золото как в предъявительской форме с капита-

листическими странами, так и в обеспечительной форме клиринговых расчетов (переводной рубль) с возникшими позднее социалистическими странами, образовавшими Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Дуальными товарами, обеспечивающими систему международных расчетов, выступали хлеб (зерно), нефть и нефтепродукты, лес и пиломатериалы, масло, пушнина и меха, предметы роскоши и произведения искусства. При этом находясь в международной финансовой изоляции, с более жесткой санкционной политикой Запада, чем сегодня, страна сумела провести индустриализацию, выйти на самообеспечение по продовольствию, одержать победу в Великой Отечественной войне, из руин восстановила разрушенное хозяйство, сформировав золотовалютные резервы более 2000 тонн. Такая двухконтурная система валютно-денежного обращения просуществовала вплоть до 1991 года.

В истории развития товаро-денежных отношений известны и другие примеры успешного использования двухконтурных финансовых моделей [1].

В новейшей истории после распада СССР валютно-финансовая система России оказалась в полной зависимости от международной валютно-финансовой системы, перейдя к одноконтурной системе валютно-денежного обращения — билету ЦБ РФ, который де-факто зависит от изменений валютного курса с привязкой к резервным валютам, в первую очередь, к доллару США. Валюта поступает в страну за счет экспорта дуальных товаров, таких как углеводороды, нефть, нефтепродукты, газ, уголь, группы черных и цветных металлов, драгоценных металлов и драгоценных камней, леса и пиломатериалов, зерна и минеральных удобрений. При этом если в прошлый исторический период валютные по-

ступления от реализации этих активов (дуальных товаров) обеспечивали стабилизацию контура финансового обращения страны, то теперь из этих валютных поступлений осуществляется формирование золотовалютных резервов ЦБ РФ, являющегося единственным эмиссионным центром. Банк России из-за опасения нарушить хрупкое равновесие макроэкономической устойчивости и из-за существующих правовых ограничений не может использовать свои резервы для прямого финансирования дефицита бюджета и фондирования национальных программ. Таким образом, Министерство финансов РФ ограничено в привлечении финансовых средств на развитие национальной экономики. Всё это в совокупности с отсутствием прямого межконтурного взаимодействия между Банком России и Министерством финансов РФ не позволяет обеспечить крупномасштабное финансирование проектов длинными и дешёвыми средствами. Инвестиционный суверенный контур обращения существовавших ранее государственных казначейских бумаг (билетов), позволявший успешно проводить балансировку валютно-денежного обращения в стране, заменен выпуском облигаций федеральных займов, ограниченных параметрами госдолга и санкционными рисками. Существующая одноконтурная валютно-финансовая система позволяет получать сверхприбыли финансовому сектору в ущерб развития реального сектора и стимулирования внутреннего платёжного спроса. Поскольку архитектура мировой валютно-финансовой системы не природоподобна, то одноконтурная валютно-финансовая система России, будучи ее элементом, подвержена катастрофическим рискам, возникающим как следствие финансовых кризисов в глобальной международной валютно-финансовой системе. Противодействовать

этим вызовам и угрозам возможно путем воссоздания двухконтурной валютно-финансовой системы с использованием государственных стратегических резервов, в настоящее время не вовлеченных в народно-хозяйственный оборот и являющихся достоянием страны в широком смысле.

В структуре мирового богатства на долю России, по мнению западных экспертов, приходится \$4–5 трлн, что подтверждается данными Росстата в ценах 2012 года. На наш взгляд, эта величина занижена на порядок и преследует своей целью переоценку российских активов в сторону их существенного обесценения. Мотив понятен: приобрести национальное богатство РФ задешево. В узком смысле под национальным богатством понимаются находящиеся на территории России основные фонды экономики и домашних хозяйств, а также запасы сырья и других оборотных средств. В широком понимании национальное богатство представляет собой запасы полезных ископаемых (недра), земли, природные ресурсы (возобновляемые и невозобновляемые), «человеческий капитал», сокровища, резервы и т.д. Национальное богатство в узком и широком смысле является «достоянием страны». В 90-е годы прошлого века Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) производил оценку запасов полезных ископаемых России, определив их стоимость в \$10 млрд. На долю России в общемировых разведанных запасах приходится отдельных видов полезных ископаемых [2]: апатитов — 45,5%, природного газа — 35,4%, железной руды — 32,0%, никеля — 31%, бурого угля — 29%, олова — 27%, кобальта — 21%, цинка — 16%, урана — 14%, нефти — 13%, свинца — 12%, меди — 11%. Большинство этих товаров являются дуальными¹. По ис-

¹ Дуальный товар (товар с дуальными свойствами) — это товар, способный выполнять в современных условиях и товарные, и денежные функции.

следованиям Института Экономики РАН, проводившимся в начале XXI века по методологии Всемирного Банка, доля России в мировом национальном богатстве составила 11%, а общая стоимость величины материально-вещественной части национального богатства, а именно основных и оборотных фондов плюс природные ресурсы, была определена в \$40 трлн. Для справки, национальное богатство США в то же время оценивалось в \$24 трлн. Таким образом, Россия в начале века имела национальное богатство, которое в 2,5 раза превышало национальное богатство США. В настоящее время материально-вещественная часть национального богатства с включенным человеческим капиталом оценивается руководителем НИИ статистики, д.э.н. В.М. Симчерой в размере \$65 трлн. При этом этот расчет сделан по текущему биржевому курсу рубля к доллару, а не по паритетно-покупательной способности. Также не учтена монетизация существующих финансовых резервов, активов внебюджетных фондов (музейный фонд, архивный фонд, Алмазный фонд, золотой запас и другие сокровища).

Кроме того, накопленное имущество только физических лиц граждан РФ за рубежом, по данным таможенной статистики РФ, анализа платежного баланса, данных БМР, МВФ, частных экспертов за двадцатилетний период с 1992 по 2011 г., составляет от 1135 до 1550 млрд дол. Только на официальных банковских счетах за рубежом, открытых российскими гражданами, по данным БМР, находятся в Европе \$250 млрд, в Америке — \$500 млрд, и это без учета офшорных счетов и вложений в ценные бумаги. Одну из этих цифр подтвердил З. Бжезинский, в 2009 г. сказав, что он не видит ни одной ситуации, при которой Россия воспользуется своим ядерным потенциалом, поскольку в американских банках лежит \$500

млрд, принадлежащих российской элите. Общая сумма находящихся за рубежом средств резидентов РФ, госактивов и резервов госорганов (ЦБ РФ, Минфин РФ, средств суверенных фондов), размещенных в иностранной валюте (депозиты, ценные бумаги, кредиты и покупка валюты), на 2011 год оценивалось экспертным сообществом в сумму свыше \$3 трлн.

Существуют и внутренние монетарные резервы, например, за счет избыточности объема ЗВР. В международной практике оптимальной признается ситуация, когда размер золотовалютных резервов соответствует объему трехмесячного импорта. В бюджете на следующее трехлетие прогнозируются такие объемы импорта: 2019 г. — \$271,7 млрд, 2020 г. — \$289,3 млрд, 2021 г. — \$308,7 млрд. Если принять в расчет импорт за последний год трехлетия, то его трехмесячный объем составит около \$80 млрд. Объем официальных международных резервов России на 2018 г. составлял около \$457 млрд и имел тенденцию к дальнейшему росту. Избыточность ЗВР составляет \$377 млрд.

Существует и еще один резерв, в котором накапливаются избыточные финансовые активы. К концу планового периода исполнения Федерального бюджета РФ 2020–2021 гг. Фонд национального благосостояния (ФНБ) составит 14,3 трлн руб.

Все эти активы и средства при условии их монетизации и создания финансовых инструментов и технологий неэмиссионной природы с доходностью в фиатных деньгах, соответствующей цене монетарного золота, позволяет сформировать резервный инвестиционный финансовый контур двухконтурной национальной валютно-финансовой системы.

При этом существующий финансовый контур (эмиссионный), базирующийся на золотовалютных резервах (ЗВР),

функционирует по правилам и регламентам, закрепленным национальными и наднациональными валютными финансовыми регуляторами и соглашениями. Второй контур — инвестиционный (резервный) базируется на товаро-валютных резервах (ТВР). Взаимодействие контуров осуществляется за счет клиринга с помощью нового финансового инструмента «Расчетное золото» (рисунок 1).

Рисунок 1 — Принципиальная схема взаимодействия контуров двухконтурной валютно-финансовой системы. Составлено авторами

При этом формирование товаро-валютных резервов осуществляется за счет дуальных товаров (товаров, способных выполнять и товарные, и денежные функции: золото, серебро, платиноиды, зерно, олово, титан, хром, вольфрам, редкоземельные металлы и т.д.), в настоящее время находя-

щихся на спецучете Министерства финансов РФ, из которых может быть сформирован «товарный жгут» по принципу сохранения устойчивого отношения цены товара к цене монетарного золота.

Авторы предлагают использовать в качестве якоря монетарное золото при вычислении индекса мультивалютного значения устойчивости, потому что это позволяет сгенерировать синтетический товар — расчетное золото (ценовой и ликвидный эквивалент монетарного золота). Кроме того, есть большая вероятность, что монетарное золото в ближайшее время вернет себе функции мировых денег, что будет сопровождаться переоценкой его стоимости в фиатных деньгах. На это указывают следующие факторы:

- изменение порядка ценообразования на золото (отменен золотой фиксинг, обеспечивающий спотовую торговлю золотом; введено ценообразование на базе золотого фьючерса, цена на который может быть определена не объемом золота к предъявлению, а фиатными деньгами. Формирование цены на золото становится управляемым процессом);

- создан финансовый пузырь, в обеспечении которого лежит не реальное золото, а бумажное (металлические счета);

- создан и узаконен механизм двойного бухгалтерского счета физического золота (лизинговые операции и своп-операции);

- приняты, по Базелю-3, нормы резервирования Центральными банками монетарного золота с отнесением его к первой категории надежности. Золото еще не стало средством платежа, но стало мировым финансовым резервом;

- многие страны подготавливают законодательства по либерализации обращения золота, снятия НДС по опера-

циям с золотом и придания ему статуса средства платежа. В США более 13 штатов пошли по этому пути;

— перераспределение мировых золотых запасов нерыночным способом (конфискация иракского, ливийского золота, заморозка венесуэльских золотых запасов);

— создание золотой оси (БРИКС), страны которой добывают и обладают извлекаемыми запасами золота в объеме 80% от мирового. За скобками союза остались только Австралия и Канада.

В сентябре 2019 года не было возобновлено соглашение между ведущими центральными банками мира (картельное соглашение), действующее с 1999 года по квотированию операций с монетарным золотом на открытом рынке, известное как «вашингтонское соглашение». Таким образом, цены на золото перестали испытывать давление золотых интервенций со стороны центральных банков и начали расти.

Исполнительный директор Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) публично заявляет о необходимости введения денежных суррогатов, обладающих внутренней ценностью, при этом под внутренней ценностью имеется в виду монетарное золото, «исторически представлявшее общий знаменатель для измерения стоимости».

Эти факторы позволяют сделать вывод о том, что золото, как измеритель стоимости в системе международного обмена, может в ближайшем будущем потеснить фиатные деньги и, в первую очередь, доллар США. Материалы независимого инвестиционного аналитика Д. Попеску в опубликованной еще в 2014 г. статье «Золото против товарного индекса CRB» дают развернутую картину взаимозависимости долларов, инфляции, стоимости биржевых товаров и золота и вывод о неотвратимости переоценки золота и возврата его на

мировую арену как объективного измерителя стоимостей материальных и финансовых активов (рисунок 2).

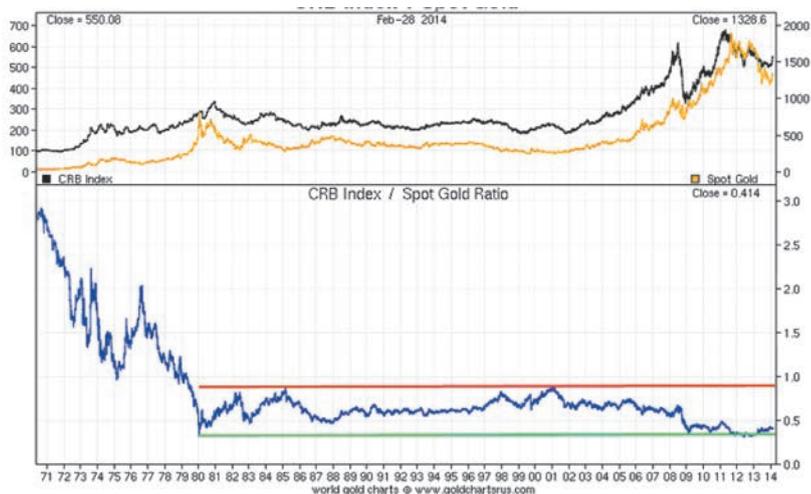

Рисунок 2 — Сопоставление индекса CRB и спотового золота [3]

Авторы путем построения объективных математических моделей выявили те же закономерности [4, 5, 6] и смогли за счет исследований соответствия цен на больших временах дуальных товаров ценам монетарного золота сформировать товарный жгут, позволяющий расширить золотую базу (рисунок 3). На основе этой методологии и с учетом выявленных активов авторами предлагается выпустить новые финансовые неэмиссионные инструменты, позволяющие провести секьюритизацию и монетизацию золотой базы, что даст возможность сгенерировать длинные и дешевые пассивы (в объеме нескольких десятков трлн руб.), обращаемые в двух-контурной национальной валютно-финансовой системе.

Рисунок 3 — Стоимость МВЗ-индекса в рублях в Российской Федерации

Составлено авторами

Создание двухконтурной национальной валютно-финансовой системы и использование финансовых и материальных ресурсов, которые в настоящее время не монетизированы в народно-хозяйственный оборот, обеспечат не только надежную и не зависимую от внешних воздействий защиту существующей национальной валютно-финансовой системы, но и позволят создать инвестиционную базу развития экономики России, что будет способствовать существенному росту благосостояния народонаселения.

Предложенное авторами решение о построении двухконтурной национальной валютно-финансовой системы и неэмиссионных финансовых инструментов ее обращения —

«расчетное золото» — это не слепое копирование советского опыта и воссоздание золотого стандарта, а предложение к созданию природоподобной валютно-финансовой системы с использованием закономерностей и объективных природных взаимосвязей между группой дуальных товаров, обладающих свойством относительно постоянного значения цен на больших временах. Созданный авторами на базе таких товаров индекс мультивалютного значения устойчивости позволяет сформировать платежные средства нефтяной природы, обладающие внутренней ценностью, эквивалентной стоимости спота монетарного золота.

Библиографический список

1. Звонова Е.А., Кузнецов А.В., Пищик В.Я., Сильвестров С.Н. Особенности и перспективы построения двухконтурной валютно-финансовой системы на национальном и региональном уровне // Мир новой экономики, № 1. — М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2020. — С. 26–33.
2. Андрианов В. Национальное богатство России // Микроэкономика, № 6 — М.: Научно-исследовательский институт экономических стратегий, 2007. — С. 6 — 13.
3. Popescu D. Gold vs the CRB Commodity Index // Информационный ресурс GoldBroker [Электронный ресурс], 21/04/2014 – URL: <https://www.goldbroker.com/news/gold-vs-crb-commodity-index-479> (дата обращения 16.10.2020)
4. Гельвановский М.И., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. Управление рисками на основе эффекта самоподобия в системе цен базовых товаров с дуальными свойствами // Оценка рисков и угроз экономической безопасности России 2018–2020 гг.: Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции «Сенчаговские чтения» ученых,

специалистов, преподавателей вузов, аспирантов (г. Москва, Институт экономики РАН, 10–11 апреля 2018 г.). – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 249 с. ISBN 978-5-9940-0641-2 – С. 54–57.

5. Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. Математическая модель создания расчетного золота // М.: Издатель ООО «Сила систем», Сила систем, № 4, 2017. С. 57–71.
6. Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. Методология построения МВЗ-индекса устойчивости на товарах дуальной группы // Вестник университета (Государственный университет управления) № 11 - М., ГУУ, 2016. - С. 141-147

References

1. Zvonova, E.A., Kuznecov, A.V., Pishhik, V.Ya. and Sil`vestrov, S.N (2020). Osobnosti i perspektivy` postroeniya dvuxkonturnoj valyutno-finansovoj sistemy` na nacional`nom i regional`nom urovne, Finansovy`j universitet pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii, Mir novoj e`konomiki, vol. 1, pp. 26-33.
2. Andrianov V (2007). Nacional`noe bogatstvo Rossii, Nauchno-issledovatel`skij institut e`konomicheskix strategij, Mikroekonomika, vol.6, pp. 6-13.
3. Popescu D. Gold vs the CRB Commodity Index // GoldBroker [Электронный ресурс], 21/04/2014 – URL: <https://www.goldbroker.com/news/gold-vs-crb-commodity-index-479>.
4. Gel`vanovskij, M.I., Minchenkov, M.A., Vodyanova, V.V. and Zapletin, M.P. (2018). Upravlenie riskami na osnove e`ffekta samopodobiya v sisteme cen bazovy`x tovarov s dual`ny`mi svojstvami, Institut e`konomiki RAN, April, pp. 54-57
5. Minchenkov, M.A., Vodyanova, V.V. and Zapletin, M.P. (2017), Matematicheskaya model` sozdaniya raschetnogo zolota, Sila system, vol.4, Decmber, pp. 57–71.

6. Minchenkov, M.A., Vodyanova, V.V. and Zapletin, M.P. (2016), Metodologiya postroeniya MVZ-indekса ustojchivosti na tovarax dual'noj gruppy, GUU, Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya), vol.11, Decmber, pp. 141–147.

Контактная информация / Contact information

НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии»
ФБГОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36
Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies”
(Plekhanov Russian University of Economics), 36, Stremyannyj pereulok,
Moscow, 117997, Russia

Водянова Вера Владимировна / Vera V. Vodyanova
veravodyanova@yandex.ru

Заплетин Максим Петрович / Maxim P. Zapletin
zapletin_m@mail.ru

Минченков Михаил Александрович / Mikhail A. Minchenkov
minchenkov1963@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-201-238

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ИННОВАЦИОННО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОВАЛ, ПРОРЫВ, ВОЗМОЖНОСТЬ?

IMPACT OF THE CRISIS ON INNOVATION AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT: FAILURE, BREAKTHROUGH, OPPORTUNITY?

ДАНИЛИН ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ

Заведующий Отделом науки
и инноваций Национального исследовательского
института мировой экономики и международных
отношений им. Е.М. Примакова Российской
академии наук (ИМЭМО РАН), к.полит.н.

IVAN V. DANILIN

Head of Science and Innovation Department,
Primakov National Research Institute of World
Economy and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences, Candidate
in political sciences

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено влияние кризисов на развитие технологий и инноваций. В целом не подтверждается гипотеза о стимулирующем влиянии кризисов на прорывные технологии и инновации кроме двух исключений: экзогенных шоков, меняющих условия хозяйствования, и роста роли антикризисной политики, где с 2000-х годов усиливается акцент на прорывные технологии. Проанализированы рамочные факторы, способствующие стабилизации инновационно-технологической деятельности в кризис и повышению шансов на «прорывы». Важнейшим признано развитие институтов национальной инновационной системы и сектора «хай-тек».

ABSTRACT

Article analyzes innovative and technological development during the economic crises with focus on possible disruptions. Despite negative conditions, large high-tech companies and smart small and medium enterprises avoid failures in their technological and innovative activities in order to sustain competitive positions. However, the study generally does not support the neoschumpeterian theoretical proposition that crises may stimulate technological disruptions. We identified only two exceptions. Firstly, disruption may occur as a result of exogenous shocks that changes basic market conditions (supported by the cases of Oil Shocks and green energy systems, and COVID-19 pandemic and internet technologies). Secondly, since 2000s national anti-crisis policies may play a larger role in development of emerging technologies (as a factor of overcoming economic downturns). Article identifies development of high-tech sector and national innovation system institutions as key factors for stabilization of innovative and technological activities and for rising probability of disruption in crises.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Прорывные технологии; инновации; экономические кризисы; экзогенные шоки; инновационные системы; высокотехнологичный бизнес.

KEYWORDS

Emerging technologies; innovation; economic crisis; exogenous shocks; innovation systems; high-tech business.

2020 г. стал временем масштабных экономических потрясений. Пандемия COVID-19 и обусловленный ею карантин оказали серьезное негативное влияние на мировую экономику [22; 35]. Ситуация усугублялась тем, что эти события разворачивались на фоне таких вызовов глобальному развитию, как падение темпов прироста ВВП крупнейших экономик мира и особенно КНР, торговые войны, рост корпоративной задолженности. Даже без пандемии эти факторы вполне могли бы привести к новому глобальному кризису и рецессии.

Как и в период 2008–2009 гг., в ситуации COVID-кризиса одним из важнейших вопросов оказывается состояние и перспективы инновационно-технологических процессов. Учитывая роль науки, технологий и инноваций в обеспечении экономического роста, понимание закономерностей и потенциала их развития в условиях спада экономики получает огромное значение. Помимо чисто теоретических вопросов, речь идет также об оценках перспектив преодоления и последствий кризисов, а также о формировании адекватных антикризисных мер. Отдельной темой в данном случае являются т.н. перспективные и прорывные/подрывные («emerging», «disruptive») технологии и инновации, которые определяют принципиально новые возможности роста — вплоть до реструктуризации рынков и ВВП в целом. Тем более, что в современных условиях фокус на новых технологиях приобретает особое звучание в условиях обострения глобальной технологической конкуренции (включая

американо-китайскую «технологическую войну») и быстрого прогресса, если не сказать новой революции в сфере цифровых технологий.

В данной статье мы постараемся рассмотреть некоторые эмпирические наблюдения и теоретико-концептуальные построения, связанные с оценкой технологического и инновационного развития в условиях кризиса, включая предварительные оценки COVID-кризиса 2020 г., а также сделать выводы относительно возможных подходов к повышению устойчивости и/или инновационного потенциала экономики в условиях экономических потрясений.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРИЗИС: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Нет сомнений в том, что при прочих равных кризис не является временем, оптимальным для технологического и инновационного развития, как и, в целом, для создания и масштабирования передовых/прорывных технологий и инноваций.

Статистика однозначно свидетельствует о замедлении или «провалах» инновационно-технологического развития в условиях экономических спадов. Этот факт хорошо иллюстрируется данными по кризису 2008–2009 гг., который благодаря улучшению системы статистического наблюдения существенно повысил наши знания о динамике и характере технологических и инновационных процессов в период спада.

Важнейшим индикатором — и, одновременно, одной из ключевых причин, определяющих негативное влияние кризиса на технологии и инновации — оказывается сокращение затрат предприятий на исследования и разработки (ИР) [46; 33, р. 1322; 36, р. 24, 26, 28–29; 38; 4; 30, р. 11–18; 9, р. 365]. Это, в свою очередь, негативно влияет на инновационную

активность бизнеса в целом, включая темпы патентования [26; 36, р. 28].

Вполне предсказуемо причиной наблюдаемой динамики являются два взаимосвязанных макроэкономических фактора. С одной стороны, это падение спроса, с другой — снижение доступа к кредитам и инвестициям [17, р. 188; 36, р. 1, 6, 25–26; 9, р. 364–366; 26, р. 5]. Причем, по мнению ряда авторов, наиболее выражены ограничения на доступ к инновационно-ориентированному капиталу в кризис в тех экономиках, где ключевым источником ресурсов выступают банки (например, ЕС и Япония), традиционно относящиеся к менее рисковому игрокам финансового рынка [53; 9, р. 366].

Несмотря на общий негативный фон, влияние кризиса на различные категории инновационных предприятий и на различные отрасли неравномерно.

Пожалуй, наиболее тяжелая ситуация складывается для малых и средних предприятий (МСП) [36, р. 26, 34; 9, р. 361; 31]. Хотя благодаря динамизму и высокой креативности отдельные молодые — но далеко не всегда малые! — компании становились лидерами рынка в периоды экономических потрясений [36, р. 26], в целом следствием кризисов всегда является ухудшение условий их хозяйствования. Не имея мощных финансовых резервов и сильно завися от кредитных ресурсов и рыночной конъюнктуры, они не способны адекватным образом подпитывать инновационную деятельность. Причем это справедливо в том числе для стартапов, учитывая падение спроса, объемов и числа венчурных сделок в условиях кризисов [36, р. 26, 34; 32]. Сложная ситуация складывается и для МСП, входящих в стоимостные цепочки транснациональных корпораций, так как МСП нередко становятся «жертвами» оптимизации их затрат [17].

Несколько лучше обстоят дела у крупного, прежде всего, технологичного бизнеса. Имея более стабильный доступ к капиталу, огромные резервы и возможность перераспределять средства [4, р. 303, 305; 17; 36, р. 1, 36, р. 30–32; 53, р. 2], крупные корпорации в период кризисов могут избежать слишком серьезных «провалов» технологической и инновационной активности [33, р. 1327–1328; 36, р. 26; 4, р. 305; 2; 39, р. 268]. Сохранение этой закономерности подтверждается сохранением или достаточно быстрым восстановлением затрат на ИР среди крупных и сверхкрупных предприятий после кризиса 2008–2009 гг. [31; 47].

Наиболее высокая устойчивость технологической и инновационной активности наблюдается для крупного бизнеса из отраслей, имеющих продолжительные сроки реализации технологических проектов (например, фармацевтика, энергетика или аэрокосмическая сфера) [33, р. 1325].

И все же, даже крупные компании в период кризиса реализуют стратегию «пережидания». Они сокращают «лишние» инновационные мероприятия и корректируют планы реализации долгосрочных научно-технологических проектов [24; 33, р. 1322; 36; 39, р. 272; 9, р. 364–365]. Акцент при этом часто делается на улучшающих, а не на прорывных технологиях и инновациях [9, р. 364–365; 33, р. 1322], а также на процессных инновациях, снижающих издержки [36, р. 30]. В ряде случаев эксперты отмечают также рост интереса к так называемым «бережливым» (frugal) инновациям, связанным с созданием более простых и дешевых аналогов традиционных решений [36, р. 26].

Эмпирически мы, правда, знаем о существовании компаний-лидеров, которые в условиях негативной экономической конъюнктуры наращивают свои инновационные

затраты и активность [4, р. 309; 6]. Как афористично описал данный феномен известный экономист Д. Аркибуджи, «Умные компании понимают, что экономический кризис не будет длиться вечно» [5]. И все же это достаточно редкие случаи. Более того, часть из них связана с сугубо конъюнктурной реакцией на кризис: компании вынуждены изобретать новые способы поддержать свою деятельность. В этом случае эффективность инноваций может быть невелика и не ведет к существенным экономическим эффектам, а по мере нормализации ситуации предприятие может вернуться к «традиционному», менее инновационному *modus operandi* [25].

Однако, теоретически, неблагоприятные условия на макроуровне не означают, что отдельная группа подрывных технологий и инноваций и хозяйствующих субъектов, развивающих их, не способны обеспечить серьезные изменения на отдельных рынках и даже в экономике в целом. Тем более, что, используя идеи Т. Куна о парадигмах и концепции «подрывных» инноваций К. Кристенсена [56], подобные «революции» нередко зарождаются на периферии существующих рынков. Для того, чтобы полноценно проанализировать эту возможность, целесообразно рассмотреть как теоретические построения, так и некоторые исторические свидетельства о развитии перспективных/прорывных технологий и инноваций в условиях кризисов.

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ «ПРОРЫВЫ» В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

В теоретическом отношении проблематика развития передовых/прорывных технологий и инноваций в условиях экономических кризисов остается недостаточно исследованным вопросом. И это несмотря на то, что дискуссия идет со второй

половины XX в., а события 2008–2009 гг. не только вызвали умеренный рост интереса исследователей к данной теме, но и обеспечили науку новыми эмпирическими данными.

Проблематика исследуется или обсуждается преимущественно авторами, связанными с неошумпетерианскими идеями (Д. Аркибуджи, К. Перес и пр.) или близкими по духу к ним специалистами (Р. Флорида, Г. Менш и др.). В их теоретических построениях кризис является одним из моментов, стимулирующих процессы шумпетерианского «созидательного разрушения» («creative destruction»).

Это становится возможным, поскольку в кризис появляются условия для смены «старых» лидеров новым поколением малых [4, р. 303–305; 5, р. 1254, 1255; 39, р. 268; 9, р. 361–362] и/или молодых [4, р. 303–305; 6; 39, р. 268] предприятий, отличающихся большей гибкостью и динамизмом и способных запустить новую волну рыночно-отраслевых или более масштабных экономических перемен.

Этот фактор тесно взаимосвязан с двумя процессами.

Во-первых, в условиях негативной рыночной конъюнктуры наиболее динамичные предпринимательские компании приступают — часто вынужденно — к экспериментам с новыми продуктами и процессами. Что, кстати, опять же более характерно для малых/молодых компаний, в которых более выражено проявляется «предпринимательский дух». То есть кризис стимулирует проявление более общего шумпетерианского феномена предпринимательского «творческого ответа/реакции» на экономические и рыночные вызовы [3].

Во-вторых, что более важно, идея подобных трансформаций тесно связана с представлениями о «больших волнах» технологических изменений, в том числе в рамках концепций техно-экономических парадигм [21, 40; 58] или, в мень-

шей мере, технологических траекторий и парадигм [15]. С этой точки зрения наиболее глубокие, структурные и финансовые кризисы являются следствием завершения предшествующей инновационно-технологической «волны» или парадигмы. Поскольку бизнес крупных устоявшихся компаний-лидеров построен на устаревших базовых технологиях, в период кризиса у новых игроков, опирающихся на новые технологии, появляется шанс на лидерство. Соответственно, растут прежде всего молодые технологичные компании, ускоряется процесс реструктуризации отраслей/рынков, институты на волне потрясений начинают процесс адаптации к требованиям новых парадигм [15; 19; 34; 24; 36, р. 26; 4, р. 304–305; 5, р. 1254–1255; 7; 39, р. 303; 57; 58; 40; 27].

Казалось бы, данная гипотеза имеет предметные исторические подтверждения. Например, можно вспомнить появление синтетических материалов в период «Великой депрессии» 1930-х годов, начало «бума» персональных компьютеров (ПК) в период тяжелейшего структурного кризиса и нефтяных «шоков» 1970-х годов и т.д. [20; 21; 27; 34; 57].

Однако, даже опуская вопрос о «волнах» и парадигмах, роль кризисов *per se* в этом процессе весьма спорна. И даже сами современные неошумпетерианцы [4; 39, р. 272; 9, р. 361] де-факто признают, что в реальности картина выглядит куда сложнее — приводя весомые контраргументы против многих тезисов. Мы, в свою очередь, можем отметить, например, ключевую роль государства в прогрессе важнейших секторов прорывных технологий в 1940–1980-х годах. Эта деятельность была изначально слабо связана с экономическими мотивами и определялась не кризисами (если не брать в расчет возникающие ресурсные ограничения), а геополитическими и военно-техническими мотивами. Но и анализ истории

развития даже формально чисто коммерческих технологий ясно указывает на неоднозначность взаимосвязи между кризисами и всплесками инновационно-технологического развития — не говоря о появлении новых прорывных инноваций и технологий.

Хорошим примером является история персональных компьютеров (см., например, [1; 11; 37; 42; 44; 54]).

Процессор Intel 8080, сделавший технически возможным появление этого нового класса электронных устройств, стал следствием последовательного и длительного развития технологий и продуктовой линейки Intel, рассчитанной на уже сформировавшиеся бизнес-рынки. На его основе американской компанией «Micro Instrumentation and Telemetry Systems» (MITS) в 1974 г. был создан первый персональный компьютер Altair 8800, для которого был разработан ряд оригинальных решений, обеспечивших позднее взлет индустрии (прежде всего, универсальная компьютерная интерфейсная шина S-100). Однако Altair стал ответом MITS не на кризис 1973 г., а на падение прибыли от продаж калькуляторов. Что также было обусловлено не экономическим кризисом, а резким ростом конкуренции из-за удешевления компонентов и появления на рынке новых игроков, в т.ч. из числа компаний-производителей полупроводников [1; 44]. Что касается венчурных фондов, которые с середины 1970-х стали активно подпитывать быстрый рост индустрии, то, теоретически можно сделать вывод об их интересе к поиску новых, не вполне обычных сегментов сверхдоходных инвестиций в условиях экономического кризиса и стагфляции. Но сложно представить, что с учетом быстрого развития отрасли их стратегия была бы радикально иной, если бы в этот период наблюдался устойчивый экономический рост

ВВП США. В части потребления картина также слабо коррелирует с положениями неошумпетерианских теорий. С начала 1970-х годов и до конца десятилетия двигателем рынка выступал спрос со стороны растущего сообщества профессионалов и энтузиастов-любителей компьютерной техники [1; 11; 37; 42; 44; 54], который уходил корнями в 1960-е годы и с кризисом связан не был.

На последующем этапе развития технологий и рынка ПК (со второй половины 1970-х годов) огромную роль сыграл инженерно-технологический прорыв — от разработок С.Возняка для Apple I и II до новых программных решений — обеспечивший резкое удешевление и усовершенствование ПК. Связь этого прорыва с кризисом также не прослеживается. Скорее, налицо сочетание хорошо известного феномена участия пользователей и энтузиастов в совершенствовании новых технологий¹ и поступательного развития базовых отраслевых технологий (процессоры, чипы памяти и пр.). Появление новых поколений ПК и формирование рынка ПО привело к тому, что с конца 1970-х и в первой половине 1980-х (время очередного кризиса и рецессии) наблюдался стремительный рост спроса со стороны индивидуальных и бизнес-потребителей, школ и иных организаций, для которых новая техника стала доступной и удобной. Опять же, для финансового и корпоративного сообщества этот феномен можно было бы объяснить стремлением повысить производительность труда в условиях неоднозначной экономической динамики. Однако, во-первых, в начале-середине 1980-х годов влияние ПК на производительность труда в бизнес-секторе было не столь однозначно — что породило хорошо известный «парадокс Солоу» (см. исторический обзор проблемы и исследований

¹ См. об этом феномене в т.ч. применительно к сфере информационных технологий [43; 49].

в [13]). Но, что куда важнее, в исторической перспективе эти процессы вписываются в длительный устойчивый тренд на информатизацию американского бизнес-сектора, включая масштабирование с конца 1960-х годов компактных недорогих электронных решений: калькуляторов (часть из которых представляла собой примитивные компьютеры), мини- и микрокомпьютеров² [1; 11; 42; 44].

В целом, вполне вероятно, что кризисы 1970-1980-х годов оказали некоторое влияние на развитие технологий и индустрии ПК, но назвать его определяющим явно нельзя. Более того, нельзя утверждать, что благоприятная экономическая конъюнктура не привела бы к еще более выраженному росту спроса на ПК в середине-конце 1970-х и начале 1980-х годов — в том числе за счет более высоких доходов потребителей и доступности кредитов и инвестиций.

Единственными последствиями кризисов 1970-х годов, которые внесли действительно большой вклад в революцию ПК, можно назвать следующие процессы. Во-первых, это высвобождение научно-технологических и инженерных кадров — что подтверждается и для последующих спадов экономики [18; 24, р. 9; 42]. Сокращение финансирования долгосрочных и рискованных инновационно-технологических проектов в крупных корпорациях привело к *частичному* снижению занятости и, что едва ли не более важно, к поиску многими талантливыми работниками возможностей применения своим идеям и знаниям. Эти люди, как можно понять, действительно оказали выраженное влияние на инновационные и технологические процессы в сфере ПК. Во-вторых, с конца 1970-х на волне идей о «хай-тек» как

² По сути, понятие «микрокомпьютер» почти идентично термину ПК, но с учетом разных рынков назначения (микрокомпьютеры приобретались в основном бизнес-субъектами и потому, в частности, могли иметь несколько иную комплектацию) их нередко различают.

новом источнике экономического роста и действительно впечатляющих успехах венчурного сектора начался цикл реформирования регулирования инвестиций в этот сегмент, трансфера технологий, интеллектуальной собственности. Хотя эти процессы были неизбежны, кризис, очевидно, подстегнул их реализацию.

За пределами компьютерной революции 1970-1980-х годов отсутствие прямой зависимости между кризисами и динамикой технологического развития было подтверждено исследованиями Отделения изучения научной политики (SPRU) Университета Сассекса под руководством знаменитого исследователя экономики инноваций и национальных инновационных систем К. Фримена (см., например: [19; 20; 21]).

Таким образом, тот факт, что всплеск развития или масштабирования инноваций и технологий — особенно прорывных — иногда приходится на кризисные периоды, еще не дает оснований для подтверждения однозначной положительной связи: тезис «post hoc ergo propter hoc» в данном случае неприменим. Можно утверждать, что в большинстве случаев наблюдаемые процессы были обусловлены сочетанием научно-технологических прорывов и устойчивых долгосрочных изменений спроса. Кризисы же могли придать дополнительный стимул к изменениям, причем скорее институциональным, чем технологическим.

Но даже если однозначная взаимосвязь инновационных и технологических прорывов и кризисов (прежде всего, структурных) выглядит недоказанной, можно ли говорить о том, что совпадение подобных прорывов и кризисов всегда носит случайный характер?

КРИЗИС КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОРЫВА: ЗА ПРЕДЕЛАМИ «ВОЛН»

Как можно понять, существует как минимум несколько групп событий, где прослеживается прямая взаимосвязь между кризисом и развитием прорывных технологий и инноваций.

Во-первых, общий исторический обзор кризисов показывает, что, возможно, наибольшие эффекты для инновационно-технологического развития возникают в случае, когда одной из их основных причин оказывается мощный экзогенный шок неэкономического характера. Подобные шоки существенно меняют условия хозяйствования и требования к развитию отдельных рынков, отраслей или экономики в целом, запуская интенсивный поиск альтернатив. Что естественным образом приводит к появлению новых прорывных технологий и инноваций. Используя терминологию Дж. Доузи, можно было бы сказать, что в периоды подобных шоков происходит корректировка требований к новым технологическим траекториям [15].

Исторически одним из наиболее характерных примеров являются энергетические кризисы 1970-х годов, спровоцированные арабо-израильскими конфликтами и революцией в Иране [45], а также ценовой «супербум» на рынках энергоносителей в конце 2000-х — начале 2010-х годов. Эти процессы привели к интенсификации научно-технологических и инновационных усилий по развитию альтернативной энергетики и транспортных средств. Рост «зеленых» технологий в Западной и Северной Европе, позднее в США и ЕС в конце 2000-х — первой половине 2010-х годов был настолько значим [23], что ряд критиков даже стали именовать феномен «Зеленым пузырем» [50]. В долгосрочной перспективе эти

события, однако, обеспечили реальные условия прорывов и быстрого масштабирования новых энергетических и транспортных технологий, которые уже зримо меняют архитектуру отраслей и рынков.

Новым и вполне доказательным примером можно считать и пандемию COVID-19 в 2020 г. Опуская ожидаемые существенные инновационно-технологические перемены в сфере здравоохранения и фармацевтики, карантин, как следствие коронавируса, резко повысил спрос на цифровые услуги, придав мощнейший инновационный и технологический импульс развитию интернет-экономики отдельных стран, цифровизации рынков и отраслей (см., например: [14; 16; 29; 52]).

Дополнительным доказательством взаимосвязи экзогенных шоков и инновационных и технологических «всплесков» может служить тот факт, что она актуальна и для иных форм инноваций. Хороший пример дают организационные инновации в гуманитарной сфере в ответ на природные катаклизмы и тому подобные потрясения [8].

Заметим, что помимо стимулов к развитию новых технологий и инноваций, кризисы и особенно экзогенные шоки позволяют также обеспечить ускоренное масштабирование некоторых существующих перспективных и прорывных решений, более адекватно отвечающих на новые вызовы. Так, уже упомянутый энергетический кризис 1970-х годов обеспечил мощный стимул к масштабированию энергоэффективных технологий, а пандемия 2020 г. — решений, связанных с онлайн-торговлей, удаленной работой и проч. Что, в свою очередь, нередко прокладывает путь для новых, уже прорывных технологий и инноваций.

Во-вторых, новые возможности развития прорывных технологий и инноваций в кризис связаны с изменением го-

сударственных подходов к антикризисной экономической политике.

Исторически масштабные инновационно-технологические прорывы в ответ на экзогенные шоки инициировало именно государство, прежде всего как источник средств на новые научно-исследовательские работы, но также на технологическую деятельность и даже на инновационное экспериментирование. Но быстрый рост сектора «хай-тек» и глобальной конкуренции в данной сфере, цифровая революция и иные факторы наглядно продемонстрировали для регуляторов значение инноваций и технологий для экономического развития и лидерства в кризис. Как следствие, уже по итогам кризиса 2008–2009 гг. власти США, наиболее развитых стран ЕС, Китая и ряда иных государств акцентировали в составе антикризисных мер проекты и программы, связанные с поддержкой прежде всего «зеленых» прорывных технологий и инновациями с целью перезапуска экономики на новой технологической основе (см., например: [30; 24; 55]).

Столь системный подход с фокусом именно на инновационно-технологических прорывах наблюдался, пожалуй, впервые, но все факты свидетельствуют в пользу того, что он будет использоваться и далее. Другой вопрос, что ключевые игроки скорректировали свои стратегии с учетом достаточно смешанных итогов госполитики 2008–2010 гг. (несмотря на вполне реальный «зеленый» прорыв, наиболее значимыми для экономического роста крупных стран стали в итоге не «зеленые», а цифровые решения). Так, по итогам кризиса 2020 г. новый суперцикл адресного стимулирования узкой группы прорывных технологий и инноваций запущен не был, но в ЕС, США, КНР и иных странах реализуются планы по наращиванию ИР, иных расходов и инве-

стиций по широкому фронту передовых технологий [28; 48; 51]. При этом в наиболее перспективной цифровой сфере в 2020 г. все большую роль — в том числе в рамках государственно-частных партнерств — стали играть сверхкрупные интернет-платформы (Amazon, Alibaba, Tencent, Facebook и пр.). Вероятно, в будущем инновационно-технологический сегмент национальных антикризисных стратегий будет организован по подобному матричному принципу, совмещающему ГЧП и сложные комбинации государственных и корпоративных усилий. Подобная стратегия имеет даже более высокие шансы на успех, что формирует новый фактор прорывного развития в условиях кризисов.

РАМОЧНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Прорывное инновационно-технологическое развитие, особенно в условиях кризиса, является самым желательным, но с теоретической и практической точки зрения — и самым проблематичным сценарием. В этом отношении — и с учетом общего негативного фона для технологий и инноваций в условиях кризиса — весьма актуален вопрос об определении факторов, способствующих повышению общего потенциала и стабильности инновационно-технологической деятельности в условиях экономических спадов. С одной стороны, с учетом сложнопредсказуемого характера кризисов и научно-технических прорывов, обеспечение условий поступательного развития оказывается рациональной стратегией и важной теоретической задачей. С другой — сам сценарий «прорыва» в условиях стабильных инновационно-технологических процессов может иметь более высокие шансы на успех.

Кризис 2008–2009 гг. дает нам удовлетворительный первичный материал для анализа.

На уровне предприятий можно выделить две группы факторов. В организационном отношении авторы, например, акцентируют высокое значение баланса между внутренними и внешними источниками знаний (в т.ч. наличие у предприятия собственной лаборатории или иной структуры ИР) [4, р. 309–311]. Более важную и системную роль играют организационный и человеческий капитал, а также предпринимательская культура (или, как сказал бы Й. Шумпетер, «предпринимательский дух»). В своей совокупности они обеспечивают способность компании обратить кризис в возможность развития новых технологий и инноваций.

Проблема, однако, заключается в том, что актуализация этих факторов находится в прямой зависимости от индивидуальных, качественных характеристик предприятий и их владельцев/руководства. А, значит, в данном случае корректный анализ инновационно-технологического потенциала субъектов представляет собой серьезную методическую и теоретическую проблему. Мало того, что подобные качественные характеристики сложно соотнести с какими-либо конкретными типовыми процессами или индикаторами, но даже размер и тип предприятий (скажем, молодые малые инновационные компании) не всегда являются надежными указателями на способность компании к реальным инновациям в условиях кризиса. Аналогичным образом крайне сложно сформировать идеальный комплекс требований и мероприятий, которые позволят в условиях кризиса адресно стимулировать развитие нужных форм организационного капитала, кадрового потенциала и культуры, найти и поддержать предприятия-лидеры

или же масштабировать их лучшие практики на сторонние компании.

В этих условиях более надежными оказываются рамочные отраслевые и макроэкономические факторы.

Во-первых, важным условием оказывается наличие мощного и развитого сектора высокотехнологичной промышленности и наукоемких услуг («хай-тек»). С одной стороны, как уже отмечалось выше, инновационно-технологическая деятельность этих предприятий демонстрирует наибольшую устойчивость к негативной экономической конъюнктуре [4, р. 303, 305; 17, р. 188; 36, р. 30–32; 12; 53, р. 1–2]. Кадровый, технологический, компетенционный и организационный капитал является для них ключевым конкурентным ресурсом. Поэтому они не могут допустить «провала» в его воспроизводстве и развитии даже в кризис, поддерживая высокий уровень своих научно-технологических и инновационных процессов (даже несмотря на оптимизацию затрат). Интересно, что это справедливо как для тех отраслей «хай-тек», где ИР имеют долгосрочный характер (фокус на сохранении преемственности работ и проектов), так и для тех, где фиксируется быстрое обновление продуктовых линеек и связанных с ними технологий (пассивность чревата отставанием или потерей возможности контроля над новыми трендами). Именно поэтому, например, в кризис 2008–2009 гг. на фоне революции смартфонов и начала «бума» интернет-рынков компании информационно-коммуникационного сектора не только не снизили, но и нарастили свои ИР [36, р. 30–32]. С другой стороны, рассмотренные выше качественные характеристики имеют для сектора «хай-тек» вполне предметное выражение. Так, в связи с высокой конкуренцией вполне логично пред-

положить, что человеческий и организационный капитал, частично «предпринимательский дух» компаний «хай-тек» существенно выше, чем по экономике в целом. А кадрово-компетенционный ресурс крупных, особенно высокотехнологичных предприятий, как уже отмечалось, в кризис также может стать «питательной средой» формирования новых инноваций и технологических решений.

Наличие мощного сектора «хай-тек» тесно связано с другим фактором, определяющим устойчивость инновационно-технологических процессов к кризису — равно как и способность подпитывать, развивать или масштабировать «прорывные» решения. Речь идет об институтах национальной инновационной системы (НИС) и взаимосвязанном вопросе национальной инновационной культуры. Эмпирически подтверждается факт, что развитая НИС и культура позволяют существенно смягчить влияние кризиса на инновационные процессы в бизнес-секторе и в экономике в целом и сохранить их динамизм [17; 41]. Это подтверждается даже таким вполне предметным вопросом, как доступ к «умному» капиталу [9, р. 366; 53]. С теоретической точки зрения это явление хорошо объяснимо. Ведь даже в кризис элементы и процессы НИС продолжают функционировать, будь то квалифицированные инвесторы или корпоративный и потребительский спрос на технологии и инновации как фактор конкурентоспособности. При этом для развитых НИС, по крайней мере теоретически, характерны высокие показатели человеческого капитала, предпринимательской культуры, сложных открытых взаимосвязей между различными субъектами инновационно-технологических процессов и пр., что хорошо коррелирует с организационными и институциональными требованиями к предприятиям с высокой инновационной устойчивостью к кризисам.

Таким образом, можно сделать предсказуемый вывод о том, что в страновом и отраслевом разрезах для инновационно-технологических процессов в условиях кризиса характерен выраженный «эффект Матфея». Иными словами, вероятность появления/масштабирования прорывных решений или хотя бы минимизации «провала» инновационно-технологической деятельности в кризис существует и в неоптимальной инновационной среде. Но в общем случае сильные и диверсифицированные в сторону «хай-тек» национальные и отраслевые инновационные системы имеют лучшие шансы на реализацию обоих процессов.

Конечно, не стоит сбрасывать со счетов инновационно-технологическую политику государства, которая способна существенно скорректировать тренды и компенсировать институциональные и иные «провалы». Однако, она имеет существенные ограничения и до сих пор остается скорее искусством, нежели апробированной и методически выверенной практикой. К тому же в условиях наблюдаемых быстрых изменений она сама претерпевает инновационную трансформацию, развивая и адаптируя новую культуру и инструментарий. Опять же, маловероятно, что этот процесс в слабых НИС идет эффективнее, чем в наиболее развитых или быстро развивающихся.

Все это не означает риска вечного отставания развивающихся НИС. Помимо чисто экономических соображений, вышеуказанные гипотезы свидетельствуют лишь о том, что наряду с выборочной поддержкой прорывных технологий и инноваций принципиально важна постоянная и последовательная работа по усилению НИС и ее высокотехнологичного сегмента как «питательного бульона» для новых горизонтов развития. И проблема состоит лишь в том, что

эта стратегия в условиях кризиса нередко рассматривается как недостаточная — в том числе (де-факто) различными теоретиками.

Выводы

Проблематика инновационно-технологического развития (особенно прорывного!) в условиях кризиса является и теоретически, и эмпирически крайне непростой темой. Это тем более верно, что каждый кризис по-своему уникален — что прекрасно иллюстрируют события 2020 г. Таким образом, экстраполяция выводов, сделанных по итогам изучения любого, одного, пусть и весьма масштабного, кризиса, не всегда может быть релевантна для иных случаев. И все же исследования последствий кризиса 2008–2009 гг. и некоторые предварительные итоги COVID-кризиса 2020 г. (как наиболее изученные с точки зрения влияния на инновационно-технологические процессы) дают нам основания сделать несколько важных выводов.

Тезис о (крупном) экономическом кризисе как явлении, стимулирующем или порождающем инновационно-технологический прорыв, находит очень ограниченное подтверждение. Экономические потрясения действительно могут открыть «окно возможностей» или побудить отдельные наиболее динамичные предприятия к активизации инновационной деятельности, определяя их успех на «рынках будущего». Но если отвлечься от успехов конкретных инновационных бизнес-стратегий, за каждой по-настоящему масштабной инновационно-технологической трансформацией стоят не так флуктуации экономической конъюнктуры, как долгосрочные социально-экономические и научно-технологические процессы (вполне возмож-

но определяемые феноменом «волн» или иными сложными закономерностями). И кризисы здесь являются даже не триггером, а, скорее, дополнительным фактором преобразований. Основной их эффект в данном случае может заключаться в усилении эффектов перелива и оптимизации использования существующих кадрово-компетенционных ресурсов, а также (в части уже сложившихся технологических трендов) трансформации институтов и регулирования ради улучшения условий реализации передовой хозяйственной, в том числе инновационно-технологической практики с целью преодоления спада и его последствий. Последнее, кстати, коррелирует с некоторыми неошумпетерианскими тезисами [21; 57]. Еще одним фактором влияния кризиса на прорывные технологии и инновации становится и его своего рода «побочный» эффект — а именно, научно-технологический и инновационный сегмент антикризисной политики, чье значение существенно выросло в последние 10 лет. Оптимизация подходов к реализации госполитики, предположительно, превратит ее в более действенный фактор развития прорывных технологий.

Более значима взаимосвязь кризисов и развития прорывных технологий и инноваций в случае, если причиной или важным фактором кризиса выступает экзогенный шок, меняющий условия хозяйствования. В существующей литературе этот фактор существенно недооценивается, однако, предположительно, анализ подобных «внешних факторов» кризисов (в том числе на рыночном и отраслевом уровне) может существенно улучшить наше понимание рассматриваемых явлений и процессов.

Однако в любом случае, реализация «прорывного сценария» в кризис не является априорной даже при идеаль-

ном сочетании условий. Успех определяется прежде всего высокой экономической и институциональной готовностью экономики: наличием развитой НИС или ее динамичным развитием, функционирование таких ее критических элементов, как «умный» капитал, мощный сектор «хайтек», предпринимательская культура и пр.

В заключение заметим, что хотя представленная выше работа и существующие исследования и данные улучшают наше понимание инновационно-технологических процессов в условиях кризиса, очевидно, что требуется более масштабное исследование и теоретизация проблемы. Это касается как изучения и концептуализации COVID-кризиса 2020 г., так и отраслевого измерения кризисов, анализа культурно-институциональных факторов и пр. — тем более, что растущий объем статических и иных эмпирических данных дает богатый материал для подобной работы.

Библиографический список

1. Allan R.A. A History of the Personal Computer: the people and the technology. London (Canada): Allan Publishing, 2001. 528 p.
2. Amore M.D. Companies learning to innovate in recessions // Research Policy. 2015. Vol. 44. № 8. Pp. 1574–1583. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.05.006>.
3. Antonelli C. Innovation as a Creative Response. A Reappraisal of the Schumpeterian Legacy // History of Economic Ideas. 2015. Vol. 23. Issue 2. P. 99–118.
4. Archibugi D., Filippetti A., Frenz M. Economic crisis and innovation: Is destruction prevailing over accumulation? // Research Policy. 2013. Vol. 42. Pp. 303– 314. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.07.002>.
5. Archibugi D., Filippetti A., Frenz M. The impact of the economic crisis on innovation: Evidence from Europe // Technological Forecasting

- & Social Change. 2013. Vol. 80. Pp. 1247–1260. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2013.05.005>.
6. Archibugi D. Blade Runner economics: Will innovation lead the economic recovery? // *Research Policy*. 2017. Vol. 46. Issue 3. Pp. 535–543. <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2016.01.021>.
 7. Berchicci L., Tucci C.L., Zazzara C. The influence of industry downturns on the propensity of product versus process innovation // *Ind. Corp. Change*. 2014. Vol. 23. № 2. Pp. 429–465. <https://doi.org/10.1093/icc/dtt011>.
 8. Bessant J., Rush H., Trifilova A. Crisis-driven innovation: The case of humanitarian innovation // *International Journal of Innovation Management*. 2015. Vol. 19. Issue 6. Pp. 1–17. <https://doi.org/10.1142/S1363919615400149>.
 9. Brem A., Nylund P., Viardot E. The impact of the 2008 financial crisis on innovation: A dominant design perspective // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 110. Pp. 360–369. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.01.048>.
 10. Carayannis E.G., Gonzalez E., Wetter J. The Nature and Dynamics of Discontinuous and Disruptive Innovations from a Learning and Knowledge Management Perspective. In: *The International Handbook on Innovation*. Ed. by Shavinina L.V. Oxford: Elsevier, 2003. Pp. 115–138. <https://doi.org/10.1016/b978-008044198-6>.
 11. Ceruzzi P.E. *A history of modern computing*. 2nd ed. The MIT Press, 2003. 460 pp.
 12. Colombo M.G., Piva E., Quas A., Rossi-Lamastra C. How high-tech entrepreneurial ventures cope with the global crisis: changes in product innovation and internationalization strategies // *Industry and Innovation*. 2016. Vol. 23. Issue 7. pp. 647–671. <https://doi.org/10.1080/13662716.2016>.
 13. Crafts N. The Solow Productivity Paradox in Historical Perspective. [Электронный ресурс]. CEPR Discussion Papers №3142. Center for

- Economic Policy Research. URL: <https://ideas.repec.org/p/cpr/ceprdp/3142.html> (дата обращения: 15.09.2020).
14. De' R., Pandey N., Pal A. Impact of digital surge during Covid-19 pandemic: A viewpoint on research and practice // International Journal of Information Management (In Press, Corrected Proof). International Journal of Information Management. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102171>.
 15. Dosi G. Technological paradigms and technological trajectories: A suggested interpretation of the determinants and directions of technical change // Research Policy. 1982. Vol. 11. Issue 3. Pp. 147-162. [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(82\)90016-6](https://doi.org/10.1016/0048-7333(82)90016-6).
 16. E-Commerce, Trade and the COVID-19 Pandemic. Information Note. [Электронный ресурс]. The World Bank. 04.05.2020. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/e-commerce_report_e.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
 17. Filippetti A., Archibugi D. Innovation in times of crisis: National Systems of Innovation, structure, and demand // Research Policy. 2011. Vol. 40. Pp. 179–192. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2010.09.001>.
 18. Fitzgerald E., Wankler A., Schramm C. Inside real innovations. Singapore: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2011. 248 p.
 19. Freeman C. Innovation and long cycles of economic development. Paper presented at the International Seminar on Innovation and Development at the Industrial Sector. [Электронный ресурс]. Economics Department, University of Campinas, Campinas, August 25, 26 and 27, 1982. 13 p. URL: https://www.enterrasolutions.com/media/docs/2013/02/JoseCassiolato_2.pdf (дата обращения: 22.08.2020).
 20. Freeman C., Clark J., Soete L.L.G. Unemployment and Technical Innovation: A Study of Long Waves in Economic Development. London: Pinter, 1982. 214 p.

21. Freeman C., Perez C. Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behaviour. In: Technical Change and Economic Theory. Dosi et al. (eds.). London: Francis Pinter, 1988. pp. 38–66.
22. Global Economic Prospects. World Bank. Washington, DC: World Bank, 2020. 234 p. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1553-9>.
23. Global trends in renewable energy investment 2019. [Электронный ресурс]. Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF. 2019. Global Trends in Renewable Energy Investment 2019. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/29752/GTR2019.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
24. Guellec D., Wunsch-Vincent S. Policy Responses to the Economic Crisis: Investing in Innovation for Long-Term Growth. [Электронный ресурс]. OECD, 2009. 37 p. URL: <https://www.oecd.org/sti/42983414.pdf> (дата обращения: 11.07.2020).
25. Hansen E., Nybakk E. Response to the global financial crisis: a follow-up study // Journal of Innovative Entrepreneurship. 2018. Vol. 7. № 7. 12 p. <https://doi.org/10.1186/s13731-018-0087-2>.
26. Hardy B., Sever C. Financial Crises and Innovation. [Электронный документ]. BIS Working Papers No 846. Bank for International Settlements. March 2020. URL: <https://www.bis.org/publ/work846.pdf> (дата обращения: 12.08.2020)
27. Hausman A., Johnston W.J. The role of innovation in driving the economy: Lessons from the global financial crisis // Journal of Business Research. 2014. Vol. 67. pp. 2720–2726. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.03.021>.
28. Heney P., Studt T. Global R&D Funding Forecast: Special mid-year update, Part 1. [Электронный ресурс]. R&D World. 19.08.2020. URL: <https://www.rdworldonline.com/global-rd-funding-forecast-special-mid-year-update-part-1/> (дата обращения: 09.09.2020).
29. How COVID-19 has pushed companies over the technology tipping point—and transformed business forever. [Электронный ресурс]

- McKinsey Digital and Strategy & Corporate Finance Practices. October 2020. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Strategy%20and%20Corporate%20Finance/Our%20Insights/How%20COVID%2019%20has%20pushed%20companies%20over%20the%20technology%20tipping%20point%20and%20transformed%20business%20forever/How-COVID-19-has-pushed-companies-over-the%20technology%20tipping-point-vF.pdf?shouldIndex=false> (дата обращения: 01.10.2020).
30. Izsak K., Markianidou P., Lukach R., Wastyn A. The impact of the crisis on research and innovation policies. [Электронный ресурс] Study for the European Commission DG Research by Technopolis Group Belgium and Idea Consult. 2013. 95 p. URL: https://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/expert-groups/ERIAB_pb-Impact_of_financial_crisis.pdf (дата обращения: 22.08.2020).
 31. Jaruzelski B., Dehoff K. Profits Down Spending Steady: The Global Innovation 1000. [Электронный ресурс]. Booz & Company, Strategy + Business. Issue 57. 2009. URL: <https://www.strategy-business.com/article/09404a?gko=2f550> (дата обращения: 15.08.2020).
 32. Kuckertz A., Brändle L., Gaudig A., Hinderer S., Reyes S.A.M., Prochotta A., Steinbrink K.M., Berger E.S.C. Startups in times of crisis — A rapid response to the COVID-19 pandemic // Journal of Business Venturing Insights. 2020. Vol. 13. 13 p. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00169>.
 33. Laperche B., Lefebvre G., Langlet D. Innovation strategies of industrial groups in the global crisis: Rationalization and new paths // Technological Forecasting & Social Change. 2011. Vol. 78. Pp. 1319–1331. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2011.03.005>.
 34. Mensch G., Schnopp R. Stalemate in Technology, 1925–1935: The Interplay of Stagnation and Innovation. [Электронный ресурс]. In W. H. Schröder, & R. Spree (Eds.), Historische Konjunkturforschung.

- Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. pp. 60-74. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-340157> (дата обращения: 16.07.2020).
35. OECD Economic Outlook. Vol. 2020. Issue 1. № 107. OECD, 2020. 333 p. <https://doi.org/10.1787/0d1d1e2e-en>.
 36. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012. Paris: OECD Publishing, 2012. 464 p.
 37. O'Mara M. The Code: Silicon Valley and the Remaking of America. N.Y.: Penguin Press, 2019. 511 p.
 38. Paunov C. The global crisis and firms' investments in innovation // Research Policy. 2012. Vol. 41. № 1. Pp. 24–35. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2011.07.007>.
 39. Pereira E.T. innovation and Entrepreneurship during the economic crisis. In: Handbook of Research on Entrepreneurship, Innovation, and Internationalization. Ed. by Teixeira N. M., da Costa T.G. Lisboa I.M. 2019. P. 258–274. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8479-7.ch010>.
 40. Perez C. Unleashing a golden age after the financial collapse: Drawing lessons from history // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2013. Vol.6. Pp. 9-23. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2012.12.004>.
 41. Petrakis P.E., Kostis P.C., Valsamis D.G. Innovation and competitiveness: Culture as a long-term strategic instrument during the European Great Recession // Journal of Business Research. 2015. Vol. 68. Pp. 1436–1438. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.01.029>.
 42. Rao A., Scarufi P. A History of Silicon Valley. 2nd Edition. Palo Alto: Omniware Group, 2013. 556 p.
 43. Rogers E. Diffusion of Innovations. 4th edition. N.Y.: Free Press, 1995. 525 p.
 44. Swaine M., Freiburger P. Fire in the Valley: The Birth and Death of the Personal Computer. 3rd Edition. Pragmatic Works Inc Programmers, 2014. 424 p.

45. Taalbi J. What drives innovation? Evidence from economic history // Research Policy. 2017. Volume 46. Issue 8. Pp. 1437-1453. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.06.007>.
46. The 2010 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. European Commission — Joint Research Centre. Joint Research Centre. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC61230/jrc61230.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
47. The 2011 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. European Commission — Joint Research Centre. Joint Research Centre. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC67197/lfn24977enn.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
48. The 2021-2027 Multiannual Financial Framework: Digital shines through in the EU's long-term budget [Электронный ресурс]. Last update: 23.09.2020. URL; <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/2021-2027-multiannual-financial-framework-digital-shines-through-eus-long-term-budget> (дата обращения: 01.10.2020).
49. von Hippel E.A. Democratizing Innovation. Cambridge: The MIT Press, 2005. 216 p.
50. Wimmer P. The Green Bubble: Our Future Energy Needs and Why Alternative Energy Is Not the Answer. LID Publishing, 2016. 256 p.
51. Xi Focus: Xi stresses development of science, technology to meet significant national needs [Электронный ресурс]. Xinhua. 12.09.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/12/c_139361891.htm (дата обращения: 22.09.2020).
52. Xiao Y., Fan Z. 10 technology trends to watch in the COVID-19 pandemic. [Электронный ресурс]. World Economic Forum. 27.04.2020. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/10-tech0-technology-trends-coronavirus-covid19-pandemic-robotics-telehealth/> (дата обращения: 11.09.2020).

53. Zouaghi F., Sánchez M., Martínez M.G. Did the global financial crisis impact firms' innovation performance? The role of internal and external knowledge capabilities in high and low tech industries // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 132. Pp. 92–104. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.01.011>.
54. Возняк С., Смит Дж. Стив Джобс и я: подлинная история Apple. М.: Эксмо, 2012. 286 с.
55. Иванова Н., Данилин И. Антикризисные программы в инновационной сфере // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 1. С. 26–37.
56. Кристенсен К. Дилемма инноватора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 239 с.
57. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. М.: Дело, 2011. 231 с.
58. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М.: Классика XXI, 2012. 240 с.

References

1. Allan R.A. *A History of the Personal Computer: the people and the technology*. London (Canada): Allan Publishing, 2001. 528 p.
2. Amore M.D. Companies learning to innovate in recessions // *Research Policy*. 2015. Vol. 44. № 8. Pp. 1574–1583. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.05.006>.
3. Antonelli C. Innovation as a Creative Response. A Reappraisal of the Schumpeterian Legacy // *History of Economic Ideas*. 2015. Vol. 23. Issue 2. P. 99–118.
4. Archibugi D., Filippetti A., Frenz M. Economic crisis and innovation: Is destruction prevailing over accumulation? // *Research Policy*. 2013. Vol. 42. Pp. 303–314. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.07.002>.
5. Archibugi D., Filippetti A., Frenz M. The impact of the economic crisis on innovation: Evidence from Europe // *Technological Forecasting*

- & Social Change. 2013. Vol. 80. Pp. 1247–1260. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2013.05.005>.
6. Archibugi D. Blade Runner economics: Will innovation lead the economic recovery? // *Research Policy*. 2017. Vol.46. Issue 3. Pp. 535–543. <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2016.01.021>.
 7. Berchicci L., Tucci C.L., Zazzara C. The influence of industry downturns on the propensity of product versus process innovation // *Ind. Corp. Change*. 2014. Vol. 23. № 2. Pp. 429–465. <https://doi.org/10.1093/icc/dtt011>.
 8. Bessant J., Rush H., Trifilova A. Crisis-driven innovation: The case of humanitarian innovation // *International Journal of Innovation Management*. 2015. Vol. 19. Issue 6. Pp. 1–17. <https://doi.org/10.1142/S1363919615400149>.
 9. Brem A., Nylund P., Viardot E. The impact of the 2008 financial crisis on innovation: A dominant design perspective // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 110. Pp. 360–369. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.01.048>.
 10. Carayannis E. G., Gonzalez E., Wetter J. The Nature and Dynamics of Discontinuous and Disruptive Innovations from a Learning and Knowledge Management Perspective. In: *The International Handbook on Innovation*. Ed. by Shavinina L.V. Oxford: Elsevier, 2003. Pp. 115–138. <https://doi.org/10.1016/b978-008044198-6>.
 11. Ceruzzi P.E. *A history of modern computing*. 2nd ed. The MIT Press, 2003. 460 pp.
 12. Colombo M.G., Piva E., Quas A., Rossi-Lamastra C. How high-tech entrepreneurial ventures cope with the global crisis: changes in product innovation and internationalization strategies // *Industry and Innovation*. 2016. Vol. 23. Issue 7. pp. 647–671. <https://doi.org/10.1080/13662716.2016>.
 13. Crafts N. The Solow Productivity Paradox in Historical Perspective. CEPR Discussion Papers №3142. Center for Economic Policy Research. URL: <https://ideas.repec.org/p/cpr/ceprdp/3142.html> (accessed: 15.09.2020).

14. De' R., Pandey N., Pal A. Impact of digital surge during Covid-19 pandemic: A viewpoint on research and practice // International Journal of Information Management (In Press, Corrected Proof). International Journal of Information Management. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102171>.
15. Dosi G. Technological paradigms and technological trajectories: A suggested interpretation of the determinants and directions of technical change // Research Policy. 1982. Vol. 11. Issue 3. Pp. 147–162. [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(82\)90016-6](https://doi.org/10.1016/0048-7333(82)90016-6).
16. E-Commerce, Trade and the COVID-19 Pandemic. Information Note. The World Bank. 04.05.2020. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/ecommerce_report_e.pdf (accessed: 21.09.2020).
17. Filippetti A., Archibugi D. Innovation in times of crisis: National Systems of Innovation, structure, and demand // Research Policy. 2011. Vol. 40. Pp. 179–192. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2010.09.001>.
18. Fitzgerald E., Wankel A., Schramm C. Inside real innovations. Singapore: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2011. 248 p.
19. Freeman C. Innovation and long cycles of economic development. Paper presented at the International Seminar on Innovation and Development at the Industrial Sector. . Economics Department, University of Campinas, Campinas, August 25, 26 and 27, 1982. 13 p. URL: https://www.enterrasolutions.com/media/docs/2013/02/JoseCassiolato_2.pdf (accessed: 22.08.2020).
20. Freeman C., Clark J., Soete L.L.G. Unemployment and Technical Innovation: A Study of Long Waves in Economic Development. London: Pinter, 1982. 214 p.
21. Freeman C., Perez C. Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behaviour. In: Technical Change and Economic Theory. Dosi et al. (eds.). London: Francis Pinter, 1988. pp. 38-66.

22. Global Economic Prospects. World Bank. Washington, DC: World Bank, 2020. 234 p. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1553-9>.
23. Global trends in renewable energy investment 2019. Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF. 2019. Global Trends in Renewable Energy Investment 2019. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/29752/GTR2019.pdf> (accessed: 01.07.2020).
24. Guellec D., Wunsch-Vincent S. Policy Responses to the Economic Crisis: Investing in Innovation for Long-Term Growth. OECD, 2009. 37 p. URL: <https://www.oecd.org/sti/42983414.pdf> (accessed: 11.07.2020).
25. Hansen E., Nybakk E. Response to the global financial crisis: a follow-up study // Journal of Innovative Entrepreneurship. 2018. Vol. 7. № 7. 12 p. <https://doi.org/10.1186/s13731-018-0087-2>.
26. Hardy B., Sever C. Financial Crises and Innovation. BIS Working Papers No 846. Bank for International Settlements. March 2020. URL: <https://www.bis.org/publ/work846.pdf> (accessed: 12.08.2020)
27. Hausman A., Johnston W.J. The role of innovation in driving the economy: Lessons from the global financial crisis // Journal of Business Research. 2014. Vol. 67. pp. 2720–2726. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.03.021>.
28. Heney P., Studt T. Global R&D Funding Forecast: Special mid-year update, Part 1. [Электронный ресурс]. R&D World. 19.08.2020. URL: <https://www.rdworldonline.com/global-rd-funding-forecast-special-mid-year-update-part-1/> (дата обращения: 09.09.2020).
29. How COVID-19 has pushed companies over the technology tipping point—and transformed business forever. McKinsey Digital and Strategy & Corporate Finance Practices. October 2020. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Strategy%20and%20Corporate%20Finance/Our%20Insights/How%20COVID%2019%20has%20pushed%20companies%20over%20the%20technology%20tipping%20point%20and%20transformed%20business%20>

- forever/How-COVID-19-has-pushed-companies-over-the%20technology%20tipping-point-vF.pdf?shouldIndex=false (accessed: 01.10.2020).
30. Izsak K., Markianidou P., Lukach R., Wastyn A. The impact of the crisis on research and innovation policies. Study for the European Commission DG Research by Technopolis Group Belgium and Idea Consult. 2013. 95 p. URL: https://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/expert-groups/ERIAB_pb-Impact_of_financial_crisis.pdf (accessed: 22.08.2020).
 31. Jaruzelski B., Dehoff K. Profits Down Spending Steady: The Global Innovation 1000.. Booz & Company, Strategy + Business. Issue 57. 2009. URL: <https://www.strategy-business.com/article/09404a?gko=2f550> (accessed: 15.08.2020).
 32. Kuckertz A., Brändle L., Gaudig A., Hinderer S., Reyes S.A.M., Prochotta A., Steinbrink K.M., Berger E.S.C. Startups in times of crisis — A rapid response to the COVID-19 pandemic // Journal of Business Venturing Insights. 2020. Vol. 13. 13 p. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00169>.
 33. Laperche B., Lefebvre G., Langlet D. Innovation strategies of industrial groups in the global crisis: Rationalization and new paths // Technological Forecasting & Social Change. 2011. Vol. 78. Pp. 1319–1331. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2011.03.005>.
 34. Mensch G., Schnopp R. Stalemate in Technology, 1925-1935: The Interplay of Stagnation and Innovation. . In W. H. Schröder, & R. Spree (Eds.), Historische Konjunkturforschung. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. pp. 60–74. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-340157> (accessed: 16.07.2020).
 35. OECD Economic Outlook. Vol. 2020. Issue 1. N 107. OECD, 2020. 333 p. <https://doi.org/10.1787/0d1d1e2e-en>.
 36. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012. Paris: OECD Publishing, 2012. 464 p.

37. O'Mara M. *The Code: Silicon Valley and the Remaking of America*. N.Y.: Penguin Press, 2019. 511 p.
38. Paunov C. The global crisis and firms' investments in innovation // *Research Policy*. 2012. Vol. 41. Nº 1. Pp. 24–35. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2011.07.007>.
39. Pereira E.T. innovation and Entrepreneurship during the economic crisis. In: *Handbook of Research on Entrepreneurship, Innovation, and Internationalization*. Ed. by Teixeira N. M., da Costa T.G., Lisboa I.M. 2019. P. 258–274. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8479-7.ch010>.
40. Perez C. Unleashing a golden age after the financial collapse: Drawing lessons from history // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2013. Vol. 6. Pp. 9–23. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2012.12.004>.
41. Petrakis P.E., Kostis P.C., Valsamis D.G. Innovation and competitiveness: Culture as a long-term strategic instrument during the European Great Recession // *Journal of Business Research*. 2015. Vol. 68. Pp. 1436–1438. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.01.029>.
42. Rao A., Scarufi P. *A History of Silicon Valley*. 2nd Edition. Palo Alto: Omniware Group, 2013. 556 p.
43. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. 4th edition. N.Y.: Free Press, 1995. 525 p.
44. Swaine M., Freiburger P. *Fire in the Valley: The Birth and Death of the Personal Computer*. 3rd Edition. Pragmatic Works Inc Programmers, 2014. 424 p.
45. Taalbi J. What drives innovation? Evidence from economic history // *Research Policy*. 2017. Volume 46. Issue 8. Pp. 1437–1453. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.06.007>.
46. The 2010 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. European Commission — Joint Research Centre. Joint Research Centre. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC61230/jrc61230.pdf> (accessed: 01.07.2020).

47. The 2011 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. European Commission — Joint Research Centre. JRC 67197. Joint Research Centre. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC67197/lfn24977enn.pdf> (accessed: 01.07.2020).
48. The 2021–2027 Multiannual Financial Framework: Digital shines through in the EU’s long-term budget. Last update: 23.09.2020. URL; <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/2021-2027-multiannual-financial-framework-digital-shines-through-eus-long-term-budget> (accessed: 01.10.2020).
49. von Hippel E.A. Democratizing Innovation. Cambridge: The MIT Press, 2005. 216 p.
50. Wimmer P. The Green Bubble: Our Future Energy Needs and Why Alternative Energy Is Not the Answer. LID Publishing, 2016. 256 p.
51. Xi Focus: Xi stresses development of science, technology to meet significant national needs. Xinhua. 12.09.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/12/c_139361891.htm (accessed: 22.09.2020).
52. Xiao Y., Fan Z. 10 technology trends to watch in the COVID-19 pandemic. World Economic Forum. 27.04.2020. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/10-technology-trends-coronavirus-covid19-pandemic-robotics-telehealth/> (accessed: 11.09.2020).
53. Zouaghi F., Sánchez M., Martínez M.G. Did the global financial crisis impact firms’ innovation performance? The role of internal and external knowledge capabilities in high and low tech industries // Technological Forecasting and Social Change. 2018, Vol. 132. Pp. 92–104. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.01.011>.
54. Wozniak S., Smith G. Stiv Dzhobs i ja: podlinnaja istorija Apple [iWoz: Computer Geek to Cult Icon]. Moscow: EXMO, 2012. 286 p. [In Russ.]
55. Ivanova N.I. Danilin I.V. Antikrizisnye programmy v innovatsionnoi sfere [Anticrisis Programs in the Innovation Sphere]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia. 2010. № 1. pp. 26–37 [In Russ.]

56. Christensen C. Dilemma Innovatora [Innovator`s Dilemma]. Moskva: Al`pina Biznes Books, 2004. 239 p. [In Russ.]
57. Peres C. Tehnologicheskie revoljucii i finansovyj capital [Technological Revolutions and Financial Capital]. Moscow: Delo, 2011. 231 p. [In Russ.]
58. Florida R. Bol'shaja perezagruzka. Kak krizis izmenit nash obraz zhizni i rynek truda [The Great Reset: How New Ways of Living and Working Drive Post-Crash Prosperity]. M.: Moscow: Klassika XXI, 2012. 240 p. [In Russ.]

Контактная информация / Contact information

ИМЭМО РАН, Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

IMEMO RAS, 23, Profsoyuznaya st., 117997, Moscow, Russia

Данилин Иван Владимирович / Ivan V. Danilin

danilin.iv@imemo.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-239-263

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: К ПОВЕСТКЕ «ДОЛГОГО» ВОССТАНОВЛЕНИЯ GLOBAL ECONOMY: TOWARDS A “LONG” RECOVERY AGENDA

МАСЛЕННИКОВ НИКИТА ИВАНОВИЧ

Ведущий эксперт Центра политических технологий

NIKITA I. MASLENNIKOV

Leading expert Center for political technologies

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются промежуточные результаты международных экспертных дискуссий о регулятивных решениях, необходимых для управления рисками транзита глобального хозяйства, существенно ускоряющегося в ходе восстановления после мирового кризиса, спровоцированного COVID-19.

По мнению автора, текущие корректировки мировой экономики и складывающаяся глобальная повестка, ориентированная на реформы международной торговой и финансово-долговой архитектуры и поиск нового баланса регулятивных стимулов росту ведущих эконо-

мик мира, имеют принципиальное и актуальное значение для России. В связи с этим определены регулятивные развилки, связанные с преодолением дефицита структурных мер, обновлением деловой среды и запуском нового инвестиционного цикла, пройти через которые предстоит российским экономическим и денежным властям.

ABSTRACT

The article examines the interim results of international expert discussions on regulatory solutions needed to manage the transit risks of the global economy, which is significantly accelerating during the recovery from the global crisis triggered by COVID-19.

According to the author, the current adjustments of the world economy and the emerging global agenda focused on the reform of the international trade and financial and debt architecture and the search for a new balance of regulatory incentives for the growth of the world's leading economies are of fundamental and relevant importance for Russia.

In this regard, the regulatory forks associated with overcoming the deficit of structural measures, updating the business environment and launching a new investment cycle have been identified, which the Russian economic and monetary authorities will have to go through.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мировой экономический кризис, COVID-19, транзит глобального хозяйства, пространство рисков, корректировка прогнозов, реформа международной архитектуры долга, баланс стимулов восстановлению, регулятивные развилки, дефицит структурных мер, обновление деловой среды.

KEYWORDS

Global economic crisis, COVID-19, transit of the global economy, risk space, adjustment of forecasts, reform of the international debt architecture, balance of incentives for recovery, regulatory forks, lack of structural measures, updating the business environment.

В международном экспертном дискурсе все популярней становится точка зрения, согласно которой COVID-19 стал детонатором классического циклического кризиса, правда, сильно подзадержавшегося вопреки объективным предпосылкам из-за многолетнего агрессивного монетарного смягчения (вплоть до отрицательных ставок), проводимого ведущими центральными банками. Гипотеза имеет право на существование, и ей, как изрядному числу других версий, предстоит пройти проверку последующей глобальной макродинамикой.

Вместе с тем кризис еще далеко не завершен. При этом начавшиеся восстановительные процессы обнаруживают явную аритмию неравномерности с W-образной траекторией и усилением неопределенности по поводу качественных характеристик посткоронакризисного экономического мира. «Билет в один конец с неназванным пунктом назначения», однако, уже куплен, транзит глобального хозяйства (начавшийся по выходу из Великой рецессии 2008–2009 годов) к новой структуре, ее институциональному дизайну, регулятивному потенциалу международной экономико-политической координации и т.п. существенно ускорился с одновременным интенсивным расширением пространства соответствующих рисков.

Многие оценки происходящего и его проекций в будущее впечатляют. В ЮНКТАД предупреждают о немалой вероятности упустить еще одно десятилетие, если не сформировать повестку действий, необходимых для управления рисками глобального транзита¹. Во Всемирном банке констатируют, что по меньшей мере один из них уже реализовался: многодесятилетний тренд к сокращению бедности в мире развернулся.

¹ См. подробнее: ЮНКТАД «От глобальной пандемии к благосостоянию для всех: как избежать еще одного упущенного десятилетия». Сентябрь 2020.

К концу 2021 года число людей, живущих меньше чем на \$1,9 в день, может увеличиться на 150 млн человек до 9,4% населения планеты². На таком фоне не удивительно предположение главного экономиста The World Bank Кармен Рейнхард, что до полного восстановления мировой экономики от последствий текущего кризиса может потребоваться до пяти лет³.

Наблюдаемую картину неопределенности в мировой экономике директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева назвала «новым Бреттонвудским моментом»⁴, имея в виду, что все институционально-регулятивные скрепы глобального хозяйства, определяющие правила и нормы международного экономического общежития, нуждаются в радикальном и последовательном обновлении уже в близком времени. Повестка таких трансформаций, естественно, прорастает из текущих макротрендов изменяющегося экономического мира.

В связи с этим примечательна октябрьская корректировка прогноза МВФ. Падение-2020 ожидается менее глубоким, чем представлялось еще в июне — 4,4% против 5,2%. Рост-2021, впрочем, тоже предполагается несколько меньшим — 5,2% по сравнению с 5,4% в версии начала лета⁵. Уровень ВВП-2019 в текущем году будет превышен лишь в Китае: прогноз его темпа повышен почти вдвое — с 1% до 1,9%, на 2021 год оставлен

² См. Подробнее: The World Bank «Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune», October 2020, <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>

³ См. подробнее: ПРАЙМ, ВБ прогнозирует восстановление экономики от COVID-кризиса в течение 5 лет, 17 сентября 2020, https://1prime.ru/state_regulation/20200917/832038078.html

⁴ Кристалина Георгиева, «Новый Бреттонвудский момент», 15 октября 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/15/sp101520-a-new-bretton-woods-moment>
Kristolina Georgieva, «A New Bretton Woods Moment», October 15, 2020, IMF, <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/15/sp101520-a-new-bretton-woods-moment>

⁵ Практически одновременно с Фондом прогноз по мировой торговле обновила ВТО. Летом ее эксперты ожидали спада-2020 на 12,9% и роста в 2021 году сразу на 21,3%. Итог текущей корректировки: сжатие торговых потоков в глобальном хозяйстве на 9,2% с довольно слабым отскоком на следующий год только на 7,2%. См. подробнее: WTO, Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain, 6 OCTOBER 2020, https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm

без изменений — плюс 8,2%. Во всех остальных экономиках мира даже после отскока в следующем году объем ВВП остается ниже, чем в 2019-м. Для развитых стран ориентир-2020 повышен с минус 8% до минус 5,8%, рост-2021 достигнет 3,9% (предыдущая оценка насчитывала 4,8%). Для развивающихся стран и стран с формирующимся рынком (без учета Китая), напротив, понижен до минус 5,7%, в 2021-м ожидается рост на 5,0%. (См.: IMF, World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent, October 2020).

Обновленные прогнозы — часть доклада МВФ о перспективах глобального хозяйства с многозначным названием «Долгое и трудное восхождение». Представляя его, главный экономист Фонда Гита Гопинат написала в блоге, что «глубокие шрамы этого кризиса, вероятно, сохранятся в течение значительной части среднесрочной перспективы». Причем темп мирового ВВП на этом горизонте «замедлится до примерно 3,5%». «По прогнозу, совокупное сокращение объема производства по сравнению с прогнозируемой до пандемии траекторией увеличится с 11 трлн в 2020–2021 годах до 28 трлн в 2020–2025 годах. Это представляет собой серьезный шаг назад в улучшении среднего уровня жизни во всех группах стран»⁶. Нелишним будет добавить, что более трети этих потерь — вклад протекционистских мер и торговых войн. В докладе консалтинговой компании Boston Consulting Group и банка HSBC (The \$10 Trillion Case for Open Trade) приводятся расчеты, согласно которым уже действующие торговые ограничения в мире к 2025 году могут «вычесть» из мирового ВВП до \$10 трлн⁷.

⁶ Gita Gopinath, «A Long, Uneven and Uncertain Ascent», OCTOBER 13, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/>

⁷ BCG&HSBC By Pedro Anaya, Natalie Blyth, Ravi Hanspal, Michael McAdoo, Sukand Ramachandran, Krishnan Ramadurai, and Sophie Schram «The \$10 Trillion Case for Open Trade», <https://web-assets.bcg.com/65/26/af2d7c2240deacbd24717b834cc5/bgg-the-10-trillion-case-for-open-trade-sep-2020.pdf>

Чтобы оправиться от этих последствий, подчеркивает Гита Гопинат, а еще лучше, снизить ущерб, «потребуется инновации в экономической политике как на национальном, так и на международном уровнях».

Контуры такой «инновационной повестки» обозначились уже довольно внятно. Помимо противодействия росту бедности и укрепления систем здравоохранения⁸ (импульс этому задает борьба с COVID-19 и разработка эффективных антикоронавирусных вакцин) международный консенсус по сути сложился и по ряду других направлений:

- разработке регулятивных мер, способных сократить отрыв финрынков от реальных секторов экономики;
- реформированию ВТО (восстановлению ее способности выступать арбитром в торговых спорах, выработке международных правил торговли услугами, защите интеллектуальной собственности при трансфере технологий, поддержке «цифровых» цепочек добавленной стоимости и т.п.);
- изменению системы налогообложения международных компаний (в ОЭСР, например, согласован ряд принципов так называемого «цифрового налога», требующих политических решений: пропорциональное распределение налоговых выплат в соответствии с тем, где находятся клиенты, покупающие продукты и услуги компаний, при установлении минимальной ставки корпоративного налога вне зависимости от места регистрации);
- снижению и реструктуризации глобального суверенного долга.

⁸ В упомянутом выше докладе ЮНКТАД, например, содержится призыв разработать и реализовать «всемирный» «план Маршалла» по поддержке систем здравоохранения, прежде всего в странах, наиболее пострадавших от коронавируса.

Решение каждой из этих задач не обещает быть быстрым и исчерпывающим. При этом проблема растущего долгового бремени в настоящее время выходит на первый план. Во-первых, из-за того, что постоянно усугубляется в силу продолжающейся прямой поддержки экономик за счет госрасходных и фискальных стимулов (по состоянию на середину сентября они уже составили \$11,7 трлн), а также опосредованно через «закачку» дополнительной ликвидности центробанками (их баланс с начала пандемии увеличился на \$7,5 трлн⁹). Во-вторых, вследствие укрепления в роли триггера обострения всех других глобальных проблем, требующих для своего решения интенсивной международной экономической координации. По прогнозу МВФ, к концу текущего года совокупный объем суверенного долга достигнет 100% общемирового ВВП или даже перейдет этот психологический рубеж. В этих обстоятельствах во многих странах финансовые регуляторы попадают в конфликт интересов: прекращать поддержку населения и бизнеса в ходе «второй волны» пандемии преждевременно, но как управлять нарастающими рисками столкнуться с долговыми кризисами, тоже не вполне очевидно, хотя именно от этого зависит перспектива устойчивого развития глобального хозяйства по меньшей мере на ближайшее десятилетие.

В МВФ прогнозируют: в 2021 году уровень долга стран с развитой экономикой поднимется до 125% их совокупного ВВП, в странах с формирующимися рынками — до 65% ВВП, в государствах с низкими доходами — до 50% ВВП.

⁹ См. подробнее: IMF Fiscal Monitor: Policies for the Recovery, <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor#Full%20Report%20and%20Executive%20Summary>

Динамика мирового долга в % глобального ВВП, средневзвешенные значения

Источник: IMF, Fiscal Monitor: Policies for the Recovery, October 2020

В ЮНКТАД решение проблемы видят в допэмиссии СДР на \$1 трлн, что означало бы на деле удвоение нынешнего кредитного потенциала МВФ (обязательства Фонда насчитывают в настоящее время \$280 млрд, при этом только с марта-2020 они составили более \$100 млрд — прим. авт.). В самом МВФ, понимая невысокую вероятность реализации такого рода идеи из-за политических ограничений (прежде всего, в США), делают ставку на институциональную реформу «международной архитектуры долга»¹⁰. При этом общими предпосылками дви-

¹⁰ См. подробнее: Кристалина Георгиева, Джейла Пазарбашиоглу и Рода Уикс-Браун. «Срочно требуется реформа международной архитектуры долга», 2 октября 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/02/blog-reform-of-the-international-debt-architecture-is-urgently-needed>.

жения по этому треку должны стать: продление инициативы Группы двадцати по приостановлению выплат беднейшими странами в счет обслуживания их внешнего долга на 2021 год и внутренние меры (на основе международных рекомендаций) в уязвимых экономиках по восстановлению роста, создающего потенциал платежеспособности. Примечательна в этом контексте и постановка задачи по повышению реалистичности макропрогнозов для стран-должников — чрезмерный оптимизм здесь нередко расслабляет кредиторов.

Что же касается собственно «архитектурных инноваций», то речь идет, прежде всего, о выработке своего рода международного стандарта процедур реструктуризаций¹¹, что предполагает:

- включение в договоры о займах реструктуризационных оговорок (особенно в части необлигационных долгов);
- гарантии прозрачности долга (при реструктуризациях кредиторы должны знать все условия и обязательства, принятые заемщиками)¹²;
- общий подход официальных двусторонних кредиторов к реструктуризациям официальных двусторонних долгов, зафиксированный в решениях Группы двадцати и открывающий возможности стандартизации «соглашений по решению большинства» кредиторов (обязательных для всех остальных, в том числе и частных держателей долга).

Kristalina Georgieva, Ceyla Pazarbasioglu, and Rhoda Weeks-Brown. «Reform of the International Debt Architecture is Urgently Needed», OCTOBER 1, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/01/reform-of-the-international-debt-architecture-is-urgently-needed/>

¹¹ В МВФ и Всемирном банке необходимость этого объясняют тем, что долговые кризисы становятся все более затяжными, на преодоление последствий эпизода дефолта уходит в среднем 7 лет, при этом срок растягивается обычно несколькими раундами реструктуризаций, осуществляемыми нередко по разным правилам.

¹² Особые претензии в связи с этим предъявляются Китаю, который практически не раскрывает информацию о предоставляемых им кредитах (по оценкам, на его долю приходится до 65% всех двусторонних договоров такого рода в мире). Вторая по значимости «зона непрозрачности» — хроническая неполнота информации о держателях суверенных облигаций и свопов кредитного дефолта.

Помимо международного измерения долговой проблемы существенное значение имеет совокупность внутренних последствий агрессивного наращивания госзаимствований, наблюдающегося практически во всех ведущих экономиках мира. Типичный пример — США, где по итогам 2020 финансового года (завершился 30 сентября) дефицит бюджета, по оценке Минфина страны, вырос в 3,2 раза и достиг рекордных \$3,132 трлн (15,2% ВВП), а госдолг впервые более чем за 70 лет превысил объем ВВП¹³.

В Бюджетном управлении Конгресса США (Congressional Budget Office, CBO) уверены, что дефицитно-долговой скачок-2020 не останется без долгосрочных последствий. Согласно прогнозам CBO, в период 2020–2050 годов ежегодный рост ВВП в среднем будет составлять 1,6% (в 1990–2019 годах экономика росла в среднем на 2,5%) прирост рабочей силы на новом 30-летнем горизонте замедлится с 1,4% до 0,3% в год, госрасходы увеличатся с 21% до 31% ВВП, а госдолг к 2050 году поднимется до 195% ВВП¹⁴. Понятно, что на этом фоне все более актуальной становится проработка сценариев изменения роли доллара США в мировой валютной системе и ее перехода уже в ближайшие 10–15 лет к реальной многополярности.

Важнейшим элементом глобальной повестки остается поиск ответа на вызов, общий для всех ведущих экономик (США в этом смысле далеко не исключительный кейс): каким образом сбалансировать стимулы к дальнейшему постковидному развитию, которые могут генерировать налогово-бюджетная, монетарная и структурная политики, с усилиями по

¹³ См. подробнее: CBO, Monthly Budget Review for September, 2020 October 8, 2020, <https://www.cbo.gov/publication/56661>

¹⁴ См. подробнее: CBO, The 2020 Long-Term Budget Outlook, September 21, 2020, <https://www.cbo.gov/publication/56516>

преодолению неравенства и созданию условий для стабильной динамики рынка труда. Универсальных рецептов, пригодных и приемлемых для всех, нет. Тем не менее в поисках все более заметен тренд к пересборке налогово-бюджетной политики, линейное продолжение которой лишь повлечет увеличение стоимости обслуживания госдолга и сокращение фискального стимула при одновременном замедлении темпов роста.

Отсюда и интенсивное обсуждение в международном экспертном дискурсе конкретных путей повышения эффективности госзатрат. В МВФ в октябрьском Fiscal Monitor (особенно в главе 2 «Инвестиции в восстановление экономик после пандемии») предлагают сосредоточиться на увеличении капвложений из бюджетов. По оценкам, прирост госинвестиций на 1% ВВП в среднем повышает темп ВВП на 2,7%, частных инвестиций — на 10%, занятости — на 1,2% в течение двух лет (в мире в целом могут быть созданы дополнительно 20–33 млн рабочих мест)¹⁵. Приоритетные направления: здравоохранение, образование, инфраструктура, «зеленая энергетика», адаптация к последствиям изменения климата. Смысл маневра — «поддержка структурного перехода к постпандемической экономике» одновременно с бюджетной консолидацией в «социально и политически приемлемой форме».

Мировые тренды имеют прямое отношение к российской экономике. МВФ существенно улучшил прогноз спада-2020 для РФ: в июне его глубина ожидалась в 6,6% ВВП, в октябре — 4,1%. Однако и перспективы-2021 теперь выглядят тоже более умеренно: 2,8% роста ВВП против 4,1% по июньской версии.

¹⁵ Витор Гаспар, Пауло Мауро, Кэтрин Паттилло и Рафаэль Эспиноза. «Государственные инвестиции в восстановление экономики», 5 октября 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/05/blog-public-investment-for-the-recovery>.
Vitor Gaspar, Paolo Mauro, Catherine Pattillo, and Raphael Espinoza. «Public Investment for the Recovery», OCTOBER 5, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/05/public-investment-for-the-recovery/>

Снижение прогноза на 1,3 п.п. на 2021 год — самое сильное для стран с развивающимися рынками и одно из самых значительных для развитых экономик. При этом, заметим, темп-2021 — наиболее низкий среди emerging markets.

Прогноз Фонда на 2020 год выглядит несколько хуже, чем официальная версия Минэкономразвития РФ (-3,9% ВВП). Тем не менее, и он уже воспринимается на фоне второй волны «коронавирусной атаки» как избыточно оптимистический. Октябрьские корректировки прогнозов в самой РФ выглядят заметно умеренней: в Счетной палате ожидают спада в текущем году на 4,2–4,8%, в Банке России — на 4–5%. Оценки лучше летних. В июле центральные банкиры, например, предполагали потери ВВП в 4,5–5,5%. По оценке МЭР, глубина спада в третьем квартале «обмелела» до 3,8% г/г после 8,0% г/г в апреле — июле. Госрасходная поддержка при этом уже насчитывает 5–6% ВВП. В то же время динамика макротрендов (особенно сентябрьская) указывает на то, что фаза активного восстановления практически завершилась: эффект отложенного спроса по сути исчерпан, ухудшаются показатели падения торговой розницы, серьезно (до 0,1%) замедлился темп прироста реальных зарплат, в зону отрицательных значений вернулся выпуск в обработке, медленно ползут вниз индексы предложения инвестиционных товаров, отставая от уровня-2019 в среднем на 5–6%¹⁶.

Темпы восстановления, по экспертным ожиданиям, в дальнейшем будут более плавными, что потребует и большего времени для возвращения на докризисные рубежи (в ЦБ РФ полагают: это произойдет не ранее первой половины 2022 года).

¹⁶ См. подробнее: Минэкономразвития РФ, Картина деловой активности за сентябрь 2020 года, https://www.economy.gov.ru/material/file/5ed989233f7d439ae833c64485a09131/201019_.pdf; ЦМАКП «Об инвестиционной активности в экономике в сентябре 2020 года», http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/PROM/2020/INV_2020-10-22.pdf.

Зона рисков такого развития событий — различия показателей базового и консервативного сценариев правительственного прогноза на 2021–2023 годы.

Основные показатели прогноза социально-экономического развития РФ

	2019	2020	2021	2022	2023
Валовой внутренний продукт, %					
базовый		-3,9	3,3	3,4	3,0
консервативный	1,3	-3,9	2,7	2,9	2,5
Инвестиции в основной капитал, %					
базовый		-6,6	3,9	5,3	5,1
консервативный	1,7	-6,6	3,7	4,6	4,3
Промышленное производство, %					
базовый		-4,1	2,6	3,6	2,3
консервативный	2,3	-4,1	2,4	3,3	2,1
Реальные располагаемые доходы населения, %					
базовый		-3,0	3,0	2,4	2,5
консервативный	1,0	-3,0	1,9	1,6	1,9
Реальная заработная плата, %					
базовый		1,5	2,2	2,3	2,5
консервативный	4,8	1,5	1,9	1,9	2,2
Оборот розничной торговли, %					
базовый		-4,2	5,1	2,9	2,8
консервативный	1,9	-4,2	4,5	2,3	2,2

Источник: Минэкономразвития РФ

Вторая мировая волна COVID-19, геополитические факторы и более пологая траектория восстановления глобального хозяйства в целом усиливают вероятность сбываемости консервативного варианта. При этом достижение параметров базовой версии решающим образом будет зависеть от качества перехода через несколько развилок.

Первая полностью определяется послекарантинным состоянием бизнеса. Сентябрьский мониторинг эффективности мер государственной поддержки, проведенный институтом уполномоченных по защите прав предпринимателей¹⁷, показал,

¹⁷ См. подробнее: результаты мониторинга института уполномоченных по защите прав предпринимателей «Оценка состояния бизнеса и эффективности мер государственной поддерж-

что их ожидания относительно своего ближайшего будущего вновь стали ухудшаться. В сентябре доля владельцев и руководителей компаний (из трех тыс. опрошенных), оценивающих положение своего бизнеса негативно, достигла 80% (рост по сравнению с августом на 8%). В последний месяц лета 26,2% компаний характеризовали свое положение как «кризис» или «катастрофа», к октябрю об этом стали говорить уже 29,9%. 67% респондентов назвали главной трудностью упавший спрос. При этом чуть более 50% опасаются его снижения по сравнению с 2019 годом более чем вдвое. 26% респондентов испытывают трудности с налоговыми, арендными и договорными платежами. Только 6% прогнозируют рост фонда оплаты труда (32% настроены сократить его на 20%, 24% — вдвое).

Наиболее востребованной мерой господдержки остается снижение фискальной нагрузки (70% респондентов). Вторая по значимости лучшая мера (68% опрошенных) — «не вводить новые карантинные ограничения». В противном случае 74% предпринимателей оценивают шансы на выживание компаний в 50% и ниже, 17% уверены, что не переживут второй локдаун. Среди других популярных мер господдержки льготные кредиты (35% ответов), стимулирование спроса (28%), субсидирование арендных ставок (27%) и поддержка сохранения занятости (26,4%).

Самоощущения предпринимательского класса ясно указывают на необходимость внесения определенности в то, какие из мер антикризисной поддержки будут продлены, какие плавно свернуты, и что будет сделано для повышения доступности остающихся опций. Несмотря на ряд уже сделанных шагов по продлению налоговых отсрочек и рассрочек, послаб

лений по другим платежам, моратория на возбуждение дел о банкротстве (до января-2021) переход через эту развилку все еще далек от завершения.

В сбываемости прогнозов для российского хозяйства повышается роль бюджетного алгоритма. Причем речь идет не только о прямых стимулирующих эффектах фискального и расходного характера, но и о передаче от них эстафеты другим «источникам и составным частям» политики ускорения экономического роста. Поиск их оптимального баланса — суть второй принципиальной развилки, пройти которую предстоит уже до конца 2021 года.

30 сентября правительство внесло в Госдуму проект плана новой финансовой трехлетки. Дефицит бюджета в 2021–2023 годах запланирован в размере 2,75 трлн рублей (2,4% ВВП), 1,250 трлн рублей, или 1% ВВП, 1,412 трлн рублей, или 1,1% ВВП. Доходы бюджета составят в 2021 году 18,77 трлн рублей, в 2022 году – 20,64 трлн рублей, в 2023 году – 22,26 трлн рублей; расходы – 21,52 трлн рублей, 21,88 трлн рублей и 23,67 трлн рублей, соответственно. Госдолг возрастает к 2023 году до 21,4% ВВП при общем объеме внутренних заимствований за три года почти на 10 трлн рублей.

Наблюдатели главный риск новой трехлетней конструкции госфинансов видят в возможном сжатии госрасходного стимула. Озабоченность понятна — бюджетных трат, действительно, будет меньше, чем в текущем году (в 2022–м они даже снижаются в реальном выражении). Но и контраргументы также заслуживают внимания.

Во-первых, расходы все-таки увеличиваются по сравнению с первоначальными планами (в том числе с заложенными в бюджет 2020–2022 годов). Во-вторых, на деле меняются их приоритеты. В 2021 году на «Национальную экономику»

они увеличиваются, например, на 19% и впервые за семь лет превысят ассигнования на оборону (3,37 трлн и 3,11 трлн рублей соответственно). В-третьих, увеличивается финансирование нацпроектов: в 2021-м по сравнению с текущим годом на 15%, в 2022 году — на 20%, в 2023-м — на 40%.

Не стоит умалять и общий курс на повышение эффективности госрасходов, когда их количественное снижение компенсируется большей общеэкономической и социальной отдачей за счет теперь уже и законодательных возможностей быстро отвечать на возникающие риски в режиме реального времени. В 2020 году потенциал такого «гибкого реагирования» насчитывает 2,0 трлн рублей.

Логика взаимодействия финансовых и денежных властей предполагает, что ослабление бюджетного стимула-2021 должно компенсироваться эффектами от смягчения монетарной политики. По многолетним наблюдениям центральных банкиров, эффект от снижения ключевой ставки «долетает» до экономики расширением кредитного спроса и эмиссией долговых и долевого ценных бумаг через три-шесть кварталов. Если учесть, что ЦБ РФ с июня-2019 уменьшил ставку на 350 б.п. (в том числе на 200 б.п. в текущем году), то заданные стимулы на стороне мягкой ДКП должны начинать действовать уже с первого квартала следующего года (уменьшение ставок по кредитам на 1–2 п.п., впрочем, заметно уже с середины лета). При этом у Банка России сохраняется пространство для продолжения мягкой ДКП, но довольно узкое: потенциал снижения ставки в 2021 году пока, по оценкам, не превышает 50–75 б.п.

С учетом этого понятен смысл третьей развилки — исполнение российской структурной повестки, выстраиваемой вокруг главного вектора — обновления деловой среды. Ключом

на старт этим действиям должен стать нацплан восстановления, как своего рода переходный этап от сугубо антикризисных мер к решению задач ускорения роста. Как известно, он должен быть выполнен к концу 2021 года.

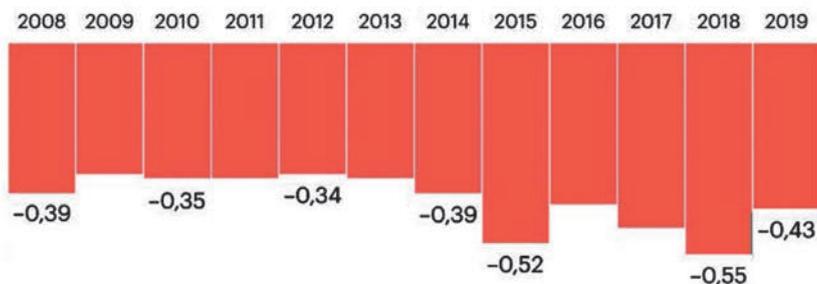
Период 2022–2024 годов — уже в зоне ответственности Единого плана достижения национальных целей-2030. КРІ правительства на следующий год — рост ВВП на 3,3%, складывающийся из увеличения потребления домохозяйств, инвестиций и экспорта не менее, чем на 5%. Целевая проекция реализации следующего этапа Единого плана: рост ВВП свыше 3% в год, реальных располагаемых доходов населения — около 2,5%, вложений в основной капитал — более 5%, нефтегазового экспорта — на 3–4% ежегодно. В правительстве называют шесть основных направлений движения к этим ориентирам:

- развитие механизма поддержки частных инвестиций на основе соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), включая поддержку инвестпрограмм девяти крупнейших госкомпаний (почти четверть всех инвестиций в стране)¹⁸;
- развитие инструментов поддержки самозанятых, индивидуального и малого предпринимательства;
- секторальные меры, реализующие потенциал технологического развития и импортозамещения;
- взаимодействие государства и бизнеса по поддержке и развитию сквозных технологий;
- снятие инфраструктурных ограничений;
- регуляторные реформы, направленные на улучшение делового климата.

¹⁸ По замыслу кабинета, например, уже в текущем году предполагается заключить не менее 20 СЗПК по проектам на 900 млрд рублей, всего же до 2024 года — около 1 тыс. соглашений на 14,1 трлн рублей.

О существенных резервах, все еще не задействованных в рамках последнего из перечисленных направлений, например, наглядно свидетельствует динамика индекса качества регулирования, ежегодно рассчитываемого Всемирным банком¹⁹. В 2020 году (данные опубликованы в конце сентября) показатель РФ улучшен с $-0,55$ до $-0,43$ (его значения варьируются от $-2,5$ до $+2,5$), но вернулся при этом лишь в 2016 год²⁰.

Динамика индекса качества регулирования в РФ, баллы

Источник: Всемирный банк, Индикаторы качества государственного управления в мире

Замедление восстановительных процессов в экономике РФ в последние месяцы 2020 года заметно усиливает вероятность того, что показатели консервативного варианта прогноза правительства могут в конечном счете оказаться целевыми параметрами по меньшей мере на ближайшие пару лет. Риск «застрять» на темпах ВВП близких к 2% не снижается. Прибавление 1,0–1,5 п.п. потребует серьезного регулятивного маневра. При ожидаемом сокращении гос-

¹⁹ См. подробнее: The World Bank, Worldwide Governance Indicators, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>, <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators>

²⁰ В международном экспертном дискурсе показатель (публикуется с конца 1990-х) рассматривается как значимое дополнение к рейтингу Doing Business. Лидирующие позиции в 2020 году заняли Сингапур (2,16), Гонконг (1,98), Новая Зеландия (1,88), Австралия (1,87) и Нидерланды (1,86).

расходного и фискального стимулов и ограниченном пространстве для смягчения денежно-кредитных условий фокус макродинамических ожиданий смещается на запуск нового инвестиционного цикла. Между тем стоит иметь в виду, что «резко континентальные» условия ведения бизнеса уже привели к тому, что среднегодовые темпы прироста инвестиций в 9,7% в 1999–2010 годах (даже с учетом обвала-2009 на 13,5% г/г) в следующем десятилетии сократились до 1,9%. В 2018-ом они, к примеру, насчитывали 5,4%, в 2019-м — уже только 1,7%. Проблема не в пандемии, а в хроническом дефиците структурных мер, решения по которым возможны лишь в условиях интенсивных коммуникаций государства и бизнеса, приводящих к общему знаменателю взаимные интересы.

Но даже в базовом варианте среднесрочного прогноза трудно найти какие-либо внятные и значимые изменения в структуре ВВП в ближайшие три года по источникам доходов и компонентам производства. В использовании ВВП, правда, при снижении в полтора раза к уровню-2019 доли чистого экспорта (в среднем до 5,2%) и сокращении госуправления с 20,4% до 19,3% на 1,1 п.п. повышается удельный вес инвестиций в основной капитал. Между тем и этой довольно скромной подвигки предстоит добиваться радикальным обновлением деловой среды. Бизнесу и обществу важно участвовать в составлении расписания движения по этому маршруту. Укрепляющееся при этом доверие к экономической политике вполне способно стать дополнительным фактором роста на основе структурных перемен. При этом важно не упускать из виду такое важное условие, как сопряжение внутренних регулятивных решений с глобальной повесткой, выступающее своего рода критерием адекватности

предпринимаемых усилий требованиям времени. Весьма актуально и то, что задаваемые ею ориентиры постковидного транзита мировой экономики, благодаря коллективным действиям стран и бизнесов, способны препятствовать усилению международной разобщенности и геополитических рисков, без учета которых уже не обходится ни один серьезный макропрогноз.

Библиографический список

1. Кристалина Георгиева, Джейла Пазарбашиоглу и Рода Уикс-Браун. «Срочно требуется реформа международной архитектуры долга», 2 октября 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/02/blog-reform-of-the-international-debt-architecture-is-urgently-needed>.
Kristalina Georgieva, Ceyla Pazarbasioglu, and Rhoda Weeks-Brown. «Reform of the International Debt Architecture is Urgently Needed», OCTOBER 1, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/01/reform-of-the-international-debt-architecture-is-urgently-needed/>
2. Джереми Бьюлоу, Кармен Рейнхарт, Кеннет Рогофф и Кристоф Требеш. «Пандемия задолженности», «Финансы и развитие», Сентябрь 2020, <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/09/pdf/debt-pandemic-reinhart-rogooff-bulow-trebesch.pdf>.
Jeremy Bulow, Carmen Reinhart, Kenneth Rogoff, and Christoph Trebesch. «The Debt Pandemic», Finance and Development (F&D), SEPTEMBER, 2020.
3. Витор Гаспар, Пауло Мауро, Кэтрин Паттилло и Рафаэль Эспиноза. «Государственные инвестиции в восстановление экономики», 5 октября 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/05/blog-public-investment-for-the-recovery>.

- Vitor Gaspar, Paolo Mauro, Catherine Pattillo, and Raphael Espinoza. «Public Investment for the Recovery», OCTOBER 5, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/05/public-investment-for-the-recovery/>
4. Гита Гопинат, «Долгое, неравномерное и неопределенное восхождение», 13 октября 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/13/blog-a-long-uneven-and-uncertain-ascent>.
Gita Gopinath, «A Long, Uneven and Uncertain Ascent», OCTOBER 13, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/>
 5. Кристалина Георгиева, «Новый Бреттонвудский момент», 15 октября 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/15/sp101520-a-new-bretton-woods-moment>.
Kristalina Georgieva, «A New Bretton Woods Moment», October 15, 2020, IMF, <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/15/sp101520-a-new-bretton-woods-moment>.
 6. МВФ Бюджетный вестник, Октябрь 2020 года, <https://www.imf.org/ru/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor>.
IMF Fiscal Monitor: Policies for the Recovery, <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor#Full%20Report%20and%20Executive%20Summary>.
 7. МВФ, Перспективы развития мировой экономики (ПРМЭ), Октябрь 2020 года, <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020>.
IMF, World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent, October 2020, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020>.
 8. Министерство экономического развития РФ, Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов, <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf>.

9. Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 23 октября 2020 года, http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/29374/forecast_201023.pdf.
10. Мониторинг института уполномоченных по защите прав предпринимателей «Оценка состояния бизнеса и эффективности мер государственной поддержки», 14 октября 2020, <http://ombudsmanbiz.ru/2020/10/lish-4-predprinimatelej-schitajut-chno-pravitelstvennyj-antikrizisnyj-plan-pomozhet-vosstanovit-jekonomiku/#1>.
11. Минэкономразвития РФ, Картина деловой активности за сентябрь 2020 года, https://www.economy.gov.ru/material/file/5ed989233f7d439ae833c64485a09131/201019_.pdf.
12. ЦМАКП «Об инвестиционной активности в экономике в сентябре 2020 года», http://www.forecast.ru/_Archive/analitics/PROM/2020/INV_2020-10-22.pdf.
13. BCG&HSBC By Pedro Anaya, Natalie Blyth, Ravi Hanspal, Michael McAdoo, Sukand Ramachandran, Krishnan Ramadurai, and Sophie Schram «The \$10 Trillion Case for Open Trade», <https://web-assets.bcg.com/65/26/af2d7c2240deacbd24717b834cc3/bgg-the-10-trillion-case-for-open-trade-sep-2020.pdf>.
14. WTO, Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain, 6 OCTOBER 2020, https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm
15. The World Bank «Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune», October 2020, <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>.
16. The World Bank, Worldwide Governance Indicators, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>, <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators>.

References

1. Kristalina Georgieva, Dzhejla Pazarbashioglu i Roda Uiks-Braun. «Srochno trebuetsya reforma mezhdunarodnoj arhitektury dolga», 2 oktyabrya 2020, MVF, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/02/blog-reform-of-the-international-debt-architecture-is-urgently-needed>.
 Kristalina Georgieva, Ceyla Pazarbasioglu, and Rhoda Weeks-Brown. «Reform of the International Debt Architecture is Urgently Needed», OCTOBER 1, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/01/reform-of-the-international-debt-architecture-is-urgently-needed/>
2. Dzheremi B'yulou, Karmen Rejnhart, Kennet Rogoff i Kristof Trebesh. «Pandemiya zadolzhennosti», «Finansy i razvitie», Sentyabr' 2020, <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/09/pdf/debt-pandemic-reinhart-rogoff-bulow-trebesch.pdf>.
 Jeremy Bulow, Carmen Reinhart, Kenneth Rogoff, and Christoph Trebesch. «The Debt Pandemic», Finance and Development (F&D), SEPTEMBER, 2020.
3. Vitor Gaspar, Paulo Mauro, Ketrin Pattillo i Rafael' Espinoza. «Gosudarstvennye investicii v vosstanovlenie ekonomiki», 5 oktyabrya 2020, MVF, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/05/blog-public-investment-for-the-recovery>.
 Vitor Gaspar, Paulo Mauro, Catherine Pattillo, and Raphael Espinoza. «Public Investment for the Recovery», OCTOBER 5, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/05/public-investment-for-the-recovery/>
4. Gita Gopinath, «Dolgoe, neravnomernoe i neopredelennoe voskhozhdenie», 13 oktyabrya 2020, MVF, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/13/blog-a-long-uneven-and-uncertain-ascent>.
 Gita Gopinath, «A Long, Uneven and Uncertain Ascent», OCTOBER 13, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/>
5. Kristalina Georgieva, «Novyj Brettonvudskij moment», 15 oktyabrya 2020, MVF, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/10/15/sp101520-a>

- new-bretton-woods-moment Kristalina Georgieva, «A New Bretton Woods Moment», October 15, 2020, IMF, <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/15/sp101520-a-new-bretton-woods-moment>.
6. MVB Byudzhetyj vestnik, Oktyabr' 2020 goda, <https://www.imf.org/ru/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor> IMF Fiscal Monitor: Policies for the Recovery, <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor#Full%20Report%20and%20Executive%20Summary>.
 7. MVB, Perspektivy razvitiya mirovoj ekonomiki (PRME), Oktyabr' 2020 goda, <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020>.
IMF, World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent, October 2020, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020>.
 8. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF, Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na 2021 god i na planovyj period 2022 i 2023 godov, <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf>.
 9. Srednesrochnyj prognoz Banka Rossii po itogam zasedaniya Soveta direktorov po klyuchevoj stavke 23 oktyabrya 2020 goda, http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/29374/forecast_201023.pdf.
 10. Monitoring instituta upolnomochennyh po zashchite prav predprinimatelej «Ocenka sostoyaniya biznesa i effektivnosti mer gosudarstvennoj podderzhki», 14 oktyabrya 2020, <http://ombudsmanbiz.ru/2020/10/lish-4-predprinimatelej-schitajut-chto-pravitelstvennyj-antikrizisnyj-plan-pomozhet-vosstanovit-jekonomiku/#1>.
 11. Minekonomrazvitiya RF, Kartina delovoj aktivnosti za sentyabr' 2020 goda, https://www.economy.gov.ru/material/file/5ed989233f7d439ae833c64485a09131/201019_.pdf.

12. СМАКР «Ob investicionnoj aktivnosti v ekonomike v sentyabre 2020 goda», http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/PROM/2020/INV_2020-10-22.pdf.
13. BCG&HSBC By Pedro Anaya, Natalie Blyth, Ravi Hanspal, Michael McAdoo, Sukand Ramachandran, Krishnan Ramadurai, and Sophie Schram «The \$10 Trillion Case for Open Trade», <https://web-assets.bcg.com/65/26/af2d7c2240deacbd24717b834cc3/bgg-the-10-trillion-case-for-open-trade-sep-2020.pdf>.
14. WTO, Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain, 6 OCTOBER 2020, https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm.
15. The World Bank «Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune», October 2020, <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>.
16. The World Bank, Worldwide Governance Indicators, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>, <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators>.

Контактная информация / Contact information

Масленников Никита Иванович / Nikita I. Maslennikov
 vojta2010@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-264-275

**ИННОВАЦИОННОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИИ —
ЧЕРЕЗ РЕГУЛИРОВАНИЕ
К НОВОМУ КАЧЕСТВУ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА¹**
**INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF RUSSIA: THROUGH
REGULATION TO A NEW
QUALITY OF ECONOMIC
GROWTH²**

КОЧЕТКОВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Член Санкт-Петербургской региональной общественной организации Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России», д. э. н., Советник государственной гражданской службы Российской Федерации I класса

¹ Научная статья подготовлена по итогам выступлений авторов с докладом на IV Международной научной конференции «Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем» памяти академика А. И. Татаркина (Россия, Челябинск, Челябинский государственный университет, 25–26 ноября 2020 года).

² The scientific article was prepared based on the results of the authors' presentations with a report at the IV International Scientific Conference "Competitiveness and the development of socio-economic systems" dedicated to the memory of Alexander Tatarkin (Russia, Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, November 25-26, 2020)

SERGEI V. KOCHETKOV

Member of the St. Petersburg regional public organization of the All-Russian public organization “Free Economic Society of Russia”, Doctor of Sciences in Economics, Councillor of State Civil Service of Russian Federation, 1st class

КОЧЕТКОВА ОЛЕСЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

Кандидат экономических наук

OLEZIA V. KOCHETKOVA

Candidate of Sciences in Economics

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой обобщение пути инновационного развития России. Методологическая база включает подход к формированию инновационного состояния экономики. В качестве исследовательской задачи разработан метод экономической оценки инновационного развития российской экономики. На основе проведенного анализа авторы предлагают концепцию регулирования инновационного развития нашей страны, обеспечивающую новое качество экономического роста. В результате исследования авторы пришли к выводу, что составление единого плана науки и производства является основой управления экономикой.

ABSTRACT

The article is a generalization of the path of innovative development in Russia. The methodological base includes an approach to the for-

mation of the innovative state of the economy. As a research objective, a method of the economic evaluation of innovative development of the Russian economy has been developed. Based on the performed analysis, the authors propose a concept for regulating of innovative development of our country, providing a new quality of economic growth. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the forming an unified plan for science and production is the basis for managing by the economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инновационное развитие, инновационное состояние, экономическая оценка, регулирование, экономический рост, новое качество, единый план науки и производства, управление экономикой.

KEYWORDS

An innovative development, an innovative state, an economic evaluation, the regulation, the economic growth, a new quality, an unified plan of science and production, managing economy.

В настоящее время довольно остро поставлен вопрос не только увеличения темпов экономического роста, но и, самое главное, — выявления и обеспечения его качества. Тенденции изменения роста экономики нашей страны за последние годы демонстрируют то, что используемые его источники полностью себя исчерпали, а точнее говоря — не дали и не дают того эффекта, которого от них ожидали. И не обеспечат экономический рост в перспективе. Инновационное развитие является тем необходимым условием, при котором обеспечивается устойчивый рост производства реального сектора экономики. Инновационное развитие является основополагающим фактором эконо-

мического роста, движущей силой роста экономики. В этой связи настало время перенаправить вектор государственного воздействия и регулирования исключительно в сторону инновационного развития экономики.

Рост экономики опирается на ее материальный фундамент, на преобразования в производительных силах и в системе производственных отношений [1, с. 5]. В этой связи для реализации целей обеспечения устойчивого экономического роста первостепенное внимание следует уделять развитию материального производства, его техническому перевооружению, обновлению системы и методов хозяйствования. Предстоит существенно повысить эффективность производства, привести в действие интенсивные факторы роста, перейти к разработке подходов к управлению экономикой. Только на этой основе могут быть решены как ближайшие, так и долгосрочные, крупномасштабные задачи, связанные с выходом нашей экономики на качественно новые рубежи.

В Российской Федерации структурные изменения и институциональные преобразования отодвинули инновационное развитие на задний план экономического строительства. Бесконечные реформы разобрали этот главный двигатель экономического роста. Цепочка приложения усилий: научные исследования — внедрение результатов научных исследований в производство, то есть доведение их до серийных образцов — освоение экономикой результатов научных достижений, то есть их массовое производство и реализация инновационной продукции — разорвана, и ее элементы функционируют каждый в отдельности.

Сегодня наука, которая должна быть непосредственной производительной силой, обеспечивать качественные

сдвиги в построении, функционировании и развитии производства и на этой основе порождать новые его отрасли, заиклена исключительно на количестве публикаций, и, самое главное, — по какой-то причине именно в зарубежных изданиях. В связи с этим в редких случаях обращается внимание на содержание публикаций и особенно их практическую значимость по причине конъюнктурности их характера. В результате применения научных знаний должны не только открываться неизвестные доселе возможности использования научных достижений в промышленности, но и создаваться условия для ее роста как локомотива развития экономики. Главным условием здесь является органическая взаимосвязь и взаимодействие науки с промышленностью в нашей стране.

Экономический рост в России, ее мощь в настоящее время как никогда должны быть тесно связаны с состоянием и перспективами развития науки и техники. Отсюда новая, не менее трудная и сложная проблема, требующая незамедлительного решения, — научиться управлять инновационным развитием в интересах поддержания и увеличения темпов роста российской экономики на современном этапе.

В научной литературе справедливо отмечается, что инновационное развитие экономики является необходимой предпосылкой расширенного воспроизводства [2]. В сегодняшних условиях особо подчеркивается, что вектор развития экономики следует перенаправить именно в сторону производства, реального ее сектора, всестороннего развития промышленности [3].

В последние годы в нашей стране возможности роста объема инновационных товаров, работ, услуг, связанные с такими факторами, как научные исследования и внедрение их результатов в производство, на базе относительно медлен-

но прогрессирующих технологий более или менее быстро сужаются, так что некоторый минимальный уровень инновационного развития становится определяющим условием поддержания экономики. И выражаться он должен в росте производства инновационных товаров, работ, услуг.

Вышеизложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса регулирования инновационного состояния экономики. Чтобы обосновать направления такого регулирования, необходимо прежде всего оценить уровень инновационного развития российской экономики. Для этого следует определить эффективность научных исследований и эффективность внедрения их результатов в производство. При этом представляется важным не только обеспечение высоких темпов роста инновационных товаров, работ, услуг в нашей стране, но и преимущественная ориентация на то, за счет каких источников он достигается. В исследуемой проблематике темп прироста инновационных товаров, работ, услуг выражает уровень инновационного развития, который является не чем иным, как показателем эффективности управления экономикой.

Сущность этих требований сводится к выявлению и обоснованию закономерностей совокупного влияния факторов — затрат на научные исследования и затрат на внедрение их результатов в производство — на воспроизводство инновационных товаров, работ, услуг. В общем, инновационное развитие следует рассматривать как совокупность основных параметров и характеристик инновационного состояния экономики (объекта, явления или процесса) в определенный момент (или интервал) времени, с помощью которых, в свою очередь, можно определить его уровень. Следовательно, развитие экономики (объекта, явления или процес-

са) выступает как развертывание, последовательная смена ее инновационных состояний и выработка соответствующего ему механизма организации и управления. Особенно существенно это для характеристики изменяющихся под воздействием различных факторов и условий динамических экономических структур.

Чрезвычайно показателен тот факт, что сказанное в совокупности составляет и обосновывает новый подход к формированию инновационного состояния экономики, суть которого заключается в создании и функционировании системы: «научные исследования — внедрение и производство их результатов — практическая реализация инновационной продукции и продукции, произведенной с помощью инновационных технологий». В этом случае представляется возможным определить эффективность взаимодействия научных исследований и эффективность внедрения их результатов в производство и выявить устойчивость связей между ними, характеризующуюся их вкладом в обеспечение необходимых темпов роста инновационных товаров, работ, услуг. Все это характеризует не что иное, как новое качество развития экономики, что является в нашей стране ключевой задачей на современном этапе.

Взаимодействие факторов — научных исследований и внедрения их результатов в производство — и темпы роста инновационных товаров, работ, услуг определяются такой важнейшей целью, как регулирование инновационного состояния российской экономики. В то же время взаимодействие факторов выступает как одно из важнейших средств достижения этой цели. В этой связи результатом регулирования инновационного состояния экономики является эффективность научных

исследований и эффективность внедрения их результатов в производство.

Таким образом, регулирование инновационного состояния российской экономики с помощью таких параметров, как эффективность научных исследований и эффективность внедрения их результатов в производство, и характеристик — вклад научных исследований и вклад внедрения их результатов производства в рост объема инновационных товаров, работ, услуг и особенно его размер — позволяют говорить о новой модели инновационного развития экономики. Построенная нами модель раскрывает меру воздействия указанных факторов на темп прироста инновационных товаров, работ, услуг в нашей стране, который, в свою очередь, показывает уровень инновационного развития российской экономики, характеризующий не что иное, как ее новое качество.

В текущей ситуации встает вопрос о необходимости преодоления имеющегося диссонанса между научными исследованиями и внедрением их результатов в производство и в силу этого недопущения ситуации, когда инновационный потенциал экономики полностью иссякнет. Мы наблюдаем кризис институционализации науки и ее взаимодействия с промышленностью.

В рамках этого нужно, в первую очередь, скоординировать работу — сформулировать правила и прописать процедуры — по созданию органического взаимодействия между наукой и промышленностью в нашей стране. Считаем важным напомнить, что промышленность является ключевой отраслью экономики, ее магистральным локомотивом, а тяжелое машиностроение — сердцем экономики. Кроме этого, сейчас именно то время, когда приложение усилий должно стать максимальным. Академическому сообществу, вузовской нау-

ке и особенно производственным предприятиям этот вектор институциональных вопросов следует направить государству с целью структурного анализа, контроля и прогнозирования возможных состояний процессов и объектов на уровне экономики. Только государство с его бюджетом и административными возможностями может решать такие проблемы, как построение крупных производственных комплексов, создание новых отраслей экономики, а также обеспечение реализации и осуществление программ территориального значения, порождаемых инновационным развитием.

Как представляется, совершенствование организации и управления наукой и промышленностью в России, их взаимодействие — основной способ значительного снижения стоимости научных исследований и сокращения времени внедрения их результатов в производство, а также улучшения их качества, и, в конечном итоге, повышения производительности труда. Это не может не внушать надежду на долгосрочный успех, и мы уверены, что экономическая ситуация в нашей стране изменится в лучшую сторону в самое ближайшее время. Поэтому государственная экономическая политика должна заключаться именно в этом, а государственное регулирование — являться тем важнейшим вкладом в достижение целей инновационного развития российской экономики.

В этой связи особое значение приобретает построение действенной системы, на наш взгляд, централизованного управления наукой и производством в Российской Федерации. Вместе с этим для устойчивого взаимодействия с промышленностью необходимо разработать комплексную программу государственного участия в технико-технологическом прогрессе нашей экономики. Функционирование подобной си-

стемы должно опираться на цепочку из трех звеньев: первое звено — организация и проведение научных исследований, второе звено — освоение и производство результатов научных исследований, и, наконец, третье звено — использование в экономике освоенных достижений науки, т.е. массовое производство и практическая реализация инновационных товаров, работ, услуг. Для этого — предусмотреть создание структуры специальных органов, занимающихся управлением этими процессами, и постоянное ее совершенствование. В основе их деятельности должно лежать формулирование конкретных целей, выработка параметров инновационного развития экономики и показателей их достижения, и, самое главное, — ответственность за выполнение разрабатываемых программ такого развития.

Впоследствии это можно рассматривать главной предпосылкой составления единого плана науки и производства как инструмента эффективного воздействия на инновационное состояние экономики. Кроме прочего, такой план выступит в качестве механизма реализации указанных выше мероприятий. В конечном итоге речь идет о создании нового института развития, который обеспечит формирование научно-технического задела на будущее. С таких позиций научно-технологический прорыв в нашей стране приобретает новый стратегический аспект. Именно это максимально приблизит Россию к позиции, с которой и начнется этот самый прорыв. Такая позиция будет исходным пунктом нового этапа экономического развития. Это позволит сформировать благоприятные условия для ускоренного создания инновационной продукции для внутреннего и внешнего рынков. Отсюда следует, что разработка и реализация единого плана науки и производства — это действенный механизм научно-техно-

логического прорыва. Можно сказать, — трансформационный механизм российской экономики, механизм ее структурной трансформации, в котором элементом его запуска служат формирование направлений и формулирование проблематики научных исследований, которые должны быть связаны исключительно с промышленностью и ее возможностями в освоении достижений науки, что обеспечит устойчивость нашей экономики в ближайшей и долговременной перспективе.

Изложенные меры и инициативы в совокупности представляют собой аппарат, который сможет поднять на новую ступень все экономическое строительство в нашей стране. Особо подчеркнем, что в единстве науки и производства — могущество России. В связи с этим текущая повестка должна быть направлена на повышение роли науки и производства в росте экономики. Отсюда необходимы соответствующие меры поддержки со стороны государства. Основное внимание должно быть направлено на развитие науки, ее активное вовлечение в воспроизводственные процессы с целью выявления возможностей научно-технологического прорыва. Перевод на путь интенсивного использования достижений науки и техники, их освоения в промышленности, т.е. путь инновационного развития, придаст определенный, а в случае прорыва, значительный импульс интериоризации российской экономики.

Все это — настройка инновационного развития — позволит решить стоящие сегодня перед Россией системные задачи и обеспечит выход экономики на новые рубежи, то есть придаст ей новое качество.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. — 2016. — № 2 (48). — С. 5–15.
2. Brown M. On the Theory and Measurement of Technological Change. Cambridge: Cambridge at the University Press, 1966.
3. Cherif R., Hasanov F. The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. IMF Working Paper, № 19/74, 2019.

References

1. Bodrunov S.D. Novoe industrial'noe obshchestvo. Proizvodstvo. Ekonomika. Instituty / S. D. Bodrunov // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. — 2016. — № 2 (48). — S. 5–15.
2. Brown M. On the Theory and Measurement of Technological Change. Cambridge: Cambridge at the University Press, 1966.
3. Cherif R., Hasanov F. The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. IMF Working Paper, № 19/74, 2019.

Контактная информация / Contact information

Санкт-Петербургская региональная общественная организация
ВЭО России

197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16

St. Petersburg regional public organization of the Free Economic Society
of Russia

16, Bolshaya Monetnaya st., St. Petersburg, 197101, Russia

Кочетков Сергей Вячеславович / Sergei V. Kochetkov
kochetkov-75@inbox.ru

Кочеткова Олеся Вячеславовна / Olesia V. Kochetkova
kochetkova.olesya@bk.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-276-292

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
МЕТОДОЛОГИИ
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
И ПЛАНИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**PROBLEMS OF APPLICATION
OF THE METHODOLOGY
FOR FORECASTING AND
PLANNING OF ECONOMY
IN MODERN RUSSIA**

БУШЕНЕВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА

Доцент кафедры экономики и управления
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина», к.полит.н.

YULIA I. BUSHENEVA

Associate professor, Department of economics
and management of Pushkin Leningrad State
University, Candidate of Political Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье характеризуется наличие ключевого противоречия современного российского прогнозирования и планирования – недостижение такого состояния, когда предположения прогнозов и планов находят воплощение в реальной экономической практике. Причинами такой ситуации выступает ряд методологических проблем, логика изложения которых в статье основана на выделении отдельных компонентов методологии прогнозно-плановой деятельности. Результаты проведенного исследования представлены в виде карты проблемных зон применения методологии, позволяющей сформировать ориентиры для решения выявленных противоречий.

ABSTRACT

The article describes the presence of a key contradiction of modern Russian forecasting and planning – the failure to achieve a state where the assumptions of forecasts and plans are implemented in real economic practice, there are trends of significant discrepancy between the fact and the plan in relation to the implementation of forecasts and plans, which is illustrated by the example of several documents. The reasons for this situation are a number of methodological problems, the logic of which is presented in the article as part of the characteristics of these problems in separate categories of forecasting and planning methodology. The results of the research are presented in the form of a map of problem areas in the application of forecasting and planning methodology in public administration, which allows us to form comprehensive guidelines for solving the identified contradictions in the practice of state regulation of the Russian economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Методология, прогнозирование, планирование, компоненты, методы, координация.

KEYWORDS

Methodology, forecasting, planning, components, methods, coordination.

Результативная реализация процессов прогнозирования и планирования в экономике может быть осуществлена только на основе определенной организованности данной деятельности или методологии. Методология прогнозирования и планирования формирует содержательно-ограничительный каркас для функционирования государственной прогнозно-плановой системы на определенном этапе ее развития, определяя принципы, логику, подходы и иные элементы планирования. Исследуемый предмет является динамичным феноменом, подвергаясь трансформации под влиянием решений органов государственной власти, изменений в экономической системе, потребностей общества. И именно в сфере методологии следует искать решение противоречий, возникающих в практике прогнозирования и планирования.

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкивается современная прогнозно-плановая работа, является перманентное недостижение ее ключевого результата — приобретение такого состояния, когда вероятностные предположения прогнозов и плановые показатели находят свое реальное выражение в экономической практике (прогнозы сбываются, а планы реализуются). Корректность данного тезиса очевидна при сопоставлении прогнозных показателей как еще советского, так и уже российского прогнозирования (см. рис. 1).

Согласно данным рисунка 1, фактические данные среднегодовые темпы экономического роста практически постоянно расходились с прогнозными значениями, сформированными в официальных государственных прогнозах, таких как Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы, Прогнозы долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. и 2036 г. (Прогноз-2030, Прогноз-2036). Особое расхождение наблюдалось

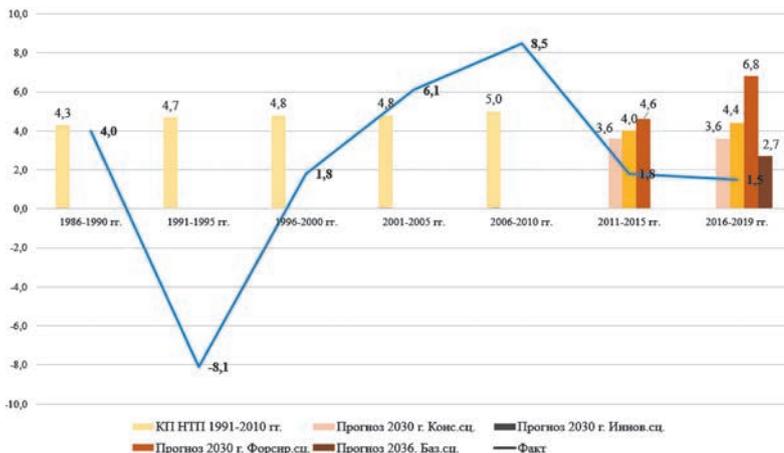

Рис. 1. Прогнозные и фактические среднегодовые темпы экономического роста за пятилетие, %¹

Источник: составлено автором по [1–5].

в периоды после распада СССР 1991–1995 гг. (прогноз оказался оптимистичнее факта на 12,8%), рыночных реформ и дефолта страны 1996–2000 гг. (на 3%), 2006–2010 гг. (факт оптимистичнее прогноза на 3,5%). В среднем за период 1986–2020 гг. расхождение прогнозных и фактических показателей составляло 2,2% (от 0,3 до 12,8%), причиной чего выступила невозможность предсказать на момент составления прогноза ситуации, которые оказали колоссальное влияние на социально-экономические процессы в мире в целом, и в России в частности («шоковая терапия», девальвация рубля, мировой финансовый кризис и др.).

Отмеченные ранее тенденции расхождения факта и плана наблюдаются и в отношении реализации планов. Так, показатели Концепции долгосрочного социально-экономического

¹ Приведены три сценария Прогноза-2030: консервативный, инновационный, форсированный (целевой). Для КП НТП указаны темпы роста конечного общественного продукта, для Прогноза-2030 и фактических данных с 1991 г. — темпы роста ВВП к предыдущему году в процентах, до 1991 г. темпы роста ВВП к предыдущему году в процентах.

Таблица 1

Различие фактических и плановых показателей, заложенных в Концепции-2020

№	Макроэкономические показатели	Концепция-2020			Факт			Изменение в 2016–2020 гг.	
		2008–2010	2011–2015	2016–2020	2008–2010	2011–2015	2016–2020	+/- (план-факт)	% (план к факту)
1	Цены на нефть (мировые), долларов США за баррель	99	91	108	79,7	96,6	56,6	65,1	-21,8
2	Численность населения, млн чел.	141,8	142,2	143,4	142,8	143,8	146,8	-6	1,4
3	Инфляция в среднем за год, %	10,3	6,4	3,5	10,3	8,7	3,8	-2,6	12,9
4	ВВП, среднегодовой прирост, %	6,8	6,4	6,3	0,6	1,8	1,5	15,6	-80,0
5	Реальные располагаемые доходы населения, среднегодовой прирост	10	7	6,7	3,8	1,1	-1,0	19,8	-83,5
6	Инвестиции, среднегодовой прирост	14–14,8	10,3	10	0,8	1,4	2,9	15,2	-74,9
7	Экспорт, среднегодовой прирост	2,8	3,8	3,8	8,9	-4,9	8,3	-1,9	18,3
8	Импорт, среднегодовой прирост	20	8,7	6,5	9,2	-4,7	7,1	23,6	-67,0

Источник: составлено автором по [6–8].

развития РФ до 2020 г. (Концепции-2020) и фактические показатели имеют значительное различие (см. таблицу 1).

Согласно данным таблицы 1, видно, что наблюдается существенная разница между плановыми и фактическими показателями. Наиболее точными оказались планы, поставленные в 2008 г., в отношении численности населения (отклонение факта от плана на 1,4%), несмотря на малопредсказуемое событие увеличения населения за счет присоединения к территории РФ двух новых субъектов: Республики Крым и города Севастополя в 2014–2015 гг. Все иные запланированные показатели оказались достаточно далеко от фактических, причем как в сторону преуменьшения показателей в плане (инфляция, экспорт), так и преувеличения (цены на нефть, ВВП, реальные располагаемые доходы населения, инвестиции, импорт), см. рис. 2.

Другим знаковым целевым показателем в Концепции-2020 явилось вхождение России в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности). На протяжении 2008–2020 гг. место России в данном рейтинге менялось, но достижение запланированного места так и не произошло, в 2019 г. страна осталась на 6-м месте.

Таким образом, в результате анализа приведенных данных возникают закономерные вопросы о целесообразности и практикоориентированности прогнозирования и планирования, оценки позвольтельного отклонения фактического результата от заранее predetermined, когда прогнозно-плановая деятельность перестает приносить необходимый итог для принятия экономических решений. Решение же проблемы недостаточного предсказательного потенциала прогнозов и планов следует искать в проблемах методологической сферы, которые можно разложить на группы

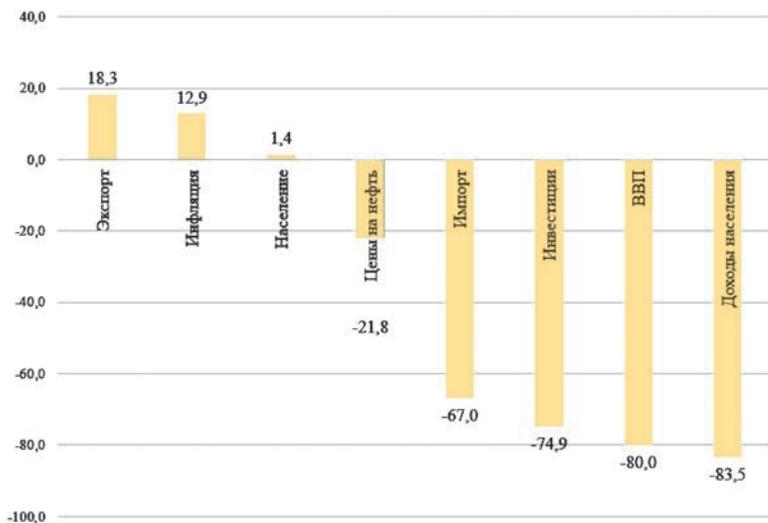

Рис. 2. Отклонение фактических показателей от запланированных в Концепции-2020, %

Источник: составлено автором по [6-8].

в соответствии с компонентным составом содержания методологии, что позволяет в конечном итоге сформировать карту проблемных зон применения методологии прогнозирования и планирования в государственном управлении России.

Первая группа проблем связана с противоречиями, формирующими основания для прогнозно-плановой методологии. Следует отметить, что используемый в настоящее время программно-целевой подход наряду с использованием сигнального подподхода не дает возможности в полной мере сформировать прогнозы и планы для экономического будущего, обладающего значительным потенциалом неопределенности при наличии ограниченности информации и существенном изменении параметров поведения экономики в условиях се-

резных кризисов и шоков. В результате в прогнозах и планах не формируются так называемые сценарии катастроф (джокеров или wild cards [9]), не учитываются крупные малопредсказуемые исключительные события, которые в разных формах регулярно проявляются при функционировании экономической системы.

В построении современных прогнозов и планов не учитываются положения теории управляемых внутренних противоречий (гомеостатики), поведения нелинейных динамических систем (теории хаоса), закономерностей изменения информации в сложных управляющих системах (кибернетики), малых изменений входных параметров, приводящих к резкому и безвозвратному изменению характеристик всей системы (теории катастроф). В том числе в результате игнорирования данных

Рис. 3. Дихотомия документов планирования и программирования в РФ на федеральном уровне

Источник: составлено автором.

теорий в прикладной деятельности прогнозы в современных условиях теряют свой предсказательный потенциал, а планы — свою конструктивную силу. Современный жестко целенаправленный подход, отягощенный «календарным фетишизмом», ограничивает степень предсказательного и конструктивного результата работы, наполняя информационные государственные потоки излишним и несбыточным оптимизмом.

Ключевой проблемой, касающейся порядка применения методологии, выступает медленное реагирование прогнозно-плановой системы на изменения во внешней среде. Имеющаяся «заторможенность» прогнозно-плановой системы приводит к тому, что в данной сфере превалирует режим «ручного управления», в рамках которого в основном формируются кратко- и среднесрочные прогнозы и планы. В результате в России на федеральном уровне возникает дихотомия планирования, которая выражается в раздвоенности планирования на реальное и декларируемое (см. рис. 3).

Реальное планирование, реализуемое в режиме «ручного управления», так же как и декларируемое, венчается ежегодным Посланием Президента РФ, документом, не имеющим утвержденных правил разработки и определяющим цели для годичного планирования. «Пусковым механизмом» для реализации положений послания и постановке целей на среднесрочную перспективу выступают «майские указы» Президента РФ 2012 г., 2018 г., определяющие директивные цели по отношению к деятельности Правительства РФ. Прикладная реализация указов Президента РФ находит свое выражение через национальные проекты, получившие оформление в форме национальных программ с реальным финансированием из федеральных, региональных бюджетов, внебюджетных фондов и источников, тогда как в декларируемой части данную

роль выполняют государственные программы, определенные в Федеральном законе № 172-ФЗ в качестве ДСП. Утверждение национальных программ осуществляется Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, утверждение государственных программ — Правительством РФ.

Вероятно, часть государственных программ каким-то образом будет коррелироваться с реализуемыми национальными проектами (совпадения с государственными программами отмечены для восьми национальных проектов: «Здравоохранение», «Образование», «Культура», «Жилье и городская среда», «Экология», «Наука», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт»).

При возникновении крупных непредсказуемых событий, оказывающих влияние на всю экономическую систему, прогнозно-плановые результаты в режиме «ручного управления» достаточно быстро трансформируются, тогда как декларируемая прогнозно-плановая махина остается прежней достаточно продолжительное время (в частности, новый долгосрочный Прогноз-2036 был принят только в 2018 г., что практически справедливо с позиции законодательства (новый долгосрочный прогноз должен разрабатываться каждые шесть лет), но имеет несколько опаздывающее действие в связи с тем, что макроэкономические условия существенно изменились еще в 2014–2015 гг., что урезало предсказательные возможности предыдущего Прогноза-2030).

Перекося в сторону кратко- и среднесрочного планирования приводит к недостаточному развитию и более длительному планированию. Так, Стратегия долгосрочного социально-экономического развития, необходимость которой явно назрела

для определения перспектив будущего в связи с истечением срока Концепции-2020, не принята вплоть до 2020 г., то есть в течение шести лет после вступления в действие Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» (далее — Федеральный закон № 172-ФЗ).

Проблемы способов деятельности в рамках методологии касаются накопленных противоречий в сфере экспертности, применения методов и обоснования результатов. В частности, при разработке государственных прогнозов и планов происходит узкий охват специалистов-экспертов, состав которых часто ограничен представителями органов власти, оставляя за бортом представителей научной общественности, бизнеса, гражданского общества. Даже если представители иных профессиональных и общественных групп привлекаются к разработкам прогнозов и планов, то их деятельность краткосрочна, порой разрознена, лишена полноценного сетевого взаимодействия. В результате рождаемые прогнозы и планы зачастую обладают невысоким эвристическим потенциалом, низкой прогнозно-плановой культурой, без согласования широкого круга социальных интересов. Снижение эвристичности в прогнозно-плановой работе приводит и к так называемой футурофобии, психологическому эффекту, при котором человеческая психика раздражительно реагирует на картину любого будущего, существенно отличного от имеющегося представления, в результате чего в прогнозах и планах нечетко прослеживаются действительно прорывные тренды и технологии.

Инструментарий, который в настоящее время имеется в распоряжении прогнозистов и плановиков, имеет определенные изъяны, в частности, экстраполяция в силу учета только трендов настоящего и будущего не в состоянии предсказать трансформационные неожиданные события будущего. Проблемами

эконометрических, информационных моделей выступает излишняя сложность и трудозатратность, при экспертизе привлекается урезанное число экспертов, а привлечение более значительного числа будет нарушать принцип рентабельности. Сами подходы и методы в разных регионах страны носят разрозненный характер, не сформирована сквозная методология создания документов и единая методическая поддержка планирования. Таким образом, отечественная прогнозно-плановая работа использует урезанный инструментарий, который по целому ряду параметров оказывается не соответствующим новой постиндустриальной экономической реальности.

В современных российских прогнозах количественные результаты или отсутствуют, ведя к потере конкретных ориентиров (например, как в Прогнозе долгосрочного научно-технологического развития России), или их реализация далека от факта (Концепция-2020, Прогноз-2030). В итоге современные прогнозно-плановые документы имеют проблему собственного обоснования, имея слабую подкрепленность экономическими оценками и расчетами ВВП, объема промышленного производства, инвестиций. Важно отметить, что «избегаемость» количественных данных в целом ряде документов дополняется и неупоминанием о ресурсах и механизмах, необходимых для достижения желаемого состояния.

Следующая группа проблем связана с результатами деятельности, что может быть выражено в проблемах координации. Здесь формируются проблемы несвязанности ДСП между собой, отсутствие согласования между прогнозами и планами, слабая связь целевых показателей с фактическими макроэкономическими параметрами. В итоге отсутствует увязка стратегий развития отраслей на федеральном, региональном

и муниципальном уровне, вышестоящие документы не задают рамки для документов последующего уровня.

Второй момент связан с одновременной реализацией на определенной территории целого ряда документов, что приводит к путанице между ними, повышает нагрузку на органы публичной власти. В итоге на территории субъекта реализуется целый ряд параллельных документов: приоритетные национальные проекты, государственные федеральные и региональные программы, целевые и ведомственные программы.

Разрозненности добавляет такой документ стратегического планирования, как Стратегии социально-экономического развития макрорегионов, разрабатываемые на долгосрочный период для двух и более субъектов РФ. В настоящее время существует 12 макрорегионов, которые практически не совпадают с границами восьми федеральных округов, что вызывает вопрос о руководстве реализацией данных стратегий, межведомственной и межрегиональной координации, источниках и объемах финансирования, соотношении данных стратегий со стратегиями социально-экономического развития федеральных округов.

В итоге формируется ситуация, когда происходит нарушение одного из важных принципов планирования — принципа оптимальности, что приводит к путанице в согласовании между результатами прогнозно-плановой работы и их нескоординированности. Кроме того, многие стратегии остаются попросту на бумаге, поскольку не предусматривают источников финансирования, в отличие от национальных проектов и программ. В результате принятый Федеральный закон № 172-ФЗ не удается полноценно встроить в имеющуюся систему планирования. Проблемы результата деятельности усугубляются отсутствием единого координационного

центра прогнозирования и планирования в стране, а также наличием множества разрозненных и правовых документов, регулирующих данную сферу.

Проблемы мониторинга деятельности связаны с противоречиями в оценивании результатов прогнозирования и планирования и ответственности за их осуществление. Зачастую данный мониторинг и распределение ответственности носит узковедомственный характер, что приводит к размыванию результатов, несквозному характеру контроля, не позволяет сформировать комплексной управленческой системы и своевременно информировать общество о результатах работы. Сама оценка носит несвоевременный нерегулярный характер, без системного аудита противоре-

Рис. 4. Карта проблемных зон применения методологии прогнозирования и планирования в государственном управлении России

Источник: составлено автором.

чий и выявления патологий в процессе и результатах прогнозирования и планирования.

Приведенные проблемы могут быть объединены в рамках карты проблемных зон применения методологии прогнозирования и планирования в государственном управлении России, имеющей следующий вид (см. рис. 4).

Таким образом, несмотря на создание системы документов стратегического планирования, состоящей из значительного числа планов и прогнозов, в системе российского прогнозирования и планирования отсутствует целостность и единство. В связи с этим необходима дальнейшая работа по формированию скоординированной системы стратегического планирования в РФ и методологических основ ее функционирования. Данная работа должна быть нацелена на реализацию обоснованной управленческой практики, имеющей долгосрочный характер и направленной на адаптивное решение возникающих противоречий в экономической системе, оперативное приспособление управленческих механизмов к экономической ситуации и наличие обоснованного целенаправленного экономического движения.

Библиографический список

1. Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-tehnicheskogo-progressa-sssr/>
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. (утв. Правительством РФ в 2011 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2036 г. (разработан Минэкономразвития России)

- от 28.11.2018) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. СССР в цифрах в 1989 году. Краткий статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1990. 451 с.
 5. ВВП. Индексы физического объема, в процентах к предыдущему году. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm.
 6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собр. законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
 7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gks.ru>
 8. Цена на нефть марки Brent [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldtable.info/yekonomika/cena-na-neft-marki-brent-tablica-s-1986-po-20.html>.
 9. Рай В.В. Зарождающиеся тенденции и «джокеры» как инструменты формирования и изменения будущего // Форсайт. 2012. Т. 6. № 1. С. 60–73.

References

1. Kompleksnaja programma nauchno-tehnicheskogo progressa SSSR na 1991–2010 gody [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-tehnicheskogo-progressa-sssr/>
2. Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija RF na period do 2030 g. (utv. Pravitel'stvom RF v 2011 g.) [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>
3. Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija RF na period do 2036 g. (razrabotan Minjekonomrazvitija Rossii ot

- 28.11.2018) [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>
4. SSSR v cifrah v 1989 godu. Kratkij statisticheskij sbornik. M.: Finansy i statistika, 1990. 451 s.
 5. VVP. Indeksy fizicheskogo ob#ema, v procentah k predydushhemu godu. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm.
 6. Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija RF na period do 2020 g. utv. Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2008. № 47. St. 5489.
 7. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <https://www.gks.ru>
 8. Cena na neft' marki Brent [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <https://worldtable.info/yekonomika/cena-na-neft-marki-brent-tablica-s-1986-po-20.html>.
 9. Raj V.V. Zarozhdajushhiesja tendencii i «dzhokery» kak instrumenty formirovanija i izmenenija budushhego // Forsajt. 2012. T. 6. № 1. S. 60–73.

Контактная информация / Contact information

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10

Pushkin Leningrad State University, 10, Petersburg highway, St. Petersburg, 196605, Russia

Бушенева Юлия Ивановна / Yulia I. Busheneva

+7 (812) 451-74-41

u.busheneva@lengu.ru, busheneva@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-293-312

**ПАРТИСИПАТИВНАЯ
МОДЕЛЬ ПРОЕКТНОГО
ФИНАНСИРОВАНИЯ ВУЗОВ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБРАЗОВАНИЯ**
**PARTICIPATIVE MODEL
OF PROJECT FINANCE
OF UNIVERSITIES
IN THE CONDITIONS
OF THE DIGITAL
TRANSFORMATION
OF EDUCATION**

РОДЕНКОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Профессор кафедры финансов и цен
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор

TATYANA N. RODENKOVA

Professor, Department of Finance and Prices,
Russian Economic University. G.V. Plekhanov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

**ПОКАМЕСТОВ ДМИТРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Аспирант кафедры финансов и цен Российского
экономического университета
имени Г. В. Плеханова

DMITRY A. POKAMESTOV

Graduate student Department of Finance and
Prices, Plekhanov Russian University
of Economics

АННОТАЦИЯ

В России сформирована и функционирует базовая модель финансирования вузов, ориентированная на общественный рынок, а также накоплен успешный опыт проектного финансирования высшего образования, обеспечивающий решение задач цифровой трансформации. Однако российская модель финансирования вузов, в отличие от зарубежных, основанных на взаимодействии государственного и частного секторов экономики, до сих пор сохраняет централизованный и отчасти отраслевой подход. Снятию этих ограничений способствует предложенная в исследовании партисипативная модель проектного финансирования вузов с использованием механизма ГЧП, сущность которой заключается в консолидации бюджетных и внебюджетных источников финансирования при общественной (публичной) координации взаимодействия финансовых партнеров в рамках ГЧП.

ABSTRACT

The strategic line of development of the digital society in Russian Federation is aimed, first of all, at the development of human potential, that is, the «knowledge economy», and only then at the formation of a digital economy that provides technological leadership in the global digital space. Forms universal digital literacy and professional and communicative competencies necessary for the «knowledge economy», and also creates a supporting infrastructure for the digital economy in the sphere of professional education. In the era of digitalization, project financing has become

one of the leading trends in financial support for education. In the course of the research, two types of financing models in the global educational space were identified: basic models and derived (partial) models. Taking into account the fact that in Russia the main investor in the field of higher education is the state, in order to attract extra-budgetary sources, the potential of the financial mechanism of public-private partnership should be used. That is, the mixed model of subsidizing projects of state programs can be expanded by introducing into it a block of project financing within the framework of the PPP mechanism that stimulates the inflow of private capital. In turn, the development of new information technologies and products is changing the models of project financing in higher education. The participatory model of project financing of universities proposed in the study using the PPP mechanism ensures the embedding of civil society institutions both in the budgetary process that determines the level of spending on higher education and in the process of public-private investment in universities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровая трансформация, проектное финансирование, модели финансирования образования, смешанная модель субсидирования проектов госпрограмм, партисипативная модель проектного финансирования вузов.

KEYWORDS

Digital transformation, project financing, education financing models, mixed model of subsidizing state programs projects, participative model of project financing of universities.

В формировании глобального цифрового пространства под руководством Всемирного банка участвует более 190 стран мира и около 800 крупных корпораций. «Россия в группе G20 занимает 16-е место, отставая от мировых

лидеров цифровой экономики — Китая, Индии, Японии, США, Республики Корея, Великобритании»¹. На реализацию Правительственной программы цифровизации страны в полном объеме требуется 185 трлн руб., т.е. почти 23,1 трлн руб. ежегодно или около 31% ВВП в год, что в 1,5 раза больше бюджета страны. Всего на шестилетний период (до 2024 года) из бюджета страны на проекты по цифровой экономике выделено более 280 млрд руб. Очевидно, что недостающие средства необходимо привлекать из внебюджетных источников, в том числе за счет проектного финансирования.

Проектное финансирование стало одним из ведущих трендов финансовой поддержки образования в эпоху цифровизации. Так, например, федеральные проекты, входящие в национальный проект «Образование» и национальную программу «Цифровая экономика», включают комплекс различных мероприятий, направленных на цифровую трансформацию университетов. Одним из них является разработка модели ««Цифровой университет» с применением цифровых технологий», предполагающее конкурсный отбор и поддержку 20 вузов. Усиливается значимость и государственных некоммерческих организаций, продвигающих цифровую трансформацию вузов России и участвующих в софинансировании отдельных проектов. Проектное взаимодействие, изменяя современные образовательные отношения, меняет и модели финансирования. Так, по прогнозам зарубежных экспертов в ближайшей перспективе будут превалировать два технологических уклада (старый и новый) и, соответственно, два типа экономики, оказывающие различное влияние на финансовую стратегию в образовании. По их мнению, в процессе такой

¹ Петров А.А. Цифровизация экономики: проблемы, вызовы, риски. Торговая политика. Trade policy / 2018. № 3/15. ISSN 2499-9415 с. 12.

трансформации главной задачей остается развитие сферы образования, встроенной в «квазиобразовательный рынок», для решения которой ключевым элементом управления становится «рыночная» политика финансирования образования, то есть через образование будет осуществляться «социальное и профессиональное расслоение различных общественных групп населения». Таким образом, государственное финансирование образования, сложившееся еще во второй половине 19-го века, сменит система диверсифицированного финансирования, предусматривающая финансовую ответственность за предоставление образования в постоянно меняющихся рыночных условиях, турбулентность которых будут усиливать риски цифровизации. В процессе исследования мы выделили два типа моделей финансирования в мировом образовательном пространстве: базовые модели и производные (частные) модели (рис. 1).

Базовые модели финансирования включают как модели, ориентированные на свободный и общественный рынок, так и антирыночную модель социального финансирования образования. Производные (частные) модели финансирования, функционирующие в рамках базовых моделей, определяются стратегиями развития образования и особенностями методологических подходов различных стран, а также целями цифровизации экономики и образования.

Теоретической базой модели финансирования, ориентированной на свободный рынок (в странах Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, Испании, Швеции, некоторых странах Восточной Европы), является классическая неолиберальная теория, предполагающая реализацию образовательной услуги с максимальной прибылью юридически независимыми от государства учебными заведе-

Рис. 1. Модели финансирования образовательных организаций в мировом образовательном пространстве

ниями. Концептуальной основой модели финансирования (экономически развитые страны Западной Европы, Россия), ориентированной на общественный рынок, является теория «гуманного капитализма» и активного государства, в рамках которой осуществляется политика сокращения государственного финансирования при официально декларируемых гарантиях доступности образования. В отличие от рыночно ориентированных, целью антирыночной модели финансирования образования, реализуемой в странах Западной и Северной Европы, является всестороннее развитие индивидуумов. Использование финансовых ресурсов при этом должно не только способствовать повышению качества учебного процесса, но и предусматривать внешнюю и внутреннюю оценку результатов образовательной деятельности.

Общей тенденцией развития как рыночных, так и анти-рыночных моделей финансирования образования является дифференцированное (многоканальное финансирование), учитывающее требования цифровизации экономики, расширяющее спектр финансовых инструментов, повышающих уровень ресурсного обеспечения учебных заведений. Все эти модели финансирования стимулируют развитие системы открытого обучения, обеспечивающей необходимую в условиях цифровизации измеримость индикаторов результативности образовательного процесса.

В России сейчас сформирована и функционирует базовая **модель финансирования вузов**, ориентированная на общественный рынок, для которой характерны:

- *Сжатие сети образовательных организаций с целью повышения их эффективности.* На начало 2018 года в России было 1314 организаций высшего образования (из них 583 филиала). За счет сокращения филиальной сети в 2019 году остался 741 вуз, из которых около 67% (496) государственных, остальные 23% (245) — негосударственные учебные заведения. Для сравнения, в США 3286 университетов, из них больше половины (57%) частных.
- *Повышение процента выпускников вузов, трудоустроенных по специальности.* Сегодня меньше половины выпускников российских вузов начинают работать по специальности, в США — 76%.
- *Выполнение социальных обязательств (предоставление бюджетных мест) для сохранения социального равновесия в обществе.* В советский период количество бюджетных мест в вузах в расчете на 10 тыс. населения составляло 220, в настоящее время — менее 130; стипендиальный фонд

индексируется на 3%, то есть ниже реально ожидаемой инфляции.

- *Устойчивый тренд на сокращение доли государственного финансирования путем его замещения внебюджетными источниками*, прежде всего за счет платного обучения. В ведущих вузах страны от 40 до 55% от общего объема финансовых средств составляют доходы, полученные от вложений в образование самих обучающихся.
- *Стимулирование результатов образовательной деятельности вузов и обучающихся, и обучаемых*. Так, например, по итогам комплексной оценки эффективности долгосрочных программ развития национальных исследовательских университетов, на первом этапе предусматривалось их финансирование из бюджета федерального проекта «Развитие образование».

Российская модель отличается от аналогичных зарубежных тем, что в последних модели финансирования университетов основаны на привлечении как государственных, так и частных инвестиций, а система управления финансами в высшем образовании России до сих пор сохраняет централизованный и отчасти отраслевой подход, унаследованный от плановой экономики. Однако глобальные вызовы цифровизации и развитие «квазиобразовательного рынка» диктуют необходимость диверсифицированного финансирования проектов развития отечественного высшего образования. В связи с чем в России запущена производная от базовой смешанная модель субсидирования проектов государственных программ, основанная на концепции программно-целевого финансирования и бюджетирования, ориентированного на результат (рис. 2).

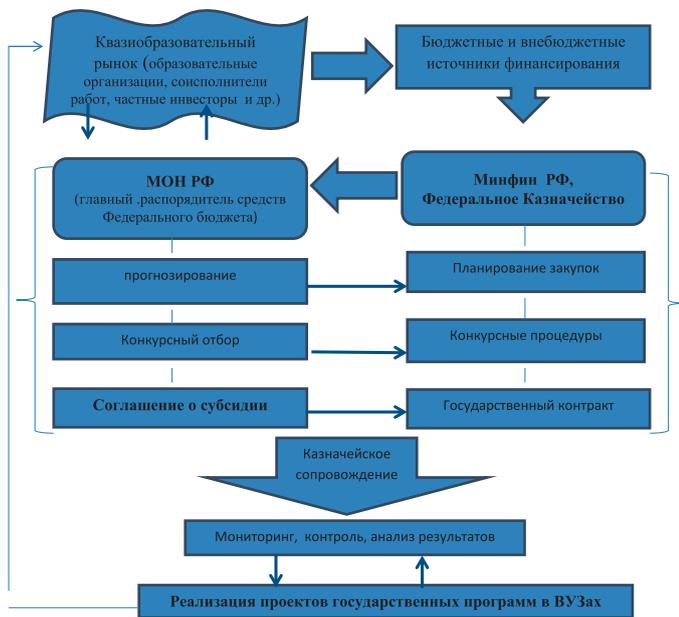

Рис. 2. Смешанная модель субсидирования проектов государственных программ в сфере высшего образования²

Построенная с учетом распределительной и контрольной функций финансов (Минфин РФ через Федеральное Казначейство), обеспечивающих взаимодействие главного распорядителя бюджетных средств (МОН РФ), бюджетных и автономных образовательных организаций (получателей субсидий) и исполнителей работ (физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, корпораций и др.), модель расширяет возможности привлечения внебюджетных источников финансирования. Например, экономически обоснованное соглашение по предоставлению субсидий

² Составлено авторами.

не только снижает риски недополучения средств из внебюджетных источников, но и позволяет применять финансовые санкции при невыполнении обязательств сторонами соглашений. Кроме того, мониторинг, контроль и анализ результатов реализации проектов государственных программ вузов осуществляется как через казначейское исполнение бюджетов проектов, так и через МОН РФ в процессе оценки эффективности деятельности и рейтингования вузов.

В эпоху цифровой трансформации образования к рискам недофинансирования добавляются риски цифровизации, ключевыми из которых являются «проблемы морально-нравственных ценностей человека, его готовности принять изменения в социально-экономической среде и адаптироваться к ним». С другой стороны, как отмечают эксперты, «внедрение цифровых технологий и инструментов формирует новую образовательную среду и новую образовательную модель». В этой связи, на наш взгляд, концептуальной основой новой модели финансирования образования должна стать системная парадигма, объединяющая «культурно-ценностную парадигму, социально-экономическую парадигму и информациональную парадигму, которая опирается на введение новых инструментов получения, обработки и воспроизводства финансовой информации». В рамках системной парадигмы успешно реализуется стратегия проектного финансирования отечественного высшего образования в условиях ускоряющихся темпов его цифровизации. Параллельно для финансирования программ цифровизации надо привлекать частные капиталы, повышая инвестиционную привлекательность высшего образования.

По нашему мнению, учитывая то, что в России основной инвестор в сфере высшего образования — государство (например, в структуре финансирования национального проекта

«Образование» самая большая доля федерального бюджета — 92% (723,3 млрд руб.), затем доля консолидированных бюджетов субъектов РФ — около 6% (45,7 млрд руб.), внебюджетных источников — 2% (15,4 млрд руб.), для привлечения внебюджетных источников следует задействовать потенциал финансового механизма государственно-частного партнерства. В первую очередь это обусловлено не только значительной долей государственных вузов, но и тем, что в условиях цифровизации высшего образования «из инструмента решения оперативных задач ГЧП может превратиться в большей степени в механизм решения задач стратегических».

Если признать высшее образование социальной нормой, то уже сейчас имеются все объективные предпосылки использования механизма ГЧП для решения задач национальных проектов и государственных программ. Во-первых, основные принципы функционирования института ГЧП в сфере образования (открытость и доступность информации о ГЧП, принцип обеспечения конкуренции и принцип отсутствия дискриминации), которые также распространяются на все элементы проектного финансирования, уже установлены действующим законодательством. Во-вторых, выбор наиболее эффективных проектов в форме ГЧП можно осуществлять на этапе формирования как отраслевых, так и федеральных инвестиционных программ, реализуя возможность строительства необходимой для цифровой трансформации образовательной и научной инфраструктуры с привлечением внебюджетных источников. В-третьих, механизм ГЧП оптимизирует распределение рисков в процессе реализации проектов, так как позволяет государству сохранить контроль и право собственности на объекты инфраструктуры. В-четвертых, российское законодательство о ГЧП предоставляет государству экономические

и административные рычаги воздействия на частного партнера в зависимости от выбора инструментов прямой или косвенной поддержки, что имеет особое значение для социально значимых, но нерентабельных проектов. В-пятых, механизм ГЧП создает синергетический эффект от использования различных источников финансирования проектов.

Таким образом, смешанную модель субсидирования проектов государственных программ можно расширить за счет введения в нее блока финансирования проектов госпрограмм в рамках механизма ГЧП (рис. 3). Цифровая трансформация сферы образования означает не только трансформацию всех основных видов деятельности вузов, но и поэтапное изменение модели финансирования, обусловленное внедрением новых информационных технологий и продуктов.

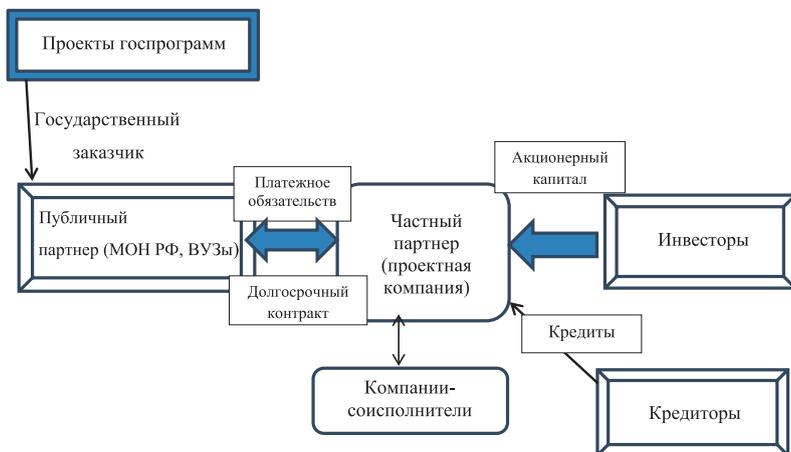

Рис. 3. Блок финансирования проектов госпрограмм в рамках механизма ГЧП³

³ Составлено авторами.

Например, с 2019 г. в России уже предоставляются федеральные субсидии с применением льготного кредитования для проектов по внедрению отечественных продуктов, сервисов и платформенных решений, созданных на базе «сквозных» цифровых технологий. Следует иметь в виду, что вузы, активизирующие внедрение цифровых технологий не только в образовательный, но и в управленческий процессы, переходят от действующей сегодня административно-бюрократической к партисипативной модели как управления в целом, так и управления финансами. Партисипативное (или партисипаторное) бюджетирование рассматривается отечественными исследователями как «форма демократии „участия“, предполагающая вовлеченность граждан в выбор приоритетов расходования бюджетных средств». В 2018 году в субъектах Российской Федерации были «сформированы и функционируют 25 проектных центров инициативного бюджетирования», которое осуществляется, как правило, в двух вариантах: «Народный бюджет» (выбор приоритетов расходования бюджетных средств) и Программа поддержки местных инициатив (многоканальное финансирование проектов, получивших одобрение жителей). А в десяти субъектах Российской Федерации в проектах инициативного бюджетирования участвуют научные и образовательные организации. Таким образом, в управлении финансовыми ресурсами цифровой трансформацией высшего образования назрела острая необходимость сотрудничества государства не только с частным инвесторами в форме ГЧП, но с институтами гражданского общества. Следовательно, следующим этапом модификации базовой модели финансирования вузов, ориентированной на общественный рынок, становится встраивание гражданских сообществ и общественных институтов как в бюджетный процесс, так и в процесс государственно-частного инвестирования образования.

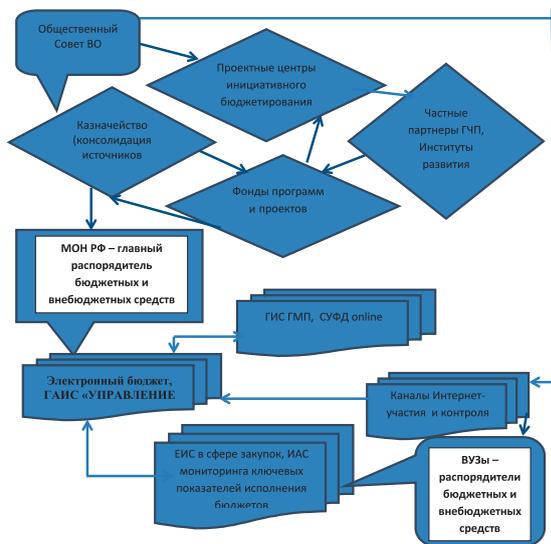

Рис. 4. Партисипативная модель проектного финансирования вузов в условиях цифровой трансформации⁴

В этой связи мы предлагаем партисипативную модель проектного финансирования вузов с использованием механизма ГЧП, сущность которой заключается в консолидации бюджетных и внебюджетных источников финансирования при общественной (публичной) координации взаимодействия финансовых партнеров в рамках ГЧП (рис. 4).

Модель представляет собой информационно-аналитическую систему взаимодействия управляющей подсистемы (Общественный Совет ВО, Проектные центры инициативного бюджетирования, Федеральное Казначейство), управляемой подсистемы (МОН РФ, вузы, партнеры ГЧП) и обеспечивающей подсистемы, включающей «Электронный бюджет»,

⁴ Составлено авторами.

ГАИС «УПРАВЛЕНИЕ», ЕИС в сфере закупок, ИАС мониторинга ключевых показателей исполнения бюджетов, ГИС о государственных и муниципальных платежах, систему удаленного финансового документооборота, а также специализированный интернет-портал для публичного принятия решений с участием и под контролем Общественного Совета ВО. Мы рассматриваем партисипативное управление финансами в сфере высшего образования как управленческую систему, контролируруемую Общественным Советом, обеспечивающую вовлечение широких слоев населения, а также различных общественных организаций и частных партнеров в процессы принятия финансовых решений за счет расширения сферы их полномочий и ответственности, миссией которой является эффективное выполнение задач стратегического развития российских вузов.

Нормативно-правовая база в сфере высшего образования гарантирует легитимность партисипативной модели проектного финансирования с использованием механизма ГЧП как в форме концессий (Закон № 115-ФЗ), так и форме соглашений по ГЧП (Закон № 224-ФЗ). В целом законодательство Российской Федерации уже сейчас позволяет использовать три основные схемы организации проектной деятельности в сфере образования в рамках партисипативной модели, в которых при соответствующей санкции Общественного Совета ВО, Минобрнауки РФ может: самостоятельно реализовать функции управления и сопровождения проектного финансирования; делегировать субъектам РФ и отдельным вузам полностью или частично функции сопровождения проектного финансирования; частично делегировать функции сопровождения проектного финансирования внешним организациям-консультантам — проектным центрам.

Партисипативная модель проектного финансирования вузов с использованием механизма ГЧП в условиях цифровой трансформации сферы высшего образования позволяет:

- 1) организовать публичное участие в формировании бюджетов проектов госпрограмм и усилить публичный контроль за результативностью расходования финансовых средств главным распорядителем и распорядителями бюджетных и внебюджетных средств в сфере высшего образования;
- 2) создать под публичным контролем систему оценки влияния проектного финансирования вузов на достижение главных целей развития высшего образования в условиях цифровой трансформации;
- 3) в рамках механизма ГЧП расширить спектр инструментов прямой и косвенной поддержки частных инвесторов в сфере высшего образования;
- 4) привлечь финансовые ресурсы государственных и негосударственных финансовых институтов для реализации проектов;
- 5) использовать лучшие практики *«мягкого» регулирования процессов* финансового обеспечения нацпроектов, реализуемых в сфере высшего образования, путем обоснования и структурирования публичных инициатив в виде проектов;
- 6) ввести комплексную автоматизированную систему финансовой оценки проектов, в том числе проведения качественных экспертиз и оценок проектных инициатив отдельных вузов, а также социальных инициатив регионов с формированием рекомендаций по доработке проектов;

- 7) использовать в государственном управлении финансовые модели проектов ГЧП, апробированные в частном секторе экономики, в том числе для определения критериев и алгоритмов распределения финансовых ресурсов при разработке проектов, соответствующих стратегическим целям развития вузов.

На наш взгляд, сегодня актуально и важно ввести в проектную деятельность ключевых экономических министерств и ведомств страны, направленную на решение задач цифровой трансформации сферы образования в процессе реализации государственных программ, партисипативную модель проектного финансирования вузов, обеспечивающую не только вовлечение широкого спектра общественных и частных институтов в процессы принятия финансовых решений, но и эффективность государственно-частного инвестирования высшего образования.

Библиографический список

1. Петров А.А. Цифровизация экономики: проблемы, вызовы, риски. Торговая политика. Trade policy / 2018. № 3/15. ISSN 2499-9415 (с. 10–30).
2. Эксперты подсчитали цену «цифровой революции» в России. Лентач. 30.06.2017. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://lentach.media/articles/eksperty-podschitali-tsenu-tsifrovoy-revoliutsii-v-rossii> (дата обращения: 25.09.2020).
3. Васильев И.А., Дивеева Н.И., Дмитрикова Е.А., Оленников С.М., Шевелева Н.А. // «Бюджетное финансирование подготовки кадров для процесса цифровизации экономики». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4: 655–672. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.403> (дата обращения: 23.09.2020).

4. Хофман Х.Г. Новые формы финансирования, гарантирующие равное образование для всех, и развитие системы платного образования. Некоторые практические примеры западноевропейских стран // Университетское управление. — 2000. — № 4 (15). — С. 35–42.
5. Образование в цифрах: 2019. Высшая школа экономики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.hse.ru/primarydata/oc2019> (дата обращения: 19.08.2020).
6. Петров А.А. Цифровизация экономики: проблемы, вызовы, риски // Торговая политика. Trade policy / 2018. № 3/15. ISSN 2499-9415 (с. 10–30).
7. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101. [Электронный ресурс]—Режимдоступа:<https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106>(дата обращения: 13.09.2020).
8. Слепов В.А., Роденкова Т.Н., Гришина О.А., Михадзетдинова К.З. Парадигма управления финансами ВУЗов России в современных условиях // Финансовая жизнь, № 2, 2020 с. 49–54.
9. Килинкаров В.В. «Государственно-частное партнерство в сфере высшего образования и науки в России». Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2, с. 210–225.
10. Гаврилова Н.В. Реализация проектов партисипаторного бюджетирования посредством интернета. Вестник Удмуртского университета 2017 г., т. 27, вып. 1, с. 19–26.
11. Музычук В.Ю., Хаунина Е.А. Институциональные новации в финансировании культуры (научный доклад). — М.: Институт экономики РАН, 2016. — 66 с.
12. Одинцова А.В. Инициативное бюджетирование в системе пространственного развития. Федерализм. 2019 г. (1), с. 56–71.

References

1. Petrov A.A. Tsifrovizatsiya ekonomiki: problemy, vyzovy, riski. Torgovaya politika. Trade policy / 2018. № 3/15. ISSN 2499-9415 (s. 10–30).
2. Eksperty podschitali tsenu «tsifrovoi revolyutsii» v Rossii. Lentach. 30.06.2017. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://lentach.media/articles/eksperty-podschitali-tsenu-tsifrovoi-revoliutsii-v-rossii> (data obrashcheniya 25.09.2020).
3. Vasil'ev I.A., Diveeva N.I., Dmitrikova E.A., Olennikov S.M., Sheveleva N.A. // «Byudzhethnoe finansirovanie podgotovki kadrov dlya protsessa tsifrovizatsii ekonomiki». Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo 4: 655–672. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.403> (data obrashcheniya 23.09.2020).
4. Khofman Kh.G. Novye formy finansirovaniya, garantiruyushchie ravnoe obrazovanie dlya vseh, i razvitie sistemy platnogo obrazovaniya. Nekotorye prakticheskie primery zapadnoevropeiskikh stran» // Universitetskoe upravlenie. — 2000. — № 4 (15). — S. 35–42.
5. Obrazovanie v tsifrakh: 2019. Vysshaya shkola ekonomiki. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/primarydata/oc2019> (data obrashcheniya 19.08.2020).
6. Petrov A.A. Tsifrovizatsiya ekonomiki: problemy, vyzovy, riski // Torgovaya politika. Trade policy / 2018. № 3/15. ISSN 2499-9415 (s. 10–30).
7. Minina V.N. Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya i ee sotsial'nye rezul'taty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2020. T. 13. Vyp. 1. S. 84–101. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106> (data obrashcheniya 13.09.2020).

8. Slepov V.A., Rodenkova T.N., Grishina, O.A., Mikhadzetdinova K.Z. Paradigma upravleniya finansami VUZov Rossii v sovremennykh usloviyakh // Finansovaya zhizn', № 2, 2020 s. 49–54.
9. Kilinkarov V.V. «Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sfere vysshego obrazovaniya i nauki v Rossii». Vestnik SPbGU. Pravo. 2019. T. 10. Vyp. 2, s. 210–225.
10. Gavrilova N.V. Realizatsiya proektov partisipatornogo byudzhetrovaniya posredstvom interneta. Vestnik Udmurtskogo universiteta 2017 g., t. 27, vyp. 1, s. 19–26.
11. Muzychuk V.Yu., Khaunina E.A. Institutsional'nye novatsii v finansirovanii kul'tury (nauchnyi doklad). — M.: Institut ekonomiki RAN, 2016 — 66 s.
12. Odintsova A.V. Initsiativnoe byudzhetrovanie v sisteme prostranstvennogo razvitiya. Federalizm. 2019 g. (1), s. 56–71.

Контактная информация / Contact Information

ФБГОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36

Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny`j pereulok, Moscow, 117997, Russia

Татьяна Николаевна Роденкова / Tatyana N. Rodenkova

Rodenkova_t@mail.ru

Дмитрий Александрович Покаместов / Dmitry A. Pokamestov

Pokamestov1@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ «НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ»

1. Статья предоставляется в электронном виде в формате Word с расширением .doc или .docx.

1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 20 мм; боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

1.6. Фотография автора (не менее 2 МБ, формат файла .jpeg).

2. Структура статьи:

— название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;

— название статьи в переводе на английский язык;

— автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;

— информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О. (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

— краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);
— развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

— на русском языке (до 10);
— на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

— таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;
— иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на

английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации — BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов).

— полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999.

По вопросам публикации статей следует обращаться в Дирекцию ВЭО России:

+7 (495) 609-07-60

info@veorus.ru

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том № 5 (225), 2020 г.

Учредитель: Общественная организация – Вольное экономическое общество России (125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А).

Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре – ПИ №77-3786 от 20.06.2000.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России

Адрес издателя и редакции: 125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru

<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Главный редактор: С.Д. Бодрунов, д.э.н., профессор

Над выпуском работали: А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Оформление и верстка — ООО «Экономикс Медиа»

Корректоры — О. Басий, Н. Дума

Подписано в печать 30 ноября 2020 г. Формат 14 x 20 см.

Бумага офсетная

Выход в свет 7 декабря 2020 г.

Тираж 1000 экз., Заказ № 104

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При»

152900, Ярославская обл.,

г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57.

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2020

ISBN 978-5-94160-214-8

ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-214-8

9 785941 602148

Scientific Publication

SCIENTIFIC WORKS

OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Volume № 5 (225), 2020 г.

Founder: Public organization - Free Economic Society of Russia
(125009, Moscow, Tverskaya St., 22A).

Registration number – ПИ №77-3786, 06/20/2000.

Subscription Code ПП999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia

22A, Tverskaya, 125009, Moscow, Russia

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru

<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief – S.D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor.

Publication Editors – Anna V. Bobina, Maxim A. Lazarev

Signed for printing on November 30, 2020. Format 14 x 20 cm.

Offset paper

Publication December 7, 2020

Run of 1,000 copies, Order No. 104

Printed in the printing house

of «Grand Prix» LLC

152900, Yaroslavl region, Rybinsk, Ordzhonikidze str., 57.

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2020

ISBN 978-5-94160-214-8

ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-214-8

9 785941 602148

